

Российская Академия Наук
Институт философии

**МЕНЯЮЩАЯСЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ:
КОНТУРЫ БУДУЩЕГО**

Москва
2012

УДК 300.36
ББК 15.56
М 51

Ответственный редактор

ддоктор филос. наук, проф. *В.Г. Федотова*

Рецензенты

доктор филос. наук *Н.Н. Зарубина*

доктор филос. наук *М.С. Киселева*

М 51 **Меняющаяся** социальность: контуры будущего [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Г. Федотова. – М. : ИФРАН, 2012. – 267 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0218-8.

Предлагаемая книга является плановой коллективной монографией, которой завершается исследовательский проект сектора социальной философии, в рамках которого выпущено уже две монографии «Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса» (2010), «Человек в экономике и других социальных средах» (2008), а также материалы Круглых столов журнала «Полис» (2011. № 1) и Института экономики РАН «Мир перемен» (2011. № 2).

Данная монография описывает перспективы модернизации, капитализма, состояния масс и человека, консьюмеризм, угрозы безопасности и окружающей среды, места человека в социоприродном универсуме, рассмотрены сценарии будущего.

ISBN 978-5-9540-0218-8

© Коллектив авторов, 2012
© Институт философии РАН, 2012

Введение

Меняющаяся, исчезающая, возникающая и конструируемая социальность

Проблема социального, социальности и ее изменений – одна из наиболее актуальных. К ней есть несколько подходов. Один из них – *натуралистический*, видящий ее как некоторую предметность, социальную объектность. Другой – *конструктивистский*, извлекающий социальность конструктивными средствами познавательных или практических действий. Третий – *комбинирующий объектность, объективную данность социальных фактов с когнитивными схемами*. Мы придерживаемся *третьего*, но эксплицируем и результаты других подходов. Казалось бы, первый, ориентированный наивно-реалистически, ищет социальные объекты такими, какими они реально предстают. Но ищет он их посредством инструмента – знания. И если бы К.Маркс не использовал теорию классов и не построил концепцию социальной динамики как классовой борьбы, ведущей к смене способов производства, мы никогда бы не увидели мир таким, несмотря на всю объективность буржуазных и социалистических революций. С.Земляной в одной из своих статей упрекнул Маркса за игнорирование национальных отношений. Действительно, в них разворачивалась драма, но иная драма, которая не схватывалась марксистской теорией, постулировавшей всемирность как буржуазии, так и пролетариата, отсутствие у них своих отечеств в их классовой схватке между собой.

Наилучшим образом описал социальность немецкий социальный философ П.Вагнер, который привязал *экспликации социальности*, социального, осуществляемые познавательным инструментарием, *к реальным событиям истории*. До буржуазных революций – до Американской и Великой Французской революций – социальное понималось как все происходящее в обществе. Социальные науки, явившиеся интеллектуальным ответом на эти революции, стремились разобратся в их исторических корнях и политических последствиях. Политическая современность делала для них центром социального, социальности *государство*, интегрировавшее общество в целом как национальное государство, что еще раньше, на наш взгляд, сделала Вестфальская система национальных государств.

XIX в. стал веком либерализма. Тогда же появились социальные науки, разделившие предметы исследования под влиянием либерализма на изолированные сферы – экономическую, политическую и социальную. *Социальностью, социальным стало называться не все общество, а выделенная социальная сфера.* Такой же точки зрения придерживается и И.Валлерстайн. Но либеральный XIX в. Запада, в котором осуществилась первая глобализация (1885–1914), сформировавший первую либеральную современность, был подорван Первой мировой войной. Война и Октябрьская революция отвергли все его прежние принципы.

Вторая современность стала формироваться как *организованная*, и социальные науки начали участвовать в ее организации, планировании, регулировании, построении социал-демократии и технократии. Они сблизилась с экономикой. Их влияние на общество стало бóльшим. *Вернулось интегральное понимание общества как социального, но более экономически, чем политически, сфокусированное.* Но конец XX в. – с конца 1960-х ознаменовался постмодернистским видением.

Спор о том, закончился ли модерн, разрешился появлением третьей современности, третьего модерна, обозначенного нами как Новое время для незападных стран. Постмодернизм называют логикой позднего капитализма. И когда утихли споры о возможности нового модерна в связи с его появлением и распространением в Азии, постмодернизм стал казаться философией кризиса конца 1960-х – конца 1990-х, длительного кризиса западного общества, не сумевшего объяснить или объяснившего по-своему студенческие бунты 1960-х, подъем Японии, начавшуюся виртуализацию экономики, кризиса, в котором была потеряна социальность. Во многом изжитая сегодня тема конца социального захватила постмодернизм¹. Как пишет П.Вагнер, «постмодернисты декларировали конец социальных наук (и конец социального. – *Отв. ред.*). С их точки зрения, социальные науки развивались как часть самопознания. И они были не способны описать что-то другое, включая изменения в самом модернити»².

Наиболее радикальный подход представлен Ж.Бодрийяром, и он называется *концом социального*³. Это концепция массового общества, в котором масса, сформированная СМИ, составляющая *молчаливое большинство, разрушает характерные для обще-*

ства субъект-объектные отношения, механизмы формирования идентичностей, смыслополагание («пучина, в которой исчезает смысл»⁴). В последней главе книги «В тени молчаливого большинства, или конец социального» Бодрийяр подводит итог. Динамика социального представляется ему неопределенной настолько, что в ней невозможно выделить фазы подъема и упадка. Характеристиками социального являются факторы, которые служат вехами прогресса (урбанизация, производство, труд, медицина, обучение в школе, социальное обеспечение, страхование и т. д.). Самым эффективным институтом является *капитал*. Он – проводник социализации, но в то же время, по мнению Бодрийяра, разрушает ее. Получается, считает он, что социальное разрушается тем же, что его производит, в том числе средствами информации и информацией, и поглощается тем, что оно производит (массами). Это значит, что «его дефиниция не имеет референта, и термин “социальное”, который является центральным для всех дискурсов, уже ничего не описывает и ничего не обозначает»⁵.

Капитал, как видим, играет ведущую роль в проблематизации социального, подчиняет его. Капитал, по мнению Бодрийяра, есть вызов обществу. Он считает его машиной рациональности и продуктивности, чуждой объективной целесообразности, через него социальное направляется против социального⁶. Относительно последнего Бодрийяр высказывает несколько гипотез, каждая из которых говорит об исчезновении, деформации или смерти социального. 1) *Социальное никогда не существовало в реальности, а было родом абстракции*. Всегда имела место лишь симуляция социального и социального отношения. Теперь отсутствует прежде имевшая место симуляция социального. Десимуляция сама стала вызовом способности капитала и власти существовать в соответствии с их собственной логикой. Вырождение социальности, угасание социального симулякра Бодрийяр считает уже не кризисом социального, а распадом самого его устройства, при котором ресоциализация невозможна. 2) *Социальное, разъясняет Бодрийяр, согласно второй точке зрения, не исчезает. Социальность существовала и существует, кроме того, она постоянно нарастает*. Вопреки предположению, что динамика социального – это закономерный прогресс человечества, ставший универсальным и имеющим статус реальности, социальное – это пространство мертвого труда,

бюрократических связей. Социальное уже не умирает, а является аккумуляцией смерти. При полной социализации символическая интеграция заменяется функциональной, и последняя действует всюду в сфере социальных отношений⁷. Но когда социализировано все, динамика процесса меняется на противоположную, и вся ставшая целостной социальной система превращается в остаток. Вопрос о смерти социального состоит в том, что последнее умирает вследствие распространения потребительной стоимости, равнозначной ликвидации социального: оно становится потребительной стоимостью. Маркс стремился к поглощению экономического улучшенным социальным. «Мы же имеем дело с поглощением социального ухудшенной политической экономией...»⁸. 3) *Социальное безусловно существовало, но сейчас его больше нет*. Оно существовало как связное пространство, как основание реальности. Производство социальных отношений, социальное как динамическая абстракция, место конфликтов и противоречий истории, как структура, как стратегия и как идеал – все это имело смысл, что-то значило. Социальное никогда не было ни ловушкой, как в случае первой гипотезы, ни остатком, как в случае второй. Оно выступало в качестве власти, труда, капитала, обнаруживало точку схождения всех линий, включая производство. Ныне «перспективному пространству социального, как считает Бодрийяр, приходит конец. Рациональная социальность договора... (распространяющаяся на государство и гражданское общество, публичное и частное, социальное и индивидуальное) уступает место социальности контакта, множеству временных связей, в которые вступают миллионы молекулярных образований и частиц, удерживаемых вместе зоной неустойчивой гравитации и намагничиваемых и электризуемых пронизывающим их непрекращающимся движением. Но можно ли в данном случае по-прежнему говорить о **социуме**? В Лос-Анджелесе никакой социальности уже нет. И ее тем более не будут знать следующие поколения (в Лос-Анджелесе пока что живет поколение телевидения, кино, телефона и автомобиля)...»⁹. Бодрийяр подчеркивает, что теперь нет вхождения моделей в реальность, не говоря уже о возведении реального в ранг модели. И что особенно удручает, конформизм в отношении реального, доходящий до того, что оно становится чем-то более истинным, чем истина, настолько реальным, что не нуждается в истине: такова реальность

mass media и информация. Они производят ее настолько много, что мы оказываемся окруженными непристойностью и порнографией. Реального как системы координат больше нет, оно живет жизнью модели. Но тем самым гиперреальность устраняет и социальное. В таком социальном, по мнению Бодрийяра, никогда не может возникнуть революция, никогда не возникнет социализм, никогда не возникнет новый пролетариат, заменяясь «массой трудящихся», и никогда этот эрзац пролетариата, говорит Бодрийяр, не начнет отрицать себя как такового. «Политическая экономия знака» гарантирует консьюмеризм как преобладание производства спроса над производством товара. Ничто не доживает до конца своей истории, ибо все захвачено симулякрами, убивающими социальное. И с пафосом он заключает: «Пусть, однако, ностальгии по социальности предаются приверженцы удивительной по своей наивности социальной и социалистической мысли. Это они умудрились объявить универсальной и возвести в ранг идеала прозрачности столь неясную и противоречивую, более того, остаточную и воображаемую, и более того, упраздняемую своей собственной симуляцией “реальность”, какой является социальное»¹⁰.

Все три возможные точки зрения, приведенные Бодрийяром, по-разному отрицают социальность, но отрицают все больше и делают это все чаще и чаще, не находя ее. В первой концепции социальное существовало не как реальность, а как абстракция, сегодня теряющая смысл. Вторая точка зрения усматривает кризис социального в неспособности его нарастающей экспансии противостоять господству капитала, ведущего к омертвлению социального. Третья позиция утверждает, что социальное имело место, но сегодня его нет из-за предельной фрагментированности.

Настроение 1982 г. публикации Бодрийяром его цитируемой книги во Франции, отвечает постмодернистской критике нарративов, больших понятий, усматривает в них симулякры первого рода, имеющие хотя бы некоторое отношение к чему-то существующему, а симулякры второго рода относятся только к симулякрам первого рода. Постмодернистские подходы других авторов прямо указывают, что социальность – это выделенные в современном модернизированном обществе социальные сферы, обладающие нормативностью и отождествляющие себя с обществами. Но постмодернизм, который мы рассматриваем как идеологию кризисного периода,

когда не ясно, продолжится ли эпоха современности или она завершена, 1970-е гг. испытывали нехватку солидарности, общественных связей, всего того, что прежде охватывалось понятием социального.

Но уже в 1984 г. тоже француз А. Турен провозглашает возвращение действующего человека в своем очерке социологии, утверждая, что без индивидуального нет и социального. Он подчеркивает реальность общества, современности, прогресса, капитализма, капиталистов, малых социальных групп, например, семьи и вместе с тем необходимость перехода к неклассической социологии, способной понять меняющийся мир, сегодня в большей мере рассыпающийся на части, чем сто лет назад. Однако социальные науки уходят от обсуждения этих перемен, считая их экстремистскими проявлениями существующего твердого ядра ясно фиксируемых социальных отношений. Многие факторы общественной жизни не контролируются сегодня, считает Турен, а мы бы добавили, что они даже не фиксируются из-за отсутствия причинной связи их появления с предшествующими событиями и неразвитости новых когнитивных средств, способных отреагировать на нелинейность, непредсказуемость и фрагментацию общества. Турен подчеркивает, что многие социальные феномены теряют свою сущность. И не только деньги, фрагментация социальных смыслов, но и частная сфера претерпевали изменения, связанные с потерей социального контекста. Исчезали принципы организации и репрезентации социальной жизни, касающиеся субъекта, общества, политики и религии¹¹. Причина этого состоит в том, что в начале 1980-х гг. не существовало какого-либо господствующего представления об общественной жизни. Были политические и в особенности националистические идеологии, рассматривавшие действующих лиц общества прежде всего как граждан. В них утверждалось, что усиление коллективного действия и завоевание государственной власти ведут к личному освобождению. Но эти представления разрушились и вызывают безразличие и неприятие¹². Турен возвращает в общество субъекта – человека действующего, а через его действия – и смысл, и прогресс, и современность. Несколько позже Турен в статье «Конец “социального”», опубликованной в книге, посвященной выдающемуся социологу Ш. Айзенштадту, показал, что бессмысленно говорить о конце социального. Главной категорией социальных наук является «общество». Оно включает в себя

исторические, географические, демографические, социальные, политические, культурные и прочие факторы. Заявить о конце социального значит либо заявить о конце общества, что бессмысленно, либо о конце значимости социальных факторов в его развитии и о превалировании каких-либо других, например, политических, технологических или культурных. По мнению А. Турена, изучение социальной жизни не всегда было «социальным», ибо науки об обществе возникли достаточно поздно. Кроме того, всякое общество имеет историю, географию, народонаселение. И все же он утверждает: «...концепт общества основан на понятиях институтов и социализации: институты дают легальную форму для выполнения ряда важных социальных функций и также ответственны за усиление уважения к установленным нормам. Слово “социализация” используется для обозначения всех форм образования... эффективно обучающих... граждан и рабочих. Оно является индикатором расширения идеи общества для реально существующего краеугольного камня целостной репрезентации социальной жизни»¹³. Он обращает внимание на позицию Маркса, который в своей критике капитализма показывает неоправданное превосходство экономических отношений над человеком и обществом. Противники идеи общества, социального делали упор на увеличении рациональности, бюрократической рациональности и игнорировали иррациональные аспекты общества. Этому соответствовала экономическая репрезентация общества. Убывание, исчезновение социального трактуется Туреном как сведение его к одной из форм его проявления, прежде всего к *экономике, а также к политическим, культурным, технологическим факторам*. Общество в большей мере объемлет социальное, чем политическое, технологическое или культурное. Но социальные группы действительно испытывают упадок рамок референции и ясности представлений о своей идентичности, считает Турен. Вместе с тем, по его мнению, общества можно было бы назвать постсоциальными в том случае, если бы они потеряли внутренний над собой контроль. Тогда бы начали доминировать неконтролируемые силы, прежде всего деньги и власть, массовые коммуникации, окружающая среда.

Социальная наука вернулась к признанию социального из-за серьезности намерений России и стран Азии, многих других преуспеть в новом третьем модерне, отказавшись от постмодернистской

иронии по поводу своих усилий. *Социальное не стало государством, особой сферой, капиталом или экономикой, не исчезло, а явилось в образе обществ, решающих задачи, подобные тем, которые Запад решал в Новое время.*

Сегодня появился также термин «постсоциальное», употребляемый Б.Латуром и К.Кнорр-Цетиной. Латур пишет о том, что в настоящее время общество – это уже не отдельная его сфера, не способ управления, не экономика, а нечто большее, чем прежде, включающее техносотциальную сферу, сети, реорганизующие общество¹⁴. Термин «постсоциальное» употребляет и К.Кнорр-Цетина, которая говорит о постсоциальных исследованиях, не касающихся социального производства и социального конструирования, не пытающихся отделить социальные основания во всем том, что сегодня стало полностью социальным. Она утверждает объект-центричность социальной среды, достигнутую посредством знания, понимая под этим термином выталкивание индивидуальности. Это очень перекликается с рядом глав нашей книги, написанных по поводу биополитики, игнорирования. Последняя из них позволяет лучше понять, что имеет в виду К.Кнорр-Цетина, утверждая, что мы одиноки не только в обществе, но и во Вселенной, ибо эта глава посвящена игнорированию понимания человека как части социоприродного универсума.

В книге, несмотря на общность большинства позиций, достигнутую в ходе трехлетних исследований, существуют разногласия и рассмотрены дискуссионные проблемы.

Коллективная монография состоит из трех разделов. Главы монографии написаны следующими авторами: введение, глава I (5) – д.ф.н., проф. *В.Г.Федотовой*; глава I (1–4) д.ф.н. *В.А.Колтаковым*; глава I – аспиранткой *Ю.В.Хазовой*, глава III – д.ф.н. *С.А.Королевым*; глава IV – д.ф.н., проф. *М.Г.Алиевым*; глава V (1) – к. соц. н., доц. *Н.Н.Федотовой*; глава V (2, 3) – д.ф.н., проф. *В.Г.Федотовой*, д.ф.н. *В.А.Колтаковым*; глава V (4) – д.ф.н., проф. *В.Г.Федотовой*; глава VI – д.ф.н. *И.Н.Сиземской*; глава VII – к. пол. н. *Г.Ю.Канаршем*, глава VIII – к.ф.н. *В.Б.Власовой*, глава IX – к.ф.н., доц. *В.П.Веряскиной*; глава X – к.ф.н. *Ю.Г.Барбаруком*; глава XI – н.с. *Н.С.Петренко*; глава XII – к.ф.н. *Д.В.Кузнецовым*; глава XIII – д.ф.н., проф. *В.В.Денисовым*; глава XIV – д.ф.н. *И.А.Крыловой*; глава XV – д.ф.н. *Ю.В.Олейниковым*.

Научно-вспомогательная работа проведена *И.Б.Рябушкиной*.

РАЗДЕЛ I

КОНЕЦ «ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ ОДЕРЖИМОСТИ» ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Значение философии в обществе не является неизменным. В XVIII в. ведущее место среди наук занимала история. XIX в. стал веком философии. Бурный XX в. сменил философские темы на политические. И сегодня роль философии вновь стала предметом дискуссий, в которых высказываются разные мнения. Пожалуй, мы разделяем одно: «Мы нуждаемся не столько в философии социальных наук настоящего и прошлого, сколько в философии для социальных наук будущего и в том, что позволит глубже понять социальные феномены»¹⁵. Меняющаяся социальность и контуры будущего и стали нашей проблемой. «В ранние эпохи, с семнадцатого века вплоть до двадцатого, большинство философов в западной традиции были озабочены эпистемологическими вопросами. Даже вопросы о языке и обществе были сконструированы как эпистемологические в первую очередь... Это были интересные вопросы, но я отношусь к ним как к периферийным. Одной из согласованных черт исследования в предшествующие эпохи было то, что мы в значительной мере преодолели, – это трехсотлетнее наваждение эпистемологии и скептицизма. Нет сомнения, что многие интересные эпистемологические вопросы остаются... Это случайный факт интеллектуальной истории, что великие философы прошлого века мало что или вообще ничего не могли сказать о социальной онтологии»¹⁶.

Глава I

Когнитивный сдвиг – от эпистемологии к социальной онтологии и конструированию социальной реальности

1. *Социальное знание и социальная практика*
2. *От программы «научного миропонимания» к идее «контроля над будущим»*
3. *Социальные технологии как инструмент управления будущим*
4. *Социальные технологии или меняющаяся социальность*
5. *Об одной тенденции в понимании соотношения естественных и социально-гуманитарных наук*

Отмеченное завершение трехсотлетней эпистемологической «одержимости» привело философию к новым когнитивным интересам. Во-первых, к онтологическим проблемам, в частности, к рассмотрению изменений социального, социальности в условиях начавшейся паники по поводу ее деформации и даже исчезновения. Во-вторых, к конструктивистским ожиданиям от познания, постнеклассическому переходу к идее включенности науки, или точнее, истины в практику. Но внимательное изучение даже позитивистских теорий, которые нередко представляются наибольшим образом посвятившими себя эпистемологии, будучи прочитанными с позиций сегодняшнего дня видится по-другому.

1. Социальное знание и социальная практика

Обратимся к работе американского ученого-позитивиста немецкого происхождения О.Хелмера, попытавшегося в книге «Социальные технологии», изданной в Нью-Йорке в 1966 г., *сформулировать новые методологические принципы социального познания*, которые открывали бы неожиданный горизонт практического применения¹⁷. Следуя основополагающим принципам логического позитивизма, он утверждал, что применение науки в социальной практике во многом базируется на философских представлениях о научном знании. Им была показана значимость философии науки, способной выступать как базис эвристической перестройки по-

следней, имеющий в качестве следствия целенаправленное преобразование общества. Идея Хелмера состоит в том, что социальные науки, подобно естественным, могут быть когнитивным инструментом для «социальных технологий» и «социальной инженерии».

В контексте практики наука играет различную роль. Она способна к формированию социальных задач и обладает социально-прогнозирующей и социально-конструирующей функцией. Социальные технологии в концепции Хелмера выступают и как «методология для неточного знания», и как важная составляющая непрерывного процесса философской рефлексии научного социального знания. Социальные технологии рассматриваются им также как некоторая *программа включения современной науки в социальную практику, как новая методология, направленная на преодоление разрыва между научным знанием и практикой, обозначаемых греками как «эпистема» и «докса»*.

2. От программы «научного миропонимания» к идее «контроля над будущим»

Во введении к нашей книге уже обращено внимание на то, что для социальных наук сегодня задача познания прошлого и настоящего уступила место познанию будущего в связи с резким нарастанием рисков, нелинейности, непредсказуемости и турбулентности социальных процессов. Но какие методологические шаги приведут нас к этому, заранее трудно представить. К формулировке методологии, получившей название «социальные технологии», О.Хелмер пришел, занимаясь проблемой подтверждения теорий, характерной для логического позитивизма. Его «методология для неточных наук» открывала возможности практического применения социальных наук для решения многих насущных проблем общества второй половины XX в.

Какова же была связь этой методологии с логическим позитивизмом? Логический позитивизм зародился как программа не только методологии науки, но (на что обращается мало внимания) и как программа социальных действий по переустройству мира на лучших, рациональных основаниях. Социальная направленность движения, получившего название «логический позити-

визм», наиболее ясно просматривалась в деятельности Венского кружка, интеллектуалы Венского кружка отводили науке важную роль в будущих социальных реформах. По их замыслу, наука должна была обеспечить платформу для понимания окружающего мира и стать теоретической основой программы его социального переустройства. В «Манифесте», составленном О.Нейратом, Р.Карнапом, Г.Ханом, провозглашалось: «Итак, научное миропонимание близко современной жизни. Хотя ему, конечно же, предстоит еще тяжелые сражения и нападки. Но все же много тех, которые не падают духом, а, напротив, перед лицом современной социальной ситуации с надеждой смотрят в будущее. Конечно же, не каждый приверженец научного миропонимания станет бойцом. Кое-кто, радуясь одиночеству, станет вести уединенное существование на ледяных, покрытых вечным снегом вершинах логики; кто-то даже, возможно, станет поносить смешение с массой, которое, распространяясь, к сожалению, сопровождается неизбежной “тривиализацией”. Но также и их достижения вносят вклад в историческое развитие. Мы видим, как дух научного миропонимания все в большей степени пронизывает формы личной и общественной жизни, преподавания, воспитания, искусства, помогает организовать формы хозяйственной и общественной жизни на рациональной основе. Научное миропонимание служит жизни, и жизнь принимает его»¹⁸.

Социальная направленность, присутствовавшая в деятельности Венского кружка, подробно анализируется в работе М.Вартофски «Позитивизм и политика: Венский кружок как социальное движение»¹⁹. Наука в 30-е гг. XX в., когда писался этот манифест, еще оставалась «дружественной обществу», поэтому реформаторы возлагали на нее большие надежды и ожидания реальной концептуальной помощи. Целый ряд известных событий в Европе 1940-х гг. привел к тому, что логический позитивизм обрел вторую родину в Америке, во многом изменив в 1950-е гг. ее интеллектуальный ландшафт. Повышенный интерес к естествознанию и его технологическому потенциалу со стороны общества того времени (и тем более, нашего), был дополнительным фактором, который возбуждал интерес к философскому анализу научного познания. Естественные науки были источником вдохновения, стимулировали появление новых философских идей и оригиналь-

ных концепций. Однако при пересадке на американскую почву левая социальная направленность, присущая некоторым из деятелей Венского кружка, не привилась и быстро угасла²⁰. Возможно, этому способствовали случайные обстоятельства – переезд почти в полном составе Берлинской школы логического позитивизма, не разделявших левых взглядов ее венского крыла. Философы этой школы придерживались менее восторженных взглядов на роль науки. Для них естественные науки были моделью, которую все остальные области научного знания должны были имитировать. Крупная фигура Венского кружка – Р.Карнап – формально не принадлежал Берлинской школе логического позитивизма. Однако его следует также отнести к тем, кто оказал непосредственное влияние на формирование круга ее идей. Так сложилось, что именно он способствовал переезду Гемпеля и Хелмера в США в 1930 г. Позднее оказалось, что многие американские логические позитивисты персонально и научно оказались более близки Карнапу, чем основателю школы Рейхенбаху.

История развития идей логического позитивизма в США примечательна в частности тем, что американская философия продемонстрировала удивительную открытость ко всему новому. Европа традиционно была источником вдохновения для Америки. Видимо, американцы по своему менталитету скорее настроены на импорт, в то время как европейцы склоны к экспортной модели развития интеллектуального «бизнеса». По крайней мере, так обстояли дела в середине прошлого века, когда Америка стала прибежищем для многих европейских деятелей культуры и науки.

В американском варианте логического позитивизма не проследивается интерес к социальному контексту философского анализа науки, а социальное познание исчезло из поля зрения принадлежащих этому направлению мыслителей. Каким же тогда образом исследования Хелмера снова направляют его к необходимости заняться именно социальным познанием? Ведь его работа «Социальные технологии» осуществляет переоценку методологии социальных наук. В ней он не только обосновывает ее необходимость, но и формулирует специальные предложения для методологической модификации традиционных процедур. Американцы полагались на социологический анализ, но для решения поставленных задач его было недостаточно.

Основополагающая гипотеза, которую сформулировал Хелмер, базировалась на использовании понятия *максимального правдоподобия Р.Фишера*. Суть его в следующем: когда имеется ограниченный набор данных наблюдений, то имеет смысл идентифицировать ту теорию из некоторого множества ей альтернативных, для которой этот набор данных был бы оптимален. Другими словами, *если имеется некоторое множество альтернативных теорий, то та из них считается наиболее подходящей, которую существующий набор данных наблюдений подтверждает наилучшим образом*. Сформулированный на основе этой идеи принцип получил у теоретиков название «вывод к наилучшему объяснению». Гипотеза Хелмера позволяла уйти от поиска чисто формализованных решений проблемы *подтверждения теорий фактами* и сконцентрироваться на содержательной проблеме *объяснения теорий фактами*, обеспечив при этом связь между этими двумя подходами. В результате гипотеза Хелмера давала исследователю определенную свободу в обращении с фактами и открывала возможность строить на их основе прогнозы относительно будущего развития событий. Таким образом, методологический ключ к контролю над будущим оказался у него в руках.

Но это было не то будущее, о котором мечтали создатели позитивистского «Манифеста» и которое должно было возникнуть как результат грандиозного проекта по переустройству мира на основаниях разума и рациональных принципах науки. Перспектива социального переустройства в новом контексте уступила место идее контроля над будущим. Взамен проектов 1930-х гг. о конструировании социальности в рамках больших систем в начале 1960-х гг. актуальной теоретической проблемой предстает идея управления на локальном уровне, получившая название «операционный анализ».

3. Социальные технологии как инструмент управления будущим

Социальный контекст развития науки в послевоенной Америке радикально изменился в сравнении с довоенным периодом. После Второй мировой войны Америка заняла позицию не только нового мирового лидера, оставив позади себя Англию,

но и обрела невиданное технологическое и научно-техническое могущество. Наука еще раз подтвердила свой статус решающего аргумента в соперничестве ведущих экономик мира. Новая роль мирового лидера повысила интерес в Америке к футурологическим исследованиям. Во время войны при планировании крупномасштабных военных операций популярность приобрел «операциональный анализ развития событий», который позволял предвидеть масштабную ситуацию и управлять ею на обозримом отрезке времени в конкретном месте. Хелмер сотрудничал с военными и участвовал в больших проектах по долгосрочному планированию. Имея в теоретическом багаже инструмент, позволяющий перейти от объяснения к процедурам предвидения и предсказания событий, он формулирует целостную методологическую программу для реализации этих целей.

Лично он исходил из убеждений, что развитие методологии социальных наук в плане их практической направленности – исключительно актуальная философская проблема. «Ранее уже было отмечено, что многие трудности, которые окружают наш мир, могут быть объяснены тем, что прогресс в области социальных наук далек от того, что мы имеем в науках о природе. Более того, если мы поразмышляем над продолжающимся быстрым ростом естественнонаучного знания – знания, которое откроет нам в будущем необозримое множество новых техник, простирающихся от молекулярной до планетарной инженерии, с некоторыми довольно неприятными последствиями для человеческого общества – мы будем иметь мрачный взгляд на будущее до тех пор, пока разрыв между социальными и естественными науками будет сохраняться. Катастрофы, которые могут случиться с нами, если нам не удастся сократить этот разрыв, будут многочисленными»²¹. Актуальность в данном случае им осмыслена как необходимость включения социального и гуманитарного знания в повседневную практику создания самых различных форм жизни. Он ясно осознавал, что ограничение только технократическим подходом, только ставкой на «железные технологии» может принести человечеству в перспективе больше вреда, чем пользы. К этому времени Пагуошский Манифест уже был подписан многими выдающимися учеными, среди которых был и Эйнштейн, хороший знакомый Хелмера по Принстону.

В этом контексте ясно, почему Хелмер предложил переосмыслить цели социального познания в новой перспективе развития всех наук как единого процесса. Естествензнание и науки об обществе должны стать партнерами в практической реализации будущего. Эта задача – уже из области социальной философии, и подход к ее решению состоял в следующем. Прежде всего следовало переориентировать цели научного познания, конкретизировав их и направив в сторону предсказания и контроля над ближайшим будущим. Процесс научного знания, с точки зрения философии науки, позволял решать эту проблему через создание уважаемой, хорошо подтвержденной фактами теории, которая бы объясняла явления из некоторой предметной области и предсказывала новое на основе уже изученного. Способность делать предсказания, основанные на теоретическом знании, определяла степень контроля над будущим развитием событий. Однако такой подход к наукам социальным и гуманитарным как раз и обнажал существующее между ними и естественным различие в процедурах объяснения и предсказания, не говоря уже о способах включенности в практику. Это различие и осознавалось Хелмером как разрыв и отставание и даже признавалось катастрофическим, хотя он понимал, что природа вещей не позволяет социально-гуманитарному и естественнонаучному знанию быть представленными однотипными теориями.

Хелмер переформулирует общую цель научного познания. Теперь она сфокусирована больше на задачи практического применения имеющегося знания: «В сравнении с традиционным научным исследованием, существенное отличие операционального анализа состоит в том, что он, по необходимости, является прагматическим инструментом, направленным, прежде всего, на эффективный контроль над ближайшим окружением и только во вторую очередь на детальное понимание всех находящихся в поле рассмотрения феноменов»²².

Для целей операционального анализа вполне достаточно наличествующего «несовершенного» социального знания, если его методологически правильно использовать: «В любом случае опасности, которые ждут общество, настолько велики, а потребности быстрого прогресса столь очевидны, что мы просто не можем себе позволить ждать, возможно, целое поколение или того дольше,

пока появятся удовлетворительные, хорошо обоснованные теории человеческих отношений (**human relations**). **Потенциальная награда** от переориентации части усилий в области социальных наук в направлении социальных технологий, которые будут использовать технику операционального анализа, значительна. Пришло время подражать не идеалам естественнонаучного знания, но его технологиям»²³. Новые методологические ориентиры социальных наук вовсе не отменяли традиционного пути развития социально-гуманитарного знания, а были в некотором смысле дополнительны к нему. Хелмер обращает внимание на то, что социальное знание уже содержит огромный практический потенциал, проблема лишь в том, каким образом его высвободить и начать немедленно реализовывать практически. Отметим, что, хотя Хелмер и признает различие между естественными и социальными науками, все же к последним он относится как к «недоразвитым» в теоретическом плане. В этом он остается философом позитивистской парадигмы. Этим обстоятельством во многом и определяется его позиция по отношению к социальному знанию, которое в идеале, подобно естественнонаучному, должно базироваться на квази-законах. Поэтому в предсказании будущего на них можно будет опереться. Выше было показано, что его подход к идее предсказания существенно отличался от позитивистского и от взглядов Гемпеля-Оппенгеймера, обосновывавших симметричность процедур предсказания и объяснения. Для Хелмера условия объяснения и предсказания могут быть различными. Предсказание – это особая методологическая процедура, которая предполагает участие ученых совместно с группой экспертов, учитывающих местные условия и являющихся носителями неявного знания. Новое в методологии «неточных наук» концентрировалось вокруг двух моментов: 1) строить модели различных типов для целей операционального анализа; 2) систематически привлекать к совместной работе с учеными специально организованные группы экспертов.

Метод конструирования моделей в научном познании, конечно же, был широко известен задолго до начала 1960-х гг. Как раз в этот период Хелмер сформулировал свои основные идеи²⁴. Ввиду того, что в социальных и других «неточных» науках построение математических моделей часто затруднено, он предложил расширить арсенал моделирования и использовать для целей формаль-

ного и конструктивного представления моделей самых различных типов. Например, «симуляционные модели», «игровые модели», «сценарные модели» и др. Оправданность модельного подхода в данном случае лежала чисто в прагматической плоскости – перейти от перфекционизма в деле построении «чистой» теории к заботе о практическом ее использовании. Понятно, что формальные модели в социальной теории традиционно встречают определенную долю недоверия и скептицизма. Но анализ проблемы, основанный на модельном подходе, имеет одно неопределимое преимущество, подчеркивает Хелмер: он позволяет организовать предметную межличностную коммуникацию между всеми ее участниками, поскольку коммуникация и процесс интерпретаций ведут к прояснению используемых в модели концептов. «Модель, таким образом, служит важной цели в установлении недвусмысленной межличностной коммуникации в отношении исследуемого предмета»²⁵. Хелмер был еще очень далек от идей неклассической теории познания, которая не вполне сформировалась в то время. Тем не менее некоторые его методологические озарения, например, о том, что только в коммуникативном и совместно-деятельном процессе происходит «доопределение» значений, вполне соответствуют современным философским трендам.

Можно предположить, что он был одним из первых философов науки, кто обратил внимание на важность социальной компоненты знания, причем любого, а не только научного. Другой интересный момент его методологии «неточных» наук в том, что она неявно предполагала коммуникативную природу познающего субъекта, причем такого, который коллективно участвует в производстве знания. Указанное понимание познавательного процесса близко современным неклассическими и постнеклассическим подходам к анализу теоретико-познавательных процедур²⁶. Но не только выбор и создание абстрактной модели исследуемой ситуации вели к процессам коллективного производства знаний: «Даже более эффективной, при этом не исключаящей указанный подход, является организация такой лаборатории, в которой эксперты объединялись бы для сотрудничества в рамках совместного интеллектуального предприятия»²⁷. Причем он допускал, что такая лаборатория может существовать виртуально. Компьютерные и коммуникационные технологии того времени уже позволяли

решить эту задачу технически. Модель «собирала» и объединяла, служила основанием предметной коммуникации, экспертам же отводилась другая важная роль – выбор предпочтительной альтернативы развития событий в случае, когда из теоретического знания такая альтернатива каузально не следовала, а практические задачи требовали решения. Метод экспертиз и его потенциал разбирается Хелмером с точки зрения его практической эффективности и возможности немедленного использования. Он не устает повторять, что до тех пор, пока у нас нет удовлетворительной предсказательной теории, любые улучшения, которые можно получить заменой причинно-следственных выводов на контролируемое использование интуитивных экспертных оценок, крайне желательны²⁸. Поэтому обсуждаемые им методы выбора экспертов, их группового использования носят сугубо конкретный и прикладной характер. Техника экспертного анализа, использованная для предсказания, была своеобразной альтернативой формальным позитивистским процедурам объяснения-предсказания. Дело не только в доказательстве их несимметричности. Отныне кончается «эпистемологическая одержимость»: познающий субъект и социальность начинают процесс инкорпорирования в структуры познавательного процесса. Познающий субъект уже не логически заряженный автомат для дедуктивных выводов. У Хелмера он просматривается как носитель неявного знания, опирающийся на опыт, т. е. на вненаучные формы знания, и продвигающийся в понимании проблемной ситуации коллективно, через процесс коммуникации и интерпретации. В этом – одно из основных достоинств небольшой по объему работы американского ученого. Она несла заряд новых когнитивных принципов. При этом не утратили своей актуальности предложенные Хелмером *метод сценарного моделирования, метод экспертного анализа, методология создания долгосрочных проектов развития*. Они живы по сей день и используются при долгосрочном прогнозировании²⁹.

Из анализа особенностей методологии «неточных» наук Хелмера следует, что: 1) социальные технологии уподоблялись им инженерному делу, он неоднократно употреблял такие метафоры, как «научный и социальный инжиниринг», «социальный инженер». Социальное знание проникало в практику через приложения, подобные инженерной деятельности. В этом смысле в отношении

возможности практического приложения все науки были у него равноправны, отличие было заметно лишь на уровне их теоретического развития. 2) Его работа стимулировала многочисленные футурологические исследовательские проекты. Однако «социальные технологии» как программа включения науки в практику, как генеральное направление утилизации научного знания и, наконец, теория познания, направленная на преодоление разрыва между тем, что греки называли «эпистемой» и «доксой», безусловно, продолжают оставаться актуальными и для наших дней.

4. Социальные технологии или меняющаяся социальность

В период, когда появилась работа Хелмера, а это 60-е гг. XX в., философский интерес к технологической стороне современности был чрезвычайно высоким. Западное общество вступило во вторую современность, которая, в отличие от первой, либеральной современности XIX в., **была организованной посредством техники, технократии и некоторых социальных инноваций (социал-демократии)**³⁰. К этому времени в европейской традиции благодаря работам мыслителей Франкфуртской школы, М.Хоркхаймера, Г.Маркузе и др. сформировалось в определенной мере негативное отношение к технике и технологиям. Наиболее широкую известность получила критика технологизации жизни, предпринятая Г.Маркузе. Он связал идею любой власти и доминирования, присущих европейской культуре, с повсеместным распространением научно-технологической рациональности. Современные западные общества, в его понимании, превратились в «технологический универсум», который приобрел черты политического универсума, став последней стадией в реализации грандиозного исторического эксперимента по доминированию над природой и обществом. Технологическая рациональность, согласно его аргументации, подменила собой политическую. Поэтому освобождение человека в современных обществах предполагает не просто изменение социальных условий, направленных на изучение социальных последствий науки и ее технического потенциала, но изменение стандартов рациональности³¹. Значимость этой проблемы хорошо обозначена в российской и азиатских модернизациях.

В своей работе Хелмер, как было показано выше, отходит от представления о познающем субъекте классической науки. Оно явно неклассическое – это коллективно действующие и коллективно познающие субъекты, носители неявного, экспертного знания, опирающиеся на опыт, т. е. на вненаучные его формы, и продвигающиеся в понимании проблемной ситуации коллективно, через процесс коммуникации и интерпретации. В пределе таким коллективным субъектом познания является общество. А это ведет к тому ограничению «эпистемологической одержимости», которая заставила науку изменить свои когнитивные принципы. Задача методологии Хелмера направлена не на конструирование будущего путем применения специальных «социальных технологий» или «социального инжиниринга», как это неявно предполагалось в позитивистском подходе. Предсказание будущего, которое можно получить заменой причинно-следственных выводов на контролируемое использование интуитивных экспертных оценок, на вероятностное по своей природе знание, выдерживает критику Маркузе, поскольку здесь мы имеем дело с рациональностью иного типа. Рациональность и рационализация всех сторон жизни, о которой писал М.Вебер, постепенно уступает место рациональной деятельности, свойственной коллективному субъекту из группы экспертов или «виртуальной лаборатории», деятельность которых направляется не столько причинно-следственными соображениями, сколько коллективно разделяемыми ценностями и подходами, социальными и этическими нормами.

Однако тот тип современности, который реализован на Западе, заставляет задуматься о поиске альтернативных путей построения современных обществ. Принцип универсальности, присущий позитивистской парадигме, предполагающий, что любая практика должна опираться исключительно на научные теории и поэтому быть целерациональной, как разрушен внешней философской критикой, так и подорван изнутри построением систем деятельности, погруженных в более широкие контексты. Универсальные подходы уже непопулярны на Западе. А в постмодернистской критике Ж.-Ф. Лиотаром переосмыслена позиция по вопросу о соотношении науки и общества. По-новому ставился им вопрос о роли научного знания в обществе: «Мы не можем знать, что считается знанием, т. е. с какими проблемами развития и распространения знания мы

встречаемся, если ничего не знаем об обществе, в котором оно помещается. И сегодня, как никогда ранее, узнать что-либо об обществе означает, прежде всего, выбрать способ постановки вопроса, который также является способом получения ответа. Согласиться с тем, что главная функция знания – быть необходимым элементом функционирования общества... можно только в том случае, если мы согласимся считать общество большой машиной... И, наоборот, мы можем учитывать его критическую функцию, только если согласимся, что общество не является интегральным целым и что оно сохраняет приверженность принципу оспаривания...»³².

Нельзя не признать, что некоторые наблюдения постмодернистов точно отражали подлинные изменения в практическом предназначении науки, обнаруживаемые на рубеже второго модерна, в период его затянувшегося кризиса, начало которому было положено в конце 60-х гг. XX в.³³. В частности, Лиотар прав, когда указывает на серьезные сдвиги, вызванные технологическими переменами, которые не позволяют отождествлять социальную практику только с производством, а также когда он отмечает изменение функций государства сегодня. Современные западные общества, действительно, серьезно пересматривают многие принципы социальной организации. Лиотар обращает внимание на разрыв старых связей и превращение современного капиталистического общества в массовое общество автономных индивидов. Атомизированная социальность выдвигает на повестку дня потребность в таких концепциях, которые на деле, практически могли бы способствовать восстановлению связей между людьми.

Поиск оснований для построения альтернативной западному типу социальности – практически и теоретически исключительно важная задача для активно модернизирующихся обществ азиатского региона, России, Китая и Индии. Если обратиться для решения этой задачи к теоретическому наследию Европы, то здесь можно обнаружить важные для нашего исследования прозрения немецкого философа М.Шелера. Уже в начале 30-х гг. XX в. он выступил с резкой критикой произошедшей и происходящей трансформации новоевропейского человека. Ее результат – «это не только изменение вещей, обстоятельств, институтов, фундаментальных понятий, форм искусств и почти всех наук – это *изменение самого человека*, самого способа внутреннего построения тела, инстинктов

души, духа; и это не только изменение его фактического бытия, но и его стандартов»³⁴. Многовековая практика аскезы, направленная на оправдание ценности жизни, на получение максимума удовольствий от самой жизни при минимуме вещей, обернулась своей противоположностью – *«систематическим восстанием влечений человека новой мировой эпохи против односторонней сублимации, против чрезмерной интеллектуальности наших отцов...»*³⁵. Все эти процессы привели к восстанию природного в человеке, всего, что есть в нем темного и иррационального. Высвободились силы, направленные на получение удовлетворения через потребление множества вещей. «Поразительное единство всех новых больших движений современности в Европе и Америке, – отмечает Шелер, – состоит в том, что все они сознательно иррационалистичны, антиинтеллектуальны, а в большинстве своем обнаруживают откровенное презрение к духу и духовным ценностям вообще»³⁶. Это верно и сейчас. Процессы, которые происходят в западной цивилизации, Шелер называет повсеместным уравниванием. В более крупном масштабе происходит уравнивание Европы и трех великих азиатских центров культуры – Китая, Индии и Японии. Здесь Европа выступает не только дающей стороной, поставляющей образцы модернизации, современную науку, технологии и присущие своей культуре формы рациональности. Но уже сейчас через бесчисленные каналы происходит масштабное проникновение древних великих культур, в частности «древней азиатской техники жизни и страдания» в культуру европейскую. Шелер считал, что преодоление всех тех ограниченностей, в которые погружается европейский человек, возможно на пути своеобразного синтеза достижений западной культуры и древних культур Индии и Азии, что привело бы к «трансформации общей познавательной культуры»³⁷.

Шелер был одним из тех мыслителей, которые обратили внимание на важность культуры, в данном случае азиатских и индийских ее вариантов, в процессах построения современности. Культура может служить альтернативой научно-технологическому типу рациональности. В некоторых исследованиях этот аргумент является решающим для построения альтернативных типов современности. Японский философ К.Нишидо изначально рассматривает культуру в качестве альтернативы научно-технологической проекции общества. Он показывает ограниченность претензий ра-

циональности западного типа на универсальность и обосновывает исключительную роль ценностей японской культуры для построения современности, альтернативной западной³⁸.

5. Об одной тенденции в понимании соотношения естественных и социально-гуманитарных наук

При всей вечности поисков баланса рационального и нерационального, природного и человеческого главное в Хелмере для нас – не все подробно рассмотренное выше, а то, что в поисках адекватного метода для неточных наук, к которым он относил науки об обществе, он не смог еще заметить главного: пока социально-гуманитарные науки обретали это стремление, естественные науки становились все менее точными в прежнем смысле слова, вводя в арсенал своих когнитивных средств «понимание», почти забытое к тому времени в гуманитарных науках, особенно среди ученых-гуманитариев в СССР, «корпускулярно-волновой дуализм» – настоящую метафору, позволяющую продолжить научную деятельность в квантовой физике, и пр. Математизация последней лишила ее наглядности, которая была присуща классической физике.

Решающий поворот в трактовке сходства естественных и социальных наук был сделан группой исследователей в Германии из Штарнберга, получивших название Штарнбергской группы. На рубеже 1970–1980-х гг. в социологии науки широкую известность приобрела концепция финализации (Finalisation, Finalisierung), развитая представителями исследовательской группы, организованной в рамках института им. Макса Планка (Штарнберг). В эту группу вошли такие науковеды, как Г.Беме, В.Деле, В.Крон и др. Концепция финализации, знакомство с которой важно для понимания тенденций развития современной социологии науки, а также для выработки адекватных стратегий в области научной политики, продолжает сохранять актуальность, хотя сама школа уже распалась³⁹. Финализацией представители Штарнбергской группы называли процесс формирования теорий под влиянием внешних целей. В принципе общество всегда оказывает воздействие на развитие науки, однако далеко не всегда это выражается в форме создания научных теорий определенного типа. Поэтому члены Штарнберг-

ской группы различают связь науки с внешними целями, имеющую место на протяжении всей ее истории и связь типа «финализация», которая возникает лишь в конце XIX в. До определенного времени в науке, считали представители Штарнбергской группы, действовала «дарвиновская модель» внутренней эволюции, в которой решающую роль играли внутринаучные методологические регулятивы. Снижение роли внутренних факторов развития науки было обусловлено рядом причин: необходимостью согласования теоретической стороны исследования с внешними целями; тенденцией к дегенерализации знания – переходом от универсальных к специализированным теориям; происходящим под влиянием практических задач движением от каузальных к функциональным связям в науке; увеличением сложности систем, описываемых ею. Эти причины приводят к тому, что эволюционное развитие в науке сменяется социальным управлением последней, постановкой перед ней внешних целей, учитывающих все приоритеты, в которых заинтересовано общество. Важную роль в переходе к внешнему регулированию играет и то, что объекты, имеющие отношение к экономическим, военным, медицинским и другим проблемам, сами выделены в результате научных исследований. Поэтому обращение с такими объектами и управление ими невозможно на основе навыков донаучного характера. В ряде случаев теоретическое освоение определенных областей является той формой, которая связывает науку и внешние для нее цели. Это предполагает «онаучивание» таких областей, а не простое приложение результатов, достигнутых в других сферах науки. Онаучивание областей, обращение к которым определяется внешними целями, базируется на «зрелых» теориях, разработанных ранее. Само же такое развитие науки, опирающееся на фундаментальные теории, но направляемое внешними целями, называется финализацией. В концепции финализации выделяются три стадии развития науки. Первая – предтеоретическая, на которой преобладают эмпирические методы исследования. Вторая – парадигматическая, на которой осуществляется построение теории, а ученые руководствуются исключительно внутринаучными критериями исследования: согласованием различных теорий, повышением степени их общности и т. п. Третья стадия не должна рассматриваться как простое приложение фундаментальных теорий к решению прикладных задач.

Речь идет об особой форме развития науки. Понятие финализации дает более адекватную характеристику связи последней с вненаучными целями, чем понятие «прикладное исследование». Теории, возникающие под влиянием внешних целей, не сводятся к фундаментальным и не выводятся из них. Вместе с тем они не могли бы быть получены без фундаментальной теории. Так, гидродинамика основана на механике Ньютона. Однако она не выводима из последней, т. к. содержит ряд идеализаций (несжимаемость жидкости и др.), внешних по отношению к механике и введенных для решения особых классов задач. Главным в концепции финализации было утверждение, что фундаментальные теории уже построены, а развитие частных задач возникает под влиянием внешних целей – военных, экономических, борьбы с раком, уменьшением ресурсов и пр. Эта мысль не подтвердилась, и негативный результат, обусловленный новыми фундаментальными открытиями, и был причиной развала школы.

Но второй важнейший результат: все науки – социально-гуманитарные или социальные – и социология, и физика. Штарнбергская группа выдвинула идею о социальных естественных науках, имея ввиду не только социальную и ценностную обусловленность познавательных средств и способов организации науки, но и принципиальную историчность и социальность науки в целом, ее переход от эпистемологии к онтологии и практике, к контролю за будущим.

Глава II

Изменение социально-гуманитарных наук и понимание онтологии

1. *Проблема постулирования в социально-гуманитарных науках*
2. *Социокультурная реальность как идея разума*
3. *Проблема конструктивизма в социально-гуманитарных науках*
4. *Возникновение и функционирование онтологических оснований науки*
5. *Социологи и экономисты в поисках онтологии*
6. *Онтология экономики*

То, что учёные выделяют в социокультурной реальности и полагают реальным в своих научных исследованиях, в определённой мере меняет представление общества о самом себе и, следовательно, сущность социальных связей. Поэтому изучение онтологии социально-гуманитарных наук является шагом к пониманию социальности.

Рассмотрим два варианта научной онтологии: 1) когда социально-гуманитарные науки отражают социокультурную реальность в её целостности; 2) когда онтология науки и социокультурная реальность не совпадают и онтология замыкается в границах отдельной дисциплины, например, социологии или экономики. Философская традиция изучения онтологии (от греч. *οντος* – «сущее», «то, что существует» и *λογος* – «слово», «учение», «закон») предполагает выявление фундаментальных объектов действительности, их типологию, вскрытие общих закономерностей взаимодействия, а также анализ пространственно-временной структуры реальности⁴⁰. При исследовании социально-гуманитарных наук мы не вправе говорить о единой онтологии в том ключе, в котором говорил о едином бытии Парменид, уже в силу их логического (предметного) разделения между собой. Известны случаи, когда весь корпус социально-гуманитарного научного знания сводился к истории (Ф.Бродель), феноменологии (Э.Гуссерль), социологии (О.Конт), психологии (Ж.Пиаже), семиологии (Ф.Соссюр), физике (Р.Карнап, О.Нейрат) и др. Принципы отдельной науки должны были распространиться на всю область социально-гуманитарного научного знания. Но все попытки оказывались неудачными и не

имели дальнейшего развития. Однако высказываются предположения о возможности объединения социально-гуманитарных наук на основании общего метода установления причинно-следственных связей (Э.Уилсон), допущения единства человеческой природы (К.Леви-Стросс) и т. д.

В настоящее время среди представителей конкретных социальных и гуманитарных дисциплин трудно найти сторонников «наивного реализма», исходящих из предположения о первичности социокультурной реальности. Э.Кассирер ещё в 1923 г. писал: «Единое бытие... превращается в чистый X, и чем строже утверждается метафизическое единство этого X как “вещи в себе”, тем менее он становится доступен познанию, а, в конце концов, и вовсе попадает в область непознаваемого»⁴¹. Тем не менее сохраняется ожидание, что социокультурная реальность, отражённая в научных исследованиях, имеет тенденцию изучаться в своей целостности⁴². В этой связи необходимо учитывать следующие обстоятельства. 1) Единая картина мира, описанная в терминах социально-гуманитарных наук, не построена, и есть все основания полагать, что процесс фрагментации научного знания, отмечаемый повсеместно в общественном сознании, не будет способствовать её построению. 2) Онтология должна постоянно корректироваться потому, что в науке происходит непрерывный рост знания и картина мира должна будет его отображать, а также потому, что сами объекты исследования социально-гуманитарных наук постоянно меняются. 3) Онтология социально-гуманитарных наук вбирает в себя не все научные данные по причине их необъятного объёма, а лишь некоторые, и здесь возникает серьёзная проблема критериев их отбора.

1. Проблема постулирования в социально-гуманитарных науках

Здесь мы рассмотрим постулирование в социально-гуманитарных науках – постулат о единстве разума Р.Декарта, перешедший в постулат адекватности А.Шюца.

Гипотеза наук о человеке и обществе опирается на постулат о единстве человеческого разума. Данный постулат предоставляет основание для абсолютного перевода содержимого одного созна-

ния в содержимое другого и, таким образом, санкционирует беспрепятственное изучение других людей, обществ, времен. Первым в Новое время этот постулат артикулировал Р.Декарт: «Разум... от природы одинаков у всех людей»⁴³. В XX в., когда проблематизируется Другой, постулат единства разума обретает новую форму и превращается в постулат адекватности, сформулированный А.Шюцем: «Каждый термин в научной модели человеческого действия должен быть сформулирован таким образом, чтобы поведение индивидуального действующего лица в реальном мире, в соответствии с типическим конструктом поведения, было бы понятно как самому действующему, так и его партнеру, с помощью обыденных интерпретаций повседневной жизни»⁴⁴. Постулат адекватности, таким образом, выполняет функцию обоснования постулата о единстве разума. Но первый, как и второй, невозможно проверить. Мы не можем удостовериться, какую роль играют смыслы, которые мы теряем при типизации. Их роль может быть от совершенно несущественной до ключевой, вносящей коррективы во всю картину реальности. Мы работаем только с тем, что можем понять, спроецировав это на свой жизненный мир и найдя подтверждения нашему предположению в объективной реальности. То, что по каким-либо причинам ускользает от нашего понимания, мы считаем несуществующим. Особенно это касается исторической науки и нашего понимания прошлого.

Теория онтологической относительности У.Куайна поставила под сомнение саму возможность радикального (абсолютного) перевода терминов одной теории, интерпретирующих личный и социальный опыт индивида, в термины другой из-за того, что имеется «компенсирующая регулировка в переводе сопровождающих оборотов речи»; удостовериться, какой из двух переводов, адекватно описывающих один и тот же феномен, но различающихся между собой, является наиболее правильным, по меньшей мере затруднительно. К тому же, как замечает Куайн, одобрение со стороны субъекта действия не является объективным доказательством⁴⁵. Другое обстоятельство, подрывающее постулат адекватности, сводится к самому процессу образования научных понятий. По А.Шюцу, они представляют собой «конструкты конструктов» жизненного мира исследователя⁴⁶. Поскольку социальные и гуманитарные науки – это изобретение западной цивилизации, то в научных по-

нениях специфическим образом отражается жизненный мир человека Запада: каков бы ни был предмет исследования, он будет изучаться сквозь призму определённых, социально одобренных категорий, которые берут начало в Древней Греции, проходят проверку эмпиризмом и рационализмом в Новое время, закрепляются в эпоху Просвещения и легитимируются научными институтами в XIX, XX и XXI вв. Таким образом, мы имеем знание, которое носит исторически конкретный характер и не исчерпывает смысла того, что есть социокультурная реальность сама по себе. Знание социально-гуманитарных наук редуцирует неисчислимо количество субъектов, непрестанно соотносящих себя с социокультурной реальностью, влияющих на неё и имеющих о ней собственные представления, которые в свою очередь постоянно меняются, к типам субъектов, иначе наука погрузится в бесконечность описания. Число реальных связей социокультурной действительности всегда будет превышать число зафиксированных. А это значит, что при объективной избыточности информации в социальных и гуманитарных науках всегда присутствует неполнота последней.

Принцип адекватности является, с одной стороны, необходимым условием того, что социальные и гуманитарные науки применимы к социокультурной реальности, равно как физика применима ко Вселенной благодаря принципу однородности, но, с другой стороны, сам по себе он является постулатом, т. е. актом веры, который пронизывает все социально-гуманитарные науки. Постулат адекватности относится к тому, что не подвергается сомнению, потому что иначе нельзя построить научное знание как таковое.

2. Социокультурная реальность как идея разума

При рассмотрении социокультурной реальности как непосредственной данности нельзя говорить о её целостности, потому что вне её мы не можем существовать и сталкиваемся, таким образом, с проблемой имманентности. Социально-гуманитарные науки работают в парадигме позитивной неопределённости: объекты социокультурной реальности изменяются, но они в принципе наблюдаемы, над некоторыми из них проводят эксперименты, результаты которых воспроизводимы в определённых пределах,

результаты наблюдений и экспериментов подтверждают выдвинутые гипотезы, совокупности последних составляют теории, выстроенные по принципу логической согласованности. Суждения социальных и гуманитарных наук позиционируются как суждения рассудка, которые всегда остаются в пределах опыта. А образ социокультурной реальности производится разумом путём прерывания ряда интеллигибельной последовательности в них. Происходит «ментальный скачок», который предполагает, что все предпосылки, обуславливающие умозаключение, даны, хотя на самом деле они бесконечны, и проверить их не представляется возможным⁴⁷. Именно в разуме берут начала постулаты единства разума и адекватности. Поэтому концепция социокультурной реальности является не более чем «только идеей разума», «для которой в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет»⁴⁸. Но мы сталкиваемся с подобной иллюзией разума, конечно же, не только в построении концепции социокультурной реальности. В действительности большинство научных категорий выходят за пределы непосредственного опыта и переходят в умопостигаемый мир. Адекватный предмет в чувствах не может быть дан понятию общества, которым непосредственно занимается теоретическая социология; психики, исследуемой психологией; человека, который изучается антропологией и т. п. И все вышеперечисленные научные категории являются идеями разума, которые, по Канту, «служат рассудку каноном его широкого и общего применения»,⁴⁹ и потому их невозможно вывести из науки.

Идея социокультурной реальности оказывается слишком широкомасштабной для конкретных социальных и гуманитарных наук. Учёные не готовы открыто с ней работать не только потому, что она не имеет под собой достаточного эмпирического обоснования и уходит в эмпирическую бесконечность. Идея общей картины мира содержит в себе двусмысленность. Если теория социокультурной реальности будет построена, нам не с чем будет её сравнить, поскольку мы имманентно присутствуем в реальности и не можем из неё вырваться. Любое сравнение будет лишь указывать на то, что целостная теория не получена, раз имеются элементы, которые в неё не включены и, соответственно, ей противостоят. Кроме того, в настоящее время среди учёных широко распространены прагматические установки: у субъектов действия имеются

разные цели, и социально-гуманитарные науки, по-разному описывая реальность, помогают достигать их. Следовательно, необходимость в целостном представлении действительности отпадает сама собой (Р.Рорти)⁵⁰. Таким образом, здесь была выявлена *антиномия* возможности и невозможности существования единой социокультурной реальности, отражённой в онтологии социально-гуманитарных наук.

3. Проблема конструктивизма в социально-гуманитарных науках

Онтология социально-гуманитарных наук содержит в себе философскую проблему трансцендентного, которая в современной философии и методологии науки находит воплощение в интеллектуальных спорах между различными направлениями конструктивизма и фундаментализмом. Социокультурная реальность – идея разума, воспроизводящая в новой форме антиномию имманентного–трансцендентного. Конструктивизм в широком смысле подразумевает построение объектов действительности в зависимости от когнитивных особенностей познающего субъекта, категорий языка, конвенций социального окружения и предполагает наличие зависимой, субъективной реальности, нередко отвлекаясь от наличия или отсутствия объективной. Однако артикулирование статуса объектов научного исследования происходит далеко не всегда. Конечно, имеются исключения, когда конструируемость объекта исследования выступает его сущностью. Конструктивная природа научных объектов отчётливо прослеживается в генетической эпистемологии Ж.Пиаже, личностном конструктивизме Дж.Келли, феноменологической социологии П.Бергера и Т.Лукмана, символическом интеракционизме Дж. Мида, а также культурно-исторической психологии Л.С.Выготского⁵¹. Перечисленные примеры очерчивают круг конструируемых объектов в социально-гуманитарных науках. Разумеется, можно считать конструктивным метод моделирования, используемого повсеместно, когда учёные открыто признают свои научные построения редукцией, но статус результата её обычно выносится за скобки. Как замечает И.Т.Касавин, «наука всегда колеблется между реализмом и конструктивизмом, но она

выбирает свой путь стихийно, в зависимости от типа научной деятельности и её предметности»⁵². Стихийность подразумевает неотрафлексированный характер научного исследования: учёный не задумывается над тем, что является источником его мыслительных операций – реальные объекты или конструкции собственного разума. Если бы это различие происходило, то не было бы никаких результатов научной деятельности: учёный погрузился бы в саморефлексию или в случае социального конструктивизма в рефлексию над социальными структурами, и процесс познания действительности остановился бы и превратился в методологию науки. Следовательно, в определённый момент познания происходит наложение структуры сознания на внешнюю «действительность». В результате появляется неразличимость субъективного и объективного знания, проявляющаяся в том, что определённое, а часто определяющее значение приобретает активность и позиция познающего⁵³. Активную роль сознания хорошо проиллюстрировал К.Маркс: «При теоретическом методе субъект – общество – должен постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка»⁵⁴. Под таким углом зрения дилемма реализма и конструктивизма обретает новые очертания и превращается в спор о психологическом восприятии учеными объектов своего исследования; научные результаты, полученные конструктивистом, не будут рассмотрены его современниками как прямое отображение реальности, и наоборот. Любые теоретические конструкции в одинаковой мере представляют собой познавательную ценность, следовательно, онтология науки может быть выявлена при любом исходе спора реалистов и конструктивистов. Спор имеет значение для общей ориентации научного поиска, он нагружен психологически как восприятие учёным результатов своего исследования и философски как артикулирование этого восприятия. Таким образом, здесь возникает еще одна антиномия: онтология науки сосредоточена на содержании научного знания и может быть выявлена при любом исходе спора конструктивизма и реализма, имеющего основой психологическое восприятие учёными объектов своего исследования. В эпоху неклассической науки, когда произошёл отказ от идеала единственно истинной теории, под онтологией науки следует понимать учение о репрезентациях реальности в моделях и теориях⁵⁵.

4. Возникновение и функционирование онтологических оснований науки

К.Хюбнер даёт определение научной онтологии как «некоторой системы мышления и опыта, которую мы всегда применяем в качестве само собой разумеющейся»⁵⁶. Это свойство предполагает упомянутую нами выше когнитивную неотрефлексированность данных, прошедших методологическую проверку и воспринимаемых в качестве истинных. Само собой разумеющееся указывает на наличие веры в то, что знание, нашедшее подтверждение в практике, определённым образом коррелирует с действительностью.

Представляет интерес механизм возникновения онтологических объектов. В.С.Стёпин описывает его так: «Теоретические конструкты (как, например, классы, классовый интерес в ... реконструкциях К.Маркса) онтологизируются, приписываются реальности и представляют реконструируемый исторический процесс как саму реальную историю, а не как одну из её моделей»⁵⁷. Отсюда можно сделать вывод, что введение онтологии происходит автоматически при написании исследования. Немаловажной является убеждённость учёного в своей правоте и заверение в ней научного сообщества. По мнению В.Г.Федотовой, «по существу своей деятельности ученый не может быть... скромным и ... сомневающимся, ибо ему предстоит выдать свой индивидуальный результат за общезначимый, перевести свое личное видение проблемы в абстрактно-всеобщую форму»⁵⁸. Хотя в неклассической науке принят постулат об относительности истины и индивидуальное научное исследование представляет собой модель реальности, имплицитно на уровне аргументации происходит подмена тезиса о модели реальности на тезис об отражении её. Суть любой аргументации состоит в заострении обсуждаемой модели реальности, доказательстве её жизнеспособности и сокрытии недостатков, которые, разумеется, будут эксплицированы научным сообществом, но не самим исследователем.

В связи с введением онтологических объектов возникает вопрос: всегда ли научная картина мира вплетена в материал научного исследования и носит имплицитный характер? Иногда онтологические основания как естественных, так и социально-гуманитарных наук, намеренно подвергаются экспликации. Это происходит в

период утверждения новой исследовательской программы. Когда значима негативная позиция и требуется доказательство суждений, в научный обиход вводятся типичные онтологические языковые обороты: «На самом деле, в действительности, имеет место А» («а не Б»). После того, как конфликтная ситуация преодолевается, научное сообщество принимает онтологию А и начинает опираться на неё в своих изысканиях, само её доказательство представляется излишним и даже нелепым⁵⁹. Именно тогда, при «нормальной науке», в терминологии Т.Куна, онтология приобретает характер само собой разумеющегося и не требующего экспликации знания.

П.Бурдьё отмечает произвольный характер выработки механизмов онтологизации. Он полагает, что параметры отбора любых теоретических конструкторов одинаковы и, более того, онтологические основания выбираются среди последних произвольно: это «можно видеть у Ф. де Соссюра, когда он произвольно выбирает [в качестве основания] лингвистический “знак”, или у М.Мосса, произвольно берущего в этом же качестве “социальный факт”»⁶⁰. Пути выбора онтологического основания выявили П.Бергер и Т.Лукман: «Общество... обладает объективной фактичностью. И общество, по сути дела, создается благодаря деятельности индивидов, имеющих субъективные значения, что, кстати, знал Дюркгейм, подобно тому, как Вебер знал о том, что общество представляет собой объективную фактичность»⁶¹. Набор онтологических оснований, «поле», по выражению П.Бурдьё, задаёт определённую логику и направленность дальнейшего научного поиска и служит, таким образом, когнитивным источником развития науки.

М.Г.Ярошевский при анализе психологических школ и течений замечает, что их создатели берут за основу один относительно изолированный, заведомо выбранный психологический феномен (бихевиоризм, например, анализирует поведение, действие; гештальтпсихология – образ и т. д.). «...В ткани психологической реальности была выделена якобы единственная инвариантная “универсалия” ставшая основанием для конструирования общей психологической теории во всех её ответвлениях»⁶². Эту же особенность обнаружил Ю.Лотман, только не в психологическом, а в семантическом поле: «Все, к чему прикасался своей золотой рукой царь Мидас, обращалось в золото. Подобно этому все, привлекающее внимание исследователя-семиотика, семиотизируется в его

руках»⁶³. Схожие особенности развития научных исследований в разных сферах позволяют говорить об особенностях социально-гуманитарных научных исследований в целом. Учёный большей значимостью наделяет изучаемую сферу и предпочтённое основание уже в силу самого факта их глубокого исследования. Реальность для него заостряется под определённым углом и заполняется изучаемыми объектами, из которых он совершенно справедливо выводит всё остальное, для него не столь явственно существующее, а значит, и менее значимое. Совершенно естественным образом создаётся калейдоскоп концепций, в котором каждый раз во главу угла ставится очередное онтологическое основание, а другие подразумеваются или же не учитываются при исследовании.

5. Социологи и экономисты в поисках онтологии

Онтология как позиционирование того, что существует в действительности или принимается за действительное, содержится в каждой научной теории разной степени абстракции. Обозначим основные тенденции в поисках онтологии социологами и экономистами.

Онтологической единицей классической социологии является социальное действие, которое получает различную интерпретацию в зависимости от социологической парадигмы. Натурализм объясняет действия людей моделью охватывающего закона, общего для физического и социального мира. В интерпретативной парадигме социального действия конститутивную роль получает человеческая субъективность и целенаправленная деятельность. Функционализм рассматривает действия людей как неосознаваемые и непреднамеренные следствия функционирования социальных институтов и процессов. Структурализм кладёт в основание единичного социального действия «более глубокие смыслы, внеличностные структуры, которые создают макросоциальный контекст действия»⁶⁴. При этом конкретная социологическая теория обрывает дополнительными онтологическими категориями, которые изменяют понимание социального действия, и вычленение его инварианта уже носит искусственный характер. А.Г.Здравомыслов выделяет следующие принципы социологического мышления:

1) предметом социологии является социальное действие, 2) оно имеет несколько уровней: микро- («локальные объединения, ассоциации, фирмы, семьи, компании друзей и т. д.»), мезо- («корпорации, политические партии, религиозные движения, крупные ассоциации») и макроуровень (международные системы, нации, государства, глобальное общество, человечество), 3) на каждое действие существует контрдействие, конфликт есть базовая характеристика любого общества⁶⁵, 4) социальное действие всегда предполагает восприятие Другого, 5) одна из задач социологии – выявление соотношения ожидаемых и непредвиденных последствий социального действия, 6) понимание социологом социального действия достигается в социокультурном контексте, 7) социальное действие реализуется в целостности, и при его анализе должно учитываться соотношение целей и средств⁶⁶. Как замечает В.А.Ядов, предмет социологии не может быть постоянным, потому что происходит перманентный рост научного знания и при этом меняется само общество. Глобализация, стирание экономических и культурных границ приводит к тому, что «важным поворотом новейших исследований современной теоретической социологии является переосмысление масштабов социального пространства», оно становится общемировым⁶⁷. Б.Латур утверждает расширение сферы социального, проникающего даже в традиционно несоциальные области, например, в предметы исследования естественных наук⁶⁸.

Польский социолог П.Штомпка указывает на иные принципиальные изменения, произошедшие в социокультурной реальности и отразившиеся в социологической теории. Во-первых, восприятие общества модифицируется из статического (системного) в динамическое (процессуальное), и, во-вторых, общество перестаёт рассматриваться как объект, происходит своего рода дематериализация социальной реальности. Доминирующим в социальной теории становится изучение событий, а не вещей, процессов, а не состояний. Социальная реальность предстаёт «поток изменений различной скорости, интенсивности, ритма и темпа», и не случайно, замечает Штомпка, мы часто говорим о «социальной жизни», подразумевая бесконечно сменяющийся поток событий. Картина реальности, состоящей из таких стабильных онтологических объектов, как общество, классы, группы, организации, уступает место

основанной на сети связей, привязанностей, зависимостей и обменов с присущими человеческим взаимоотношениям постоянными изменениями в качестве, продолжительности, насыщенности и концентрированности.

В новом подходе происходит замена базовой онтологической единицы: социальное действие, имеющее определённые пространственно-временные характеристики, системно заданные параметры и свойства, трансформируется в событие, понимаемое как любое моментальное состояние социокультурной реальности. Событие, по мнению Штомпки, эксплицирует срез четырёхмерного социокультурного поля: идеи («социальное сознание»), правила («социальные инструкции»), действия («социальная организация») и интересы («социальная иерархия»)⁶⁹. Событие является более объектаемой, подвижной и многовариантной онтологической формой, нежели социальное действие, вписанное в строгие теоретические рамки. Объектаемость определяется трудностью фиксирования последствий события, отражающихся на всех уровнях реальности; подвижность заключается в его процессуальности; многовариантность – в отрицании однонаправленности и необходимости.

К.Кнорр-Цетина – австрийский социолог, специалист в области социологии и антропологии знания – обращает внимание на тенденцию иного рода, набирающую обороты в современном обществе и находящую отражение в онтологии социологического знания. Частная собственность, стремление к прибыли, свобода самоопределения, промышленное производство, мобильность населения, урбанизация, бюрократический профессионализм приводят к сворачиванию принципов групповой солидарности и родственных связей, на основании которых происходила социализация индивида в традиционном обществе. Высокая технологичность производства, базирующаяся на «понимании реальности как совокупности отдельных и контролируемых составляющих», которые могут быть использованы в различных целях, инициирует перенос технологического подхода на повседневную жизнь, результатом чего становится «расщеплённая» и «расколотая» идентичность и анонимность социальных связей (П.Бергер, Б.Бергер, Х.Кельнер). Перечисленные факторы, а также высокая социальная мобильность и частая смена работы приводят к индивидуализации, которая фактически означает конец социального, но не в том

значении, в каком говорил о конце социального Ж.Бодрийяр, – не как нивелирование области политического и молчание конформного «большинства», а как «исключение личности из социальных контекстов взаимодействия»⁷⁰. Пустота, образующаяся при исчезновении социальных связей, поддерживающих личность в традиционном обществе, заполняется новыми постсоциальными отношениями, которые получили наименование «объектных». «Объектуализация», как считает сторонник социального конструктивизма К.Кнорр-Цетина, характеризуется «возрастающей ориентацией на объекты как источники самоидентификации, реляционной интимности, разделяемой субъективности и социальной интеграции»⁷¹. По отношению к объектам возникает чувство, которое раньше человек традиционного общества испытывал к своим родным и единомышленникам – привязанность, поскольку они являются постоянными свидетелями внутренней жизни индивида. Солидарность и идентичность с объектами берут начало в продолжительном изучении, когда индивид проникает «внутри» объекта и ощущает себя его «частью». Общение между субъектами по поводу объекта укрепляет чувство общности, что опять-таки ещё больше связывает субъект и объект и делает собственно коммуникацию между субъектами вторичной. Объекты постепенно вытесняют другие поводы для общения между людьми, делая общественную сферу разнообразной (объектов много), но лишённой личностного участия. «Сильная» версия отношения к объектам предполагает, что они замещают людей как партнёров по коммуникации. Разумеется, объектные отношения существовали всегда, и принцип объективации лежит в основании теории деятельности, но никогда ещё объекты не являлись конституирующей и интегрирующей силой общества в таких масштабах, какие наблюдаются в настоящее время⁷².

Сопоставление онтологий, репрезентируемых П.Штомпкой и К.Кнорр-Цетиной, весьма показательны в том плане, что они по сути дела рисуют разные социальные миры. Оба говорят о наступлении новой социальности, заключающейся в первом случае в событийности, во втором – в «объектуализации». Оба исследователя констатируют ослабление и размывание традиционных социальных структур, снижение их значимости в жизни общества. Но различны первые послышки, касающиеся самой социальности: у Штомпки люди больше и глубже общаются друг с другом, он

подчёркивает «межличностный» характер социальности. Кнорр-Цетина первый член своего силлогизма формулирует как индивидуализацию и свёртывание привычного человеческого общения. В принципе онтологии теорий П.Штомпки и К.Кнорр-Цетиной можно синтезировать и позиционировать событие как то, вокруг чего сосредотачивается социальный интерес, что потенциально расширяет круг его участников и чем, соответственно, будут охвачены объекты. Подобные события в современном нам мире происходят достаточно часто, например, когда выпускается новый вид продукции и устраивается его, т. е. нового вида презентация. В таком случае объект одновременно является и главным поводом, и главным участником события. Он становится независимым и самодостаточным социальным актором, наделяется чертами характера (что активно используется в рекламных кампаниях и является скорее следствием объектных отношений), инициирует научные исследования, посвящённые «биографии вещей»⁷³. Но для нас более существенен сам факт наличия разнообразных и даже противоположных точек зрения на один предмет исследования двух всемирно признанных социологов. Это, во-первых, служит показателем множественности научной интерпретации социальной реальности, а также множественности самой социальной реальности. Во-вторых, демонстрирует переплетение онтологий и выявляет логические отношения между ними: даже при нетождественности исходных посылок могут быть получены сходные научные результаты; научные онтологии, формально находящиеся в замкнутых пределах теории и парадигмы, могут эксплицировать и одинаково интерпретировать один и тот же фрагмент реальности.

Опираясь на проанализированные исследования, мы можем констатировать, что ниша традиционных онтологических объектов социологии – индивидов, социальных групп, социального действия, социальных институтов и структур, без экспликации которых не обходится ни одно социологическое исследование, сейчас уверенно заполняется объектами. Также в социальной онтологии происходит изменение принципов взаимодействия, связанное с возникновением общества знания. Последнее понятие подразумевает не просто увеличение объёмов информационных продуктов, количества экспертов и технологических инфраструктур, которые составляют скорее внешнее проявление скрытых внутренних процессов. Знание начи-

нает играть в обществе новую роль. Оно воспроизводит современное общество, но не в смысле поддержания необходимого уровня технической и информационной оснащённости: в развитых странах знание выступает как критерий социальной иерархии и как основной источник социальной мобильности. Отношения знания, наряду с традиционными отношениями власти, собственности и обмена, становятся основополагающими принципами взаимодействия фундаментальных объектов социальной реальности.

6. Онтология экономики

По мнению методологов экономического знания, границы между экономической и другими областями реальности не являются резкими. Содержание и границы первой по существу спорны и меняются вместе с границами экономической дисциплины. Сама возможность существования экономической реальности предполагает существование физической, биологической и психической реальностей. Кроме того, функционирование экономической сферы определяется моралью и политикой, поскольку экономика вписана в более широкий социокультурный контекст. Точный характер этой зависимости, а также вопрос, состоят ли области морали и политики из объектов, отличных от таковых экономической сферы, находятся среди основных онтологических вопросов экономики, требующих решения⁷⁴.

Общие «метафизические» факты достаточно часто применяются философами, экономистами и историками экономической мысли при оценке, критике или объяснении экономической практики. Критика экономической реальности на всеобщих метафизических основаниях имеет склонность игнорировать всю сложность экономического исследования и сводить её к более простому, понятному и действенному при аргументации в научных спорах теоретическому построению⁷⁵.

Как и в социологии, в экономической науке существуют несколько онтологических срезов, по-разному эксплицирующих экономическую реальность и с неизбежностью её упрощающих. О.И.Ананьин выделяет три базовые онтологии в экономической науке: продуктовую, поведенческую и институциональную. На

первую опираются классическая политическая экономия, марксизм, кейнсианство, монетаризм. На вторую – различные маржиналистские школы, неоклассическая микроэкономика, включая неонституционализм, и ряд новейших направлений макроэкономики. Историческая школа, традиционный институционализм и некоторые подходы в рамках нового институционализма основываются на институциональной модели экономической реальности. Ананьин указывает на несводимость онтологий друг к другу: продуктовая изучает общественный продукт как материальный результат производственной деятельности; поведенческая фокусирует внимание на деятельности экономических агентов, на их решениях по распределению и использованию ресурсов; институциональная видит суть экономической деятельности агентов в сложившихся общественных нормах и правилах. Одно и то же явление в разных онтологиях получает различное толкование. Стоимость, например, рассматривается как соотношение трудовых затрат в продуктовой онтологии, как субъективная оценка в поведенческой и как общественная норма обмена в институциональной. В то же время для них не характерна замкнутость на одном предметном поле: «Основные переменные соответствующих теорий принадлежат базовым онтологиям, а предпосылки и отдельные параметры этих теорий могут заимствоваться из смежных онтологий»⁷⁶.

У.Мяки приводит список категорий, используемых различными экономическими школами. Базовыми он называет следующие: нехватка, предпочтение, ожидание, деньги, рынок, фирма, цена, верование, рациональность, выбор, благосостояние, равновесие, оптимальность, вероятность, редкость, информация, стратегия, конвенция, контракт, разделение труда, обмен, координация, механизм и т. д.⁷⁷. Мяки подчёркивает, что эти категории в трудах по экономике редко уточняются и поясняются. Они воспринимаются, если применить высказывание Р.Г.Коллингвуда, как абсолютные предпосылки, с точки зрения которых обосновываются все другие, относительные.

Среди ключевых онтологических принципов неоклассической экономики, связывающих воедино онтологические категории и организующих экономическое знание, основатель теории общественного выбора, лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Бьюкенен перечисляет индивидуальную автономию, рациональность и спонтанную координацию рынка⁷⁸. Ф.Хан, авторитетный теоретик

неоклассической школы, выделяет принципы, практически идентичные принципам Дж. Бьюкенена: методологического индивидуализма, рациональности и преимущественного изучения равновесных состояний. Ф. Хан называет их аксиомами экономического знания, т. е. не подлежащими сомнению тезисами, полностью соответствующими эмпирическим данным. Адекватность последним подразумевает, что приверженцы мейнстрима сосредоточиваются на явлениях, которые можно зафиксировать непосредственно органами чувств, в частности, можно зафиксировать обмен как одномоментное взаимодействие независимых индивидов. Следовательно, непосредственно не наблюдаемые, трансцендентные феномены – такие, как производство и распределение, – выпадают из экономической реальности ортодоксальной теории⁷⁹.

Рациональный индивид – традиционный онтологический объект экономической реальности мейнстрима, настолько традиционный, что некоторые социологи (например, И.Ф. Девятко) упрекают экономистов в узурпации понимания рациональности в целом. Человеческая личность с присущей ей сложной внутренней структурой в преломлении экономической теории сводится к индивиду, и только в такой редуцированной форме его действия могут стать предметом экономического анализа. Рациональный индивид всегда стремится к максимизации прибыли и минимизации издержек. Данное утверждение ограничивается двумя предпосылками, не столь фундаментальными, как сами аксиомы (т. е. они не могут быть выведены из наблюдаемой реальности, и при необходимости их можно заменить), но теоретически плодотворными. Первая заключается в постоянстве внутренней структуры индивида: в каждой ситуации он руководствуется фиксированными правилами и в любых пространственно-временных координатах совершает один и тот же выбор. Вторая существенная черта экономического анализа состоит в возможности «сведения результирующего события к начальным условиям», так что любой исход действия может быть «либо выведен... из внешних условий или состояний... либо сведён к ним»⁸⁰. В последнее время характеристики рационального индивида усложняются за счёт введения новых предпосылок, задающих параметры его поведения. Т. Лоусон говорит о появлении предпосылок возможности межличностного сравнения полезности в теории благосостояния и сопоставления издержек и выгод, о «похожих»

функциях, характеризующих предпочтения в теории общественного выбора, об ограничении распределения дохода в теории общего равновесия, о репрезентативном потребителе в макроэкономике и т. д.⁸¹ Дальнейшее развитие экономической теории связывается с методом компьютерного моделирования, оперирующего большей вариативностью предпосылок и, следовательно, способствующего всё большей дифференциации и конкретизации экономической реальности.

Другой онтологический срез неоклассической экономики представляет собой система разнообразных математических моделей, связывающих воедино базовые категории и демонстрирующих их зависимость друг от друга. Каждая математическая модель представляет собой причинно-следственную связь: «Если происходит событие (типа) X, то всегда происходит событие (типа) Y». Причинно-следственная связь имеет дедуктивную природу и конституирует экономическую реальность путём перечисления факторов, составляющих событие X. Сам способ моделирования носит предельно искусственный характер (Р.Лукас), поскольку изначально исследуемые факторы события X **изолируются и рассматриваются** в чистом виде, в каком они никогда не встречаются в реальном мире. Именно поэтому некоторые экономисты (Ч.Плотт, У.Мяки) считают, что приписывание статуса реальности математическим моделям не имеет под собой оснований. Модели воспринимаются как репрезентация теории, данных или реальности, представляют собой мысленный эксперимент в широком смысле слова – как сочетание изоляции, манипуляции и репрезентации, иными словами, являются ментальной конструкцией (У.Мяки)⁸². В ответ на этот аргумент фундаменталисты (например, Т.Лоусон) указывают, что математическое моделирование манифестирует убежденность экономистов в том, что постоянная причинно-следственная связь между событиями является универсальной «единицей» реальности, иначе само моделирование было бы невозможным.

В любом случае проверить эмпирическим путём, как функционировали бы модели, оказались они в чистом виде в экономической реальности, не представляется возможным. Это можно сделать с помощью метафизических гипотез, которые имеют объяснительную силу, но очевидную не для всех экономистов, поскольку данные гипотезы эксплицированы в несколько иной форме. Метафизические исследования оперируют качественными методами, чис-

ло которых в экономической науке резко снизилось за последние 20 лет⁸³. Г.Фарелл и М.Финнемор приводят статистику, согласно которой исследования в области рационального выбора в 1997 г. содержали наравне количественные и качественные методы. К 2006 г. число исследований с числовыми выкладками возросло в 11 раз по сравнению с работами, содержащими качественный анализ. Такую перемену нельзя объяснить прочной связью онтологии с методологией, просто указав, что некоторые исследования используют только качественные методы (например, конструктивизм), а некоторые – только количественные. Мы не можем делать такие утверждения, поскольку в течение нескольких десятков лет качественные методы в теории рационального выбора успешно применялись в экономике. Г.Фарелл и М.Финнемор делают вывод о том, что количественные методы преобладают в теории рационального выбора, да и в экономике в целом в связи с их престижностью, т. е. исключительно по социальным причинам.

В онтологии экономики математические формулы и компьютерные модели уверенно вытесняют метафизические «объекты». При этом сами математизированные объекты становятся всё более метафизическими по природе, поскольку заведомо известно, что в реальности таких объектов не существует. Конструируемая в моделях экономическая реальность становится более конкретной и в то же время всё более нереальной (Т.Лоусон). Личность не рассматривается и не может рассматриваться экономической теорией. Разделение на аксиомы и предпосылки носит условный и дискуссионный характер, поскольку в конечном итоге под вопросом остаётся проблема достаточного основания, по которому аксиомам приписывается безусловный статус. Также открытым остаётся вопрос о правомерности применения метода дедукции, повсеместно используемого экономистами.

С середины XX в. рассеивание триединства «реальность – разум – университет», что влечёт за собой разрушение соответствия между академическими дисциплинами, областями внутреннего опыта и фрагментами реальности (Н.Е.Копосов⁸⁴). М.Доган описывает эту тенденцию как «расплывчатость и неоднозначность границ дисциплин», в результате которой возникают два противоречивых феномена. С одной стороны, растёт уровень многодисциплинарности научного знания, подразумевающий передел, а часто и наслаивание друг на друга традиционных научных «террито-

рий». С другой, появляются дисциплины-гибриды, рекомбинирующие и объединяющие сегменты дисциплин в новых специализированных полях. Основным методом социально-гуманитарных наук становится компаративный анализ, главным источником инновации – обмен с другими полями других дисциплин⁸⁵.

Доклад ЮНЕСКО по состоянию социальных и гуманитарных наук, опубликованный в 2010 г., также свидетельствует об усиливающемся углублении фрагментации знания⁸⁶. Рост уровня последней приводит к сложности систематизирования онтологии социально-гуманитарных наук. В научных исследованиях становится всё меньше общих категорий, а это означает, что онтология начинает выстраиваться не в рамках определённой дисциплины, а вокруг определённых категорий и их конкретных систем, эксплицирующих срез научных данных множества дисциплин.

Можно констатировать невозможность замкнуть предметное поле одной онтологии и искусственно отделить его от других. Онтологии носят взаимно обуславливающий характер, зависят одна от другой и отличаются друг от друга общей направленностью, обеспеченной скорее метафизическими предпосылками, принимаемыми в качестве научных постулатов. Исследование онтологии науки выявляет риторический характер самого научного знания. Существует первый член силлогизма, который принимается на веру, и иногда его артикуляция не осуществляется. Изучение онтологии социокультурной реальности в её целостности носит идеологический характер, поскольку представляет собой претензию на её полное понимание.

Существует два способа экспликации онтологии. Можно выявить последнюю априори – вывести её из философских категорий – и апостериори – вывести её из конкретных научных теорий и работать уже с ними. В нашем исследовании мы попытались использовать оба варианта. Изучение онтологии – весьма рискованное предприятие: в силу широты научного знания всегда есть опасность упустить из виду нечто важное, что может изменить общее видение реальности как конкретной дисциплины, так и социокультурной реальности в целом. Но отказаться от построения онтологии социально-гуманитарных наук также не представляется возможным, поскольку это было бы равносильно отказу от всякого притязания на понимание социокультурной реальности.

Глава III

Многовекторность фундаментальных исторических процессов и будущее России

1. *Модернизация/демодернизация*
2. *Псевдоморфоза как тип развития*
3. *Глобализация: социокультурное измерение*
4. *Некоторые выводы*

Анализируя фундаментальные исторические процессы, прежде всего модернизацию и глобализацию, обществоведы чаще всего рассматривают их с точки зрения приближения к некоей оптимальной модели, некоему аналогу веберовского «идеального типа». Между тем эти процессы имеют весьма сложную структуру не только в том смысле, что они представляют собой констелляцию множества элементов, составляющих и компонентов, но и потому, что включают в себя целый ряд разнонаправленных векторов, одни из которых, условно говоря, направлены в сторону прогресса (или, если угодно, «прогресса»), другие – в совершенно противоположном направлении. Более того, эти векторы действуют не только параллельно, но часто они взаимообусловлены, и реализация некоего исторического содержания, неких фундаментальных смыслов, связанных с действием «прогрессистского» вектора развития, может быть осуществлена только и исключительно посредством определенного рода архаизации тех или иных сегментов социума.

1. Модернизация/демодернизация

В последнее время автору довелось достаточно серьезно заниматься проблематикой российской модернизации, причем на очень обширном историческом поле, начиная с XVII в., т. е. с введения военной дисциплины, создания в русской армии полков иностранного строя и церковной реформы патриарха Никона, вплоть до первой постсоветской модернизации 1990-х гг., заключительным и отчасти символическим аккордом которой стал дефолт 1998 г.⁸⁷ Одним из главных выводов, следующих из этих научных штудий, явилось то, что модернизация в России зачастую носила симбио-

тический характер и по сути представляла собой процесс модернизации/демодернизации: преодоление технологической отсталости происходило нередко за счет архаизации политической сферы и системы социальных отношений.

Механизм петровской модернизации был весьма специфическим: технологический рост, развитие производства происходили за счет ужесточения властных технологий и расширения сферы существования крепостничества, т. е. внедрения социальной архаики, а в ходе форсированной трансформации повседневности, также проводившейся принудительно, воспроизводились достаточно «либеральные», европейского типа культурные образцы⁸⁸. В этом смысле весьма показательно то, как при Петре осуществлялось форсированное развитие промышленности, необходимое прежде всего для вооружения и перевооружения армии. Одним из знаковых, можно даже сказать, символических феноменов, порожденных и активированных петровской модернизацией, стали *крепостные мануфактуры*. Огромное количество крестьян выдергивались из деревень, отрывались от земли, от семей и были принуждаемы работать до изнурения в условиях, неизмеримо худших, чем те, в которых работали крепостные крестьяне в аграрном секторе, в условиях по сути каторжных. Причем в контексте нашего исследования важно зафиксировать, что промышленный труд на крепостной основе, который впервые появляется *по инициативе государства*, выходит за пределы аграрного сектора и становится основой российской экономики в целом также благодаря усилиям государства.

Следует иметь в виду, что уже с середины XVII в., т. е. со времени создания на Руси первых крупных мануфактур, значительная часть рабочих, прежде всего, вспомогательных, рекрутировалась путем приписки к заводам крестьян целыми деревнями. Во всяком случае это было нормой для казенных предприятий. В то же время на частных, купеческих и не только купеческих мануфактурах, помимо труда крепостного, широко использовался вольнонаемный. В петровское же время мануфактурное производство, в частности, в металлургии, самой значимой с военной точки зрения отрасли, уже практически полностью опиралось на принудительный труд крепостных. Причем правительство приписывало крестьян не только к государственным, но также и к частным мануфактурам. Причиной этого было, очевидно, отсутствие в России резервов

свободной рабочей силы; мы здесь абстрагируемся от таких вещей, как ментальность власти и ее представление о самой себе и отношениях с подданными. Академик Л.В.Милов констатировал, что если в первые годы строительства крупных металлургических предприятий основным источником неквалифицированной рабочей силы был свободный наемный труд, то к 20-м гг. XVIII в. его резервы были уже исчерпаны. Поэтому, как полагает историк, было вполне логичным, что в определенный момент, а именно в начале 20-х гг. XVIII в., под напором требований заводоладельцев им было разрешено покупать к фабрикам и заводам крепостных крестьян, а полтора десятилетия спустя все вольнонаемные заводские работные люди превращены были государством в «вечноотданные» фабрикам и заводам⁸⁹. Иными словами, крепостная мануфактура не была случайным, побочным продуктом модернизации – последняя в России в той парадигме, которая была избрана Петром I, и не могла быть осуществлена иначе, она не имела иных ресурсов и резервов, чем массовый принудительный труд и беспощадная эксплуатация дешевой рабочей силы.

Петровская модернизация реализовала классическую кентаврическую модель процесса: модернизация/демодернизация. От нее как бы отслаиваются социальные последствия двоякого рода: несомненное ужесточение и некоторая европеизация, некое движение в направлении если не либерализма, то более свободного, чем в крепостнической России, общества. Но именно ужесточение и архаизация были определяющими. Хотя движение и в ту, и другую сторону происходит под сильным давлением власти. И то, что в Европе было результатом развития гражданского общества и проявлением медленно, но все же возникающей свободы человека, в России становилось нормой, установленной властью и поддерживаемой диктатом этой власти.

Аналогичным был механизм сталинской модернизации, которая привела к уничтожению крестьянства как класса и к полной деградации российской деревни. Разорение и опустошение последней, изъятие у крестьян прибавочного и, как правило, необходимого продукта стало одним из экономических и финансовых источников так называемой «сталинской модернизации», а разоренные, поставленные на грань или за грань голода крестьяне пополнили армию дешевой рабочей силы, на плечах и на костях ко-

торой осуществлялись масштабные проекты 1930-х гг. Мы здесь абстрагируемся от чисто политических аспектов модернизации 30-х гг. XX в., ставившей своей целью не только осуществление технологического и экономического рывка, но и уничтожение, дезинтеграцию класса мелких сельских хозяев, представлявших с точки зрения власти потенциальную угрозу основам строя, названного социализмом. Подобная архаизация целых сегментов социального пространства – это не «цена» модернизации. И не ее «издержки». Это органическая, неотъемлемая часть процесса. То, без чего он не мог быть осуществлен как таковой. Точнее, это органическая часть процесса модернизации *того типа*, который был представлен и постоянно воспроизводился в России в последние три века отечественной истории.

В то же время история показала, что «мягкая», постепенная модернизация, как при Александре II, **не решает стоящих перед властью и обществом проблем** и, более того, создает предпосылки для будущих кризисов. И это относится не только к «освобождению крестьян» и всему циклу преобразований эпохи Александра II, но и к столыпинской аграрной реформе. Важно также понимать, что российская модернизация – это не только процесс, протекающий в расколотом обществе, но и *внутренне* противоречивый, который порождает и углубляет раскол, и, наконец, это своеобразная попытка преодолеть таковой, причем по большей части вынужденная. История свидетельствует, что радикальная модернизация усугубляет раскол общества и провоцирует архаизацию. И что эта последняя либо заложена в самом механизме модернизации (аспект, который интересует нас в первую очередь), либо проистекает из реакции на нее традиционалистского большинства социума, что тоже является одной из «обыденностей» исторического процесса. То есть на сегодняшний день, у нас нет поводов быть исторически оптимистами, когда и если мы говорим о модернизации России.

2. Псевдоморфо́за как тип развития

Посмотрим на процесс(-ы) российской модернизации/демомодернизации и, шире, на все развитие Руси/России под несколько необычным углом зрения – через призму шпенглеровской идеи

псевдоморфозы. Псевдоморфозе как определенному типу развития, разумеется, на российском материале была посвящена специальная работа⁹⁰. Здесь есть возможность коснуться лишь одного из аспектов этой многослойной и недостаточно исследованной проблематики. Как известно, понятие *псевдоморфоз/псевдоморфоза* в ткань социальных наук ввел О.Шпенглер. Само оно заимствовано им из области геологии и минералогии. Соответствующий пассаж из второй части «Заката Европы», где Шпенглер объясняет, что такое псевдоморфоз в геологии, цитировался многократно. Тем не менее повторим классическое определение. «В слой скальной породы включены кристаллы минерала. Но вот появляются расколы и трещины; сюда просачивается вода и постепенно вымывает кристалл, так что остается одна пустая его форма. Позднее происходят вулканические явления, которые разламывают гору; сюда проникает раскаленная масса, которая затвердевает и также кристаллизуется. Однако она не может сделать это в своей собственной, присущей именно ей форме, но приходится заполнить ту пустоту, что уже имеется, и так возникают поддельные формы, кристаллы, чья внутренняя структура противоречит внешнему строению, род каменной породы, являющийся в чужом обличье. Минералогии называют это псевдоморфозом»⁹¹. Здесь хочется обратить внимание на то, что *псевдоморфоз/псевдоморфоза* в такой интерпретации, помимо всего прочего, выступает как результат определенного *неблагополучия*, некоего дефекта геологического слоя, как следствие расколов и трещин, создавших возможность проникновения воды в толщу породы и т. д. Нам следует, очевидно, подумать над тем, что является историческим коррелятом геологических дефектов.

Шпенглер использует понятие применительно к определенным феноменам, зафиксированным им в истории: «Историческими псевдоморфозами, — пишет он, — я называю случаи, когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот — ее родной, не в состоянии задышать полной грудью и не только что не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания. Все, что поднимается из глубин этой ранней душевности, изливается в пустотную форму чуждой жизни; отдавшись старческим трудам, молодые чувства костенеют, так что где им распрямиться во весь рост собственной созидательной мощи?! Колос-

сальных размеров достигает лишь ненависть к явившейся издалека силе»⁹². Псевдоморфоза, если говорить о России, – это развитие культуры русской (Шпенглер пишет о «пра-русскости») в рамках форм, присущих культуре европейской. И если мы возьмем социокультурную сферу, то едва ли сможем не согласиться с подобной постановкой вопроса. Да, культурная оболочка, «скорлупа» была в значительной части заимствована, и русская культура развивалась внутри неблизких ей, взятых извне рамок.

Идея Шпенглера использована в 30-е гг. прошлого столетия Г.В.Флоровским. В известной работе «Пути русского богословия» (первое изд. – Париж, 1937), негативно оценивая влияние киевской учености на русское православие в эпоху, предшествовавшую расколу, Флоровский писал: «С культурно-исторической точки зрения, Киевская ученость есть несомненное и значительное событие, не только явление. Это первая и открытая встреча с Западом. Можно было бы сказать, свободная встреча, – если бы она не окончилась не только пленом, но именно сдачей в плен». И далее: «Это была псевдоморфоза религиозного сознания, псевдоморфоза православной мысли...»⁹³. По Флоровскому, с окончанием XVII в. наступает псевдоморфоза и в московском просвещении: «Москва борется с наступающим из Киева латинофильством. Но нечего было противопоставить из своих залежавшихся и перепутанных запасов. Призываемые греки оказывались малонадежными, при всей их эрудиции... И побеждает Киев»⁹⁴.

Наконец, уже в наши дни идея была актуализирована В.Л.Цымбурским. «В определенный момент, – констатировал он, – Россия объявляет себя частью Европы. Одна цивилизация объявляет себя вдруг частью другой и начинает имитировать и воспроизводить европейские формы жизни и культуры»⁹⁵. Полемизируя с историком А.Л.Яновым, Цымбурский писал: «Эта псевдоморфоза, я охотно признаю, дала удивительные культурные достижения. Породила действительно “цветы необычайной красоты”. Но при этом она характеризовалась постоянным напряжением между европейскими формами и неевропейскими смыслами, неевропейским содержанием, влагаемым в эти формы. <...> Но, с другой стороны, можно ли было допустить, чтобы те гигантские смыслы XVII в., которые утверждали русских в их глазах как Основное Человечество на основной земле, просто сгнули? Отнюдь, они переплавляются

в новые формы. В России развивается геополитическая традиция, соотносящая ее судьбу с судьбой Европы, выстраивающая сюжеты, по которым Россия призвана играть определяющую роль в части мира, сперва европейского, а затем глобального объединенного мира, выстраиваемого и создаваемого Евро-Атлантикой»⁹⁶.

Шпенглер и Цымбурский, говоря о российской псевдоморфозе, анализировали прежде всего реалии петровской эпохи и те механизмы, которые привели к тому, что некое автохтонное содержание вынуждено было развиваться внутри форм, привнесенных Петром I из Европы. Флоровский использовал понятие для интерпретации социокультурных процессов, то есть также так или иначе увязывал механизмы псевдоморфного развития с этим, несомненно, ключевым периодом истории России.

Но по сути российская псевдоморфоза – это *тип развития*, который определял комплекс внутренних противоречий Руси/России на протяжении многих столетий. При таком понимании российской истории, в рамках такой исследовательской парадигмы первую глобальную псевдоморфозу мы обнаружим в истории Руси/России уже в X–XI вв. *Первое*, чем характеризуется эта псевдоморфоза, – это призвание варягов на княжение в Новгород (862 г.). Независимо от того, является ли тот или иной исследователь норманистом или антинорманистом, этого факта отрицать нельзя, как и того, что эти привнесенные формы властвования и некие «элементы» государственности, проникшие на Русь в связи с этим событием, наложили серьезный отпечаток на облик и последующее развитие Древней Руси. В.К.Кантор назвал эпоху Петра I эпохой второго норманнского (варяжского) влияния⁹⁷, и в этом есть глубокий смысл. *Второй* – и определяющей – составляющей фундаментальной русской псевдоморфозы X–XI столетий было крещение Руси. Г.В.Флоровский замечает, что В.Соловьев *с основанием* говорил о крещении Руси Владимиром как о *национальном самоотречении, о перерыве или разрыве национальной традиции*, и находит подобный подход почвенным и резонным. «Язычество, – писал он, – не умерло и не было обессилено сразу, в смутных глубинах народного подсознания, как в каком-то историческом подполье, продолжалась своя уже потаенная жизнь, теперь двусмысленная и двоеверная. В сущности, слагались две культуры: дневная и ночная, причем носителем “дневной” культуры было, несомнен-

но, меньшинство»⁹⁸. После 988 г. народная культура выживала в оболочке, в раме христианства, подобно тому, как позже русская культура, сопротивляясь, сохраняла себя в европейских формах, привнесенных Петром, или как православие выживало под спудом атеистического советского социализма.

Таким образом, два великих исторических события – призвание варягов в 862 г. и крещение Руси в 988 г. – знаменуют первую глобальную псевдоморфозу русской истории, с последующей натурализацией привнесенных форм, мимикрией автохтонного содержания и т. д. Вся дальнейшая история Руси/России была предопределена этой связкой двух фундаментальных псевдоморфоз: властной, призванием варягов, и духовной, принятием христианства. Но и заимствованная в период татаро-монгольского ига структура власти на макроуровне была навязанной извне оболочкой, типичной для ситуации псевдоморфного развития. Некая совокупность традиционалистски, в матрице «Домостроя», организованных русских «миров» или, если хотите, микросоциумов обречена была столетиями существовать и развиваться внутри этой генетически чуждой Руси матрицы. И именно эти микромиры, олицетворявшие собой автохтонное, исконное русское содержание, стали убежищем, средой выживания для индивида, укрытием от жесткой радиации татароморфной макровласти. И именно этот баланс данного татароморфного «макро-» и автохтонного «микро-» на протяжении столетий являлся одним из условий равновесного существования русского/российского социума.

Более того, существование «старой веры» и всего связанного с ней пласта народной культуры под спудом официозного, никоновского толка православия в период после реформ Никона также было своего рода псевдоморфозой. Здесь мы наблюдаем тот же механизм, ту же парадоксальную машинерию: модернизационные усилия порождают шлейф артефактов и фантомов совершенно противоположного характера. Ведь по сути своей церковная реформа патриарха Никона была порождена стремлением заместить русский, как кажется национально ограниченный тип православия более универалистским, наднациональным, греческим. Это был один из векторов движения от «русской Руси», еще помнившей самонадеянное национально-эсхатологическое «Москва – Третий Рим», в имперскую, по определению надэтническую структуру. Но

результатом этого модернизационного, европеизирующего Руть/Россию усилия стало нечто совершенно противоположное: само русское православие перестало быть единым, всеобъемлюще универсальным, по крайней мере для своей страны, расколовшись на два враждующих, непримиримых потока.

Применительно к России это означает, повторим, что псевдоморфоза – это развитие культуры русской, автохтонной в рамках культуры европейской, западной, христианской, «фаустовской». Однако история многогранна, многоаспектна и разворачивается, выстраивается в ходе взаимодействия множества разнонаправленных векторов. Кроме того, содержание и специфика любой цивилизации, и русской в том числе, не сводится только к набору чисто культурных смыслов. Поэтому можно и нужно расширить рамки употребления понятия *псевдоморфоза* в философско-исторических штудиях. Очевидно, псевдоморфические мегамшины могут возникать как в сфере (социо)культурной, так и за ее пределами; мы имеем основания говорить о псевдоморфозах власти, социальной (в узком смысле), экономической и т. д., а также о глобальной (в масштабе цивилизации) и локальной псевдоморфозе. Псевдоморфный механизм по своей природе универсален и может существовать в любой сфере. Нас особо интересуют дисциплинарные технологии как род властных технологий и, следовательно, псевдоморфические машины власти.

И если мы исследуем плоскость властных отношений, технологий, техник и практик власти, обратив особое внимание на становление европоморфных дисциплинарных технологий в России, то обнаружим, что, вопреки презумпции Шпенглера и ряда ученых, которые использовали его идеи как отправную точку собственного философствования, сфера власти в России характеризовалась не подавлением автохтонного содержания привнесенными извне формами, а, напротив, доминированием сформировавшейся в России макротехнологической структуры, «жестких» технологий над относительно слабыми европоморфными дисциплинарными механизмами.

Иными словами, в силу особенностей российского исторического бытия дисциплина утверждалась в России неравномерно. То, что было связано с военной составляющей, вводилось интенсивно и почти синхронно с Европой, с небольшим отстава-

нием. Полки «иноземного строя» существовали в России с конца первой трети XVII в. Уже в походах Василия Голицына на Крым участвовали десятки тысяч человек, организованных по-новому, по-европейски. При Петре I был достигнут известный военный паритет с сопредельными России державами, причем не только по кумулятивной силе армии, которая целиком зависела от численности и в конечном счете от людских ресурсов страны, но и по организации дела и вооружению.

В то же время за рамками военной сферы дисциплинирование внедряется трудно. Тому есть определенные социальные и культурные причины. Города в западно- и даже центральноевропейском смысле, как центры ремесел и торговли, как университетские центры, появляются в России сравнительно поздно. За исключением, вероятно, Новгорода и Пскова, которые тяготели к балтийской, ганзейской модели развития. Однако этот вектор развития был пресечен и, более того, направлен вспять походами Ивана Грозного. Соответственно и становление гражданских учебных заведений с присущими им специфическими дисциплинарными практиками запаздывает, а процедура экзамена и вовсе утверждается с большим опозданием. Первый из собственно российских университетов (Виленский и Дерптский университеты выводим здесь за скобки) открывается в Москве только в 1755 г., по европейским меркам чрезвычайно поздно. Равным образом и введение правильного школьного (гимназического) образования откладывается до 60-х гг. XIX в. Так или иначе, российская историческая псевдоморфоза, диагностированная Шпенглером с несколько неестественным сочувствием («у народа, которому суждено быть вне истории, отнимают саму эту возможность быть вне истории») и Цымбурским с истинным сожалением по поводу исторически излишнего, с его точки зрения, зигзага имперства, инвертируется и в этой, властно-дисциплинарной сфере, превращается в собственную противоположность, в *обратную псевдоморфозу*, которая существует параллельно с глобальной (шпенглеровской) социокультурной псевдоморфозой.

И если мы теперь вернемся к нашей главной теме, природе российских модернизаций, то нам придется констатировать, что весь их ряд, в частности, модернизация Петра I и советская, представлял собой скорее ограниченное, частичное, сдавленное автох-

тонными властными, технологическими формами «полуразвитие» западного типа. Западное, «фаустовское» содержание в российских/советских формах, «схваченное» и подавляемое ими.

3. Глобализация: социокультурное измерение

Мне представляется, что и понимание глобализации, фундаментального, базисного процесса, во многом определившего лицо современного мира, нуждается в определенной коррекции. Сейчас, как мне кажется, преобладает экономоцентричное понимание глобализации. В частности, оно нашло свое выражение в книге В.Г.Федотовой, В.А.Колпакова и Н.Н.Федотовой, вне всякого сомнения, работе фундаментальной и чрезвычайно значимой для понимания процессов глобализации, происходящих в современном мире⁹⁹. Между тем, как представляется, понимание глобализации как процесса, протекающего исключительно в сфере экономики, не позволяет нам не только понять в полной мере некоторые фундаментальные тренды, определяющие развитие человечества в XX – начале XXI в., но и вскрыть противоречия, возникающие между разными «глобализациями», различными сторонами, векторами и аспектами процесса.

Поясим свою мысль. В упомянутой мной фундаментальной работе констатируется, что период с 1914 по 1989 гг. был *периодом между двух глобализаций*¹⁰⁰. Разумеется, первая мировая война и Октябрьская революция прервали процесс экономической интеграции мира – «первой глобализации». И период существования (или сосуществования) двух систем с известными основаниями может быть интерпретирован как пауза в процессе глобализации. Но это правомерно лишь в том, случае, если мы понимаем ее как экономический по своей сути процесс, как расползание одномерного и универсального капитализма.

Если же говорить о других измерениях глобального развития, прежде всего социокультурном, но также в известной мере политическом и властном, то в этих социальных «срезах» глобализация продолжалась и в период от первой мировой войны до конца перестройки, несмотря на радикальное несходство и, более того, противоположность двух экономических систем.

М.Фуко заметил в свое время, что отношения власти в Советском Союзе, во всяком случае на «микрофизическом» уровне, ничем не отличались от аналогичных отношений в странах, которые называют капиталистическими, и что советская власть использовала в своих целях все дисциплины существования (военную, школьную и т. д.), добавив к ним нечто новое – партийную дисциплину¹⁰¹. То есть глобализация и универсализация технологий власти становятся фактом, несмотря на раскол мира на две социально-экономические системы и поверх него, хотя технологическая машина, созданная в советское время, весьма и весьма отличалась от западной системы технологий власти – и тем не менее. С этим можно спорить, если для нас важна правомерность сближения двух типологических сегментов противоречивого и не единого мира, можно дискутировать о степени этого сходства. Но этот подход значительно сложнее поставить под сомнение, если мы говорим о методологии, об универсальности неких глобальных процессов.

И, наконец, *социокультурная глобализация*. Этот процесс, по нашему глубокому убеждению, не прекращался в течение всего периода «холодной войны» и противостояния двух социально-экономических систем. В свое время я попытался показать, что в частности так называемый «период застоя» в СССР был временем скрытой вестернизации, формирования потребительского сознания (причем в отсутствие потребительского общества) и подготовки социокультурных и ментальных (если хотите, «идеологических») предпосылок для демонтажа социализма в годы перестройки или, что точнее, на заключительном ее этапе¹⁰². Полагаем, в еще большей степени эта ситуация характерна для стран Восточной Европы 1960–1980-х. Там социокультурное давление с Запада, подспудная вестернизация и соответствующие трансформации были еще более заметны. Например, если абстрагироваться от ряда существенных параметров и некоторых менее существенных деталей, типа фиктивной многопартийности, то можно сказать, что ГДР при Хонеккере – это СССР времен «застоя» плюс западногерманское телевидение. Аналогичным образом, если не принимать во внимание такой рудимент капитализма, как парадоксальным образом сохранившаяся после Второй мировой войны частная собственность на землю в Польше, то эта страна – тот же СССР, но с костелом.

Социокультурная конвергенция в странах «советского блока» в 1960–1980-е гг. – это процесс, который пошел гораздо дальше, чем аналогичная некая эволюция в СССР, и стал в конце концов предпосылкой так называемых «бархатных революций». А точнее, тем фактором, который предопределил их специфический ненасильственный, «бархатный» характер и затем относительно безболезненную (по сравнению с СССР и тем более с Югославией) трансформацию политических режимов и общества.

Асинхронность экономической и социокультурной глобализации означает, помимо всего прочего, что образуется совокупность обществ, построенных на сходных экономических основаниях, но существенно или даже принципиально различных с точки зрения социокультурной нормативности. И наоборот. При чрезвычайно несхожих экономических фундаментах в государственно ограниченных социумах протекают процессы, которые можно охарактеризовать как проявление социокультурной глобализации или, если вспомнить некогда популярное и изрядно подзабытое понятие, социокультурной конвергенции. В этом смысле «период застоя» и, шире, заключительный отрезок советского периода истории России – это почти абсолютный антипод некоторых современных исламских обществ (например, Саудовской Аравии), в полной мере включенных в процесс экономической глобализации и при этом достаточно эффективно сдерживающих ее социокультурный вектор. Напомню, что Саудовская Аравия – это абсолютная монархия с предельно авторитарным режимом, конституцией страны объявлен Коран. Фактически запрещены все религии, кроме государственной, а также устные или письменные обсуждения существующего политического и религиозного строя. Если говорить о политических правах, то они в самом минимальном объеме распространяются только на мужскую часть населения. В королевстве продолжают существовать абсолютно средневековые способы уголовного наказания вроде отрубания руки вору, отсечения головы и побивания камнями. Причем большинство казней проходят публично. Это страна, где власть жестко контролирует повседневную жизнь людей, нет общественных театров и кинотеатров, до мелочей регламентированы одежда и поведение людей на улице. Саудовским женщинам запрещено выходить из собственного дома иначе как в сопровождении мужчины, половая связь с которым яв-

ляется запретной с точки зрения шариата. Согласно законам страны, лицам противоположного пола, не состоящим в браке или родстве, нельзя ехать в одной машине и пр.

И это притом, что страна интегрирована в мировую экономику, еще с 50-х гг. прошлого века является членом МВФ и МБРР, считается наиболее влиятельным членом ОПЕК, а с недавних пор, с 2005 г., входит во Всемирную торговую организацию. Саудовская Аравия является одним из ведущих игроков на рынке нефти, имеет возможность в значительной степени определять уровень мировых цен на углеводороды и соответственно влиять на политическую ситуацию в мире. Иногда это влияние оказывается чрезвычайно сильным, кардинальным, как было, например, после 1973 г., когда саудовские власти приняли решение о прекращении экспорта нефти и фактически спровоцировали энергетический кризис на Западе. В первое десятилетие XXI в. они предприняли сверхординарные усилия для создания в стране либерального открытого рынка, развития частного предпринимательства и притока иностранных инвестиций. Иностранцы получили возможность приобретать в полную собственность строящиеся объекты и недвижимость. В стране было разрешено функционирование фирм со стопроцентным иностранным участием. Налоги на прибыль инвесторов были значительно снижены, и это притом, что иностранные компании имеют право на стопроцентную репатриацию прибыли. В королевстве не существует никаких ограничений на использование иностранной валюты. Наконец, Саудовская Аравия входит в число тех немногих стран мира, которые освобождают компании от уплаты налогов до тех пор, пока они не начнут получать прибыль. Был принят новый закон о недвижимости, который позволяет иностранным гражданам владеть недвижимым имуществом в любой части страны, за исключением двух священных городов, Мекки и Медины¹⁰³. Иными словами, феодальная система, фундаментом которой является законсервированная в духе первоначального ислама социальная архаика, интегрирована с миром современного капитализма и на всех парах движется по пути глобализации, хотя еще не встретила своего Ататюрка.

Естественно, в условиях глобализации мира социокультурные универсалии в том или ином виде пробиваются через охранительные заслоны, возведенные властью. Возникают соответствующие

социокультурные конфликты, хотя содержание их для начала XXI в. может показаться уникальным, почти неправдоподобным. Так, по сообщениям западных СМИ, активное женское меньшинство занимается спортом нелегально, «в подполье». Возникают подпольные женские команды по футболу, волейболу, баскетболу и другим видам спорта, тайно проводятся соревнованиями между ними. Не так давно, а именно летом 2011 г., в социальной сети Facebook стартовала кампания под названием «Я сяду за руль 17 июня» и пр. Тем не менее определяющий тренд иной – интеграция в глобальное экономическое пространство на фоне социокультурной стагнации и консервации социальной и культурной архаики.

Две эти модельные ситуации, каждая из которых является в известной мере инверсией другой, – «застой» в СССР и современное Саудовское королевство – можно интерпретировать в различных терминах. Например, в относительно привычной парадигме расхождения и противостояния цивилизационного и «формационного». Исламская цивилизация плюс полукапиталистическая, полуфеодальная формация (используем классический термин К.Маркса), с одной стороны. И социалистическая общественно-экономическая формация в тех формах, в каких ей суждено было явить себя миру и истории, и чуждое ей цивилизационное, культурное содержание, просачивающееся через и сквозь каркас фундаментальных отношений власти и собственности – с другой.

Но поскольку мы говорим о динамическом процессе, а не о точечной фиксации определенной типовой, модельной ситуации, а также поскольку мы стремимся отразить динамику социокультурного развития (та же кампания «17 июня» как симптом движения внутри заостренней социокультурной структуры¹⁰⁴), то в контексте наших размышлений, думается, имеем право говорить здесь об асинхронности экономической и социокультурной глобализации. Ибо глобализация, по самому большому историческому счету, есть именно стирание цивилизационных, формационных и национальных различий.

Поэтому будет правомерно констатировать, что и СССР, и современная Саудовская Аравия в полной, хотя, вероятно, не в равной мере демонстрируют асинхронность, противоречивость и многовекторность современной глобализации. Конечно, есть множество примеров «правильной» глобализации, когда она более или

менее синхронно охватывает различные сегменты социума. Но для исследователя это не столь интересно. Тем более, что, как уже было сказано, для России практическое значение имеет изучение несколько иной модели развертывания глобальных процессов.

4. Некоторые выводы

Асинхронность естественным образом связанных и, казалось бы, взаимообусловленных фундаментальных исторических процессов, разбалансированность, разнонаправленность векторов таит в себе серьезные социальные риски. В СССР потребительское сознание было заимствовано в период «застоя» вне практик капиталистического производства и вне контекста соответствующей политической культуры. Равным образом у граждан не было опыта бытия в условиях рыночной экономики. Эманации заимствованного потребительского сознания, частичная, точечная вестернизация ментальности советских граждан на первых порах ускорили падение социалистической системы. Прежде всего в силу того, что она уже не могла удовлетворять возросших и не всегда реалистичных запросов граждан. Но впоследствии, в постсоветский период, отсутствие производственных практик, адекватных развитию индустриальному капитализму, усложнило становление и развитие современной России. В странах же Восточной Европы, где продолжавшаяся в эпоху «народных демократий» вестернизация сознания коррелировала с определенным опытом межвоенного капиталистического развития и соответствующими жизненными практиками, переход к рыночной экономике и политической демократии прошел значительно менее болезненно. И, конечно, на развитии страны в постсоветский период сказалось отсутствие гражданского общества в СССР, где его ростки были подавлены тоталитарным (коммунистическим. – *Отв. ред.*), а затем посттоталитарным (посткоммунистическим. – *Отв. ред.*) государством. Некие универсалии, которые являются противовесом рыночному капитализму, во-первых, и постоянному стремлению власти к самовозрастанию и экспансии, во-вторых, некие системы сдерживания, опирающиеся на самодеятельность и самоорганизацию граждан, также не были созданы в Советском Союзе, начиная с реаль-

ных, не являющихся придатком государства профсоюзов и кончая местным самоуправлением. Современный капитализм взыскует свободного индивида, систему стимулов и конкуренции. Если этого нет, система перенастраивается, и эта перенастройка самым негативным образом сказывается на эффективности экономики и, следовательно, состоянии социальной сферы.

В странах типа Саудовской Аравии свободу и конкуренцию компенсирует нефтяная рента. В этой ситуации экономике не столь уж обязательно быть эффективной. И то же, но только отчасти, в СССР/России, где, во-первых, на протяжении десятилетий существовала возможность развиваться экстенсивно, за счет человеческих ресурсов и мобилизационной модели, во-вторых, также существует энергетический фактор, «нефтяная игла», хотя и не играющая столь тотальную роль, как в Саудовском королевстве.

Наверное, мы не откроем Америки, если скажем, что сегодня определяющий тренд развития российского общества тот же, что в период брежневского застоя: повышение благосостояния населения, разрастание его потребительских амбиций и урезание политических и гражданских свобод. Сегодня, однако, существуют очень большие сомнения в том, что это урезание, эти очевидные элементы встроенной в вялотекущий модернизационный процесс демодернизации – органическая и неизбежная составляющая модернизационного или квазимодернизационного процесса. И если у академика Милова были определенные основания утверждать, что форсированное строительство крупного производства путем заимствования «западных технологий» в петровскую эпоху, приведшее к возникновению еще более жестоких, более грубых форм эксплуатации, чем самые «варварские» формы феодальной зависимости, было проявлением некой объективной необходимости, логики развития данного общества, то в современном мире разного рода «ужесточения» едва ли имеют историческое оправдание. Опыт XX в. доказал, что существуют возможности модернизации, опирающиеся на демократические институты и не на урезание, а на расширение свободы и на усиление, укрепление, а не ограничение гражданского общества. При исследовании этой проблемы трудно не обратить внимания на то, что те технологические, властные трансформации и аберрации, которые имели место в так называемые «нулевые», – это не что иное, как ревитализация в несколько

обновленном виде дисциплинарных технологий и практик, возникших в Европе с конца XVIII в. То есть по сути реанимация тех технологических структур и практик властвования, время которых давно и безвозвратно прошло¹⁰⁵. Если мы будем понимать модернизацию и глобализацию так, как было описано выше, то для нас станет очевидным, что нынешняя российская власть имеет возможность провести определенного рода модернизацию, прежде всего технологическую, скорее всего частичную, не модернизируя и, более того, архаизируя целые сегменты социальности. И при этом для нее, власти, вполне реально встроиться в процесс глобализации, но не всесторонней, относительно сбалансированной, а фрагментарной, идущей по нескольким относительно автономным каналам, векторам и направлениям. Прежде всего по векторам технологическому, экономическому и отчасти социокультурному, но не политическому и правовому. Такой сценарий вполне реалистичен, особенно если учесть, что его оказалась в состоянии реализовать даже архаическая, полуфеодальная Саудовская Аравия. Иными словами, будущее, которое нас ждет, – это с очень большой вероятностью экономическая глобализация, движение к потребительскому обществу и некий «суверенный авторитаризм» в политической сфере.

РАЗДЕЛ II

МОДЕРНИЗАЦИЯ. БУДУЩЕЕ СОЦИАЛИЗМА И КАПИТАЛИЗМА

Некоторые социально-экономические формы общества обозначили свою теоретическую устойчивость даже при сегодняшнем изменившемся состоянии дел. Они являются результатом естественной эволюции, с одной стороны, и когнитивных схем, которые поддержали вызревание их реального воплощения, с другой.

Глава IV

Социализм: философская истина и аксиологическое правдоподобие

- 1. Ценностный и теоретический подходы к анализу социализма*
- 2. Социализм как социализация*

Проблема социализма и его места во всемирно-историческом процессе – это одна из самых обсуждаемых социальных проблем в современном мире. Кризис социализма, можно сказать, является мировым. Он породил кризис почти всех известных теорий социализма. Причем не только апологетических, но и критических. Соответственно широкий, едва ли не всеобщий общественный интерес к социалистической идее, тем более к социалистической практике (или эксперименту) разбивается на множество противоположных подходов. В настоящее время преобладает аксиологический, ценностный, иначе говоря, классово-партийный подход.

1. Ценностный и теоретический подходы к анализу социализма

Аксиологическому осмыслению социализма противостоит теоретико-познавательный подход. Им занимается узкая прослойка профессиональных теоретиков, которые не делятся на «красных» и «белых», «левых» и «правых», апологетов и противников социализма. Они направляют свои усилия на поиск объективной и в первую очередь философской истины социализма. К ним относятся некоторые теоретики как России, так и многих зарубежных стран. В их числе можно назвать П.Бергера и Д.Гэлбрейта из США, М.Бунге из Канады, Г.А.Багатурия, А.В.Бузгалина, В.М.Межуева, Р.И.Косолапова, Ю.К.Плетникова и других исследователей из России. П.Бергер в изданной еще в 1986 г. книге «Капиталистическая революция» считает, что теория и капитализма, и социализма еще не стоят на научных рельсах¹⁰⁶. В них господствуют не научные истины, а ценностные суждения и идеологемы. Тема социализма, марксизма поднимается сейчас многими новыми исследователями на Западе и в России в связи с мировым экономическим кризисом.

Согласно последним представлениям, сущность капитализма и социализма определяется через антиномии «содружества» и «борьбы», «естественного» и «общественного». При объективном подходе обнаруживается, что ни планирование, ни акционирование, ни национализация, ни приватизация, ни индустриализация, ни информатизация не определяют ни капитализма, ни социализма. Они – рычаги, средства, инструменты, которые имеют рациональное значение для функционирования индустриального общества. Теоретики социализма, претендующие на истинность своих суждений о нем, тоже, конечно, дифференцируются по определенным когнитивным группам. В свое время русский философ В.Соловьев различал «философский социализм» и «научный социализм», при этом он склонялся к мысли о необходимости философского осмысления социализма, а не научного, ибо последний большей частью строится на идее экономизма, исходит из определяющей роли экономических факторов. Между тем, они и даже законы как таковые в чистом виде не существуют и не действуют. Философская же рефлексия

социализма как идей и практики позволяет видеть его во всем многообразии достоинств и пороков, утопического и реального, мечтаний и разочарований.

Современные ответственные теоретики в целом разделяют точку зрения русского философа Н.А.Бердяева: «Проблема социализма, имеющая мировое значение, очень сложна и имеет разные стороны»¹⁰⁷. Можно выделить три-четыре фундаментальных вопроса, к которым обращены специалисты. Первый – имеет ли социализм основания в естественной природе человека? Второй – представляет ли социализм утопию или цель, реализуемую в истории без насилия над ней, исходя из спонтанных следствий ее внутренней логики? Третий – в какой мере социализм осуществился в прошлой истории человечества, особенно в XX в.? Четвертый – означает ли современный глобальный кризис социализма его окончательную смерть и торжество капитализма или какого-то иного посткапиталистического, но однопорядкового с ним строя на вечные времена? Как в совокупности, так и в отдельности ответить на эти вопросы сложно. Но социализм не является некоей кантовской вещью-в-себе, находящейся за порогом познания. В мировой социальной философии еще со времен Платона, Аристотеля и Цицерона существует множество идей и теорий, позволяющих более или менее верно осмыслить его сущность. Социальная философия Нового времени также сделала немало выдающихся теоретических открытий, связанных с определением роли и места социализма во всемирно-историческом процессе.

Они были сделаны в XVII–XVIII вв. и в первой трети XIX в., еще до выхода на всемирную философскую арену Маркса и его единомышленников. Одним из таких выдающихся открытий является обнаружение универсальности социализма, принимающей во внимание разнообразие его проявлений в разных странах, сферах, почти во всех областях общественной человеческой деятельности, общения и поведения. Социализм многолик, более того, пронизывает все сферы общественного и индивидуального человеческого бытия, так что невозможно охватить его одним всеобъемлющим определением. С другой стороны, чтобы научно судить о нем, необходимо знать социализм, который был разрушен в поверженном Советском Союзе и в соседних с ним странах. А.Ципко считал, что социализм в СССР был пустым звуком, другие отождествля-

ют его с феодализмом, с крепостным строем или государственным капитализмом. М.Бунге, который стоит на философских, а не на эмоциональных позициях, определяет его как «бюрократический капитализм», который «вовсе не умер», потому что он «еще не родился»¹⁰⁸. Все более распространяется среди социальных философов мнение, что построенный в СССР социализм был неудачным экспериментом, не социализмом в собственном смысле. Британский социолог Э.Гидденс утверждал в конце 1970-х гг., что будущий социализм вряд ли предполагает много общего с существующими социалистическими обществами, которые, хотя они явно отличаются от капиталистических, создают экономически неэффективный и политически авторитарный способ управления¹⁰⁹. Американский политолог Б.Гросс также отмечал, что ответ на вопрос о будущем социализма зависит в большей степени от того, что подразумевается под этим понятием. Оно всегда было столь же неопределенным, как справедливость, свобода, равенство и демократия. Во всем мире сейчас люди спорят по поводу значения, вкладываемого в это понятие. Социализм означает столь много различных вещей, что этот термин часто является не более чем ярлыком предполагаемых социальных порядков, каждый из которых конкретным мыслителем желал бы видеть воплощенным¹¹⁰.

Проблема объективного исследования социализма усложняется и тем, что не существует чистого социализма, идеального социализма, подобно тому, как нет и чистого капитализма или феодализма. В научном плане не является удовлетворительной попытка сопоставлять реальный, незрелый социализм с теоретической моделью, которая может существовать лишь идеально, но не в действительности. Всякий социализм отягощен несоциалистическими и даже антисоциалистическими силами или свойствами. Исторически были опробованы «первобытный», «феодальный», «кооперативный», «рыночный», «плановый», «пролетарский» социализм. В свою очередь в рамках конкретной исторической модели обнаруживается по той или иной степени выраженности «хозяйственный» или «экономический», «политический», «житейский», «культурный», «духовный», «этический», «психологический» социализм. Можно также говорить о его различных национальных модификациях. Наиболее ранним, пожалуй, был французский, за ним следовал русский, индийский, немецкий социализм. Даже в

пределах индустриального социализма XX в. можно проследить за различиями национальных (советской, польской, югославской и иных) его форм.

Между тем, ни философия, ни социология сколько-нибудь специально еще даже не приступали к изучению всего многообразия типов, видов и подвидов как исторического, так и теоретического социализма. А без этого невозможно ответить на современные фундаментальные вопросы человеческого существования. Замена же научного, тем более философского исследования социализма аксиолого-идеологическими рассуждениями является одним из источников растущих социальных противоречий в мировой истории.

2. Социализм как социализация

Тотальная дискредитация социализма и социалистических начал в обществе разрушает человека и человеческое общество. Безмерное культивирование его антипода – экономического эгоизма и индивидуализма, сведение широчайшей проблемы человеческих свобод, прав и обязанностей лишь к необузданной экономической свободе и сведение социально-экономических законов к законам рыночной экономики – идея ложная и антисоциальная. Такой позиции придерживаются многие экономисты, считающие, что экономик не знает справедливости и должна быть свободна от нее и от нравственности. Подобно тому, как «свободная игра химических процессов может происходить только в трупе, а в живом теле эти процессы связаны и определены органическими целями, так точно свободная игра экономических факторов и законов возможна только в обществе мертвом, разлагающемся, а в живом и имеющем будущность хозяйственные элементы связаны и определены нравственными целями, и провозглашать попустительство, вседозволенность – значит говорить обществу: умри и разлагайся»¹¹¹.

Это верно потому, что социализм по своей сущности восходит к обществу и общественной организации жизни людей. Одни не понимают, другие не хотят понимать, а третьи скрывают органическую, генетическую связь социализма с обществом. Напомним: социо- означает общество, общественность, общественное, а «изм»- суффикс, обозначающий принадлежность социуму, со-

циальному, общественному. Когда Аристотель называл человека «общественным существом»¹¹², которое обретает свою добродетельность в свободном полисном общении, он по существу подчеркивал склонность человека к жизни в обществах, близких социалистическим. Аристотель высказал мысль о том, что граждане государства потому и являются таковыми, что имеют между собой нечто общее. Еще тогда стало очевидным, что в каждом человеке сидит маленький социалист. Социализм как приверженность обществу, общественному началу присутствует в человеческой родовой сущности и ее многочисленных проявлениях в социальной, хозяйственной, житейской, духовной, семейной и прочих сферах. Соответственно, социализм может быть истолкован и как социализация, рассмотренная в ее наиболее общей формуле.

Философами создано множество теорий общества, и во всех них, даже в натуралистических и психологических, признается самостоятельная реальность и незаменимость общества, хотя в разных модификациях. Хорошо известно, что объединение в общину, микро-, а тем более в макрообщество явилось величайшим скачком в становлении и развитии человека. Он вышел благодаря этому из состояния природной дикости и сделался социально разумным существом, строящим в обществе взаимопонимание качественно иным образом, чем в природе. Свои общественные, т. е. социальные, социалистические качества человек создает и стихийно, и сознательно благодаря изобретению и развитию культуры и цивилизации, морали и религии, философии и искусства, права и социально-государственной организации. В своем дальнейшем прогрессе социалистические формы хозяйствования, образа жизни, поведения в повседневности, семье, в трудовых ассоциациях, политике и нравственности обрели чрезмерно большой диапазон. Определились два разных полюса. Ими стали коллективизм и индивидуализм. Соответственно социализм в социальном опыте обрел формы коллективистского социализма и индивидуалистского социализма. И та, и другая форма в разных сочетаниях даны во всех человеческих обществах, но в одних преобладает одна, в других – другая. Коллективистский – в первобытном, феодальном и современном восточном обществе. Индивидуалистский характерен большей частью для рабовладельческого и современного западного общества. Словом, без

социалистических элементов, а то и без системных социалистических начал не обходится ни одно общество, даже кажущееся явно антисоциалистическим. В этом смысле и в каждом современном, тем более цивилизованном человеке, в его социальном опыте присутствует социализм. По своим глубоким социально-родовым основаниям социалистично и капиталистическое общество даже тогда, когда оно сознательно ориентируется на анти-социалистические ценности. Буржуазный социализм – такая же реальность, как и пролетарский, хотя различна их социально-классовая и ценностная природа. И в современном капиталистическом обществе, где экономический индивидуализм достиг апогея, все более обобществляется как капитал, так и труд. Преодолев полосу официального запрета, социализм как хозяйственный уклад допущен в экономическую систему капитализма. Ведущие страны Европы, США и Канада разрешили общественную собственность и соответствующие ей механизмы хозяйствования. Согласно имеющимся данным, в 1990-е гг. в одних лишь США насчитывалось до 13 тысяч «народных предприятий», массовый характер приобрели «товарищества» как малые предприятия, в которых кооперируется собственность и труд. Это проявляется также в социальных программах государств.

Вторжение социалистических форм в капиталистическое общество обнаруживается и в политике, праве, нравственных нормах. Во многих странах у власти находятся не буржуазно-индивидуалистские, а социал-демократические партии, народ все более становится реальным политическим сувереном. Как писал испанский политолог С.Карусильо, из страха перед социалистическими революциями западный капитализм сделал столько уступок рабочему классу, что они изменили систему. Социализм победил во всей Европе.

Сейчас, когда решается историческая судьба России не только как «большого общества» (А.С.Ахиезер), но и самобытной цивилизации, проблема социализма в ее истории требует особого научно-исследовательского анализа и объяснения. Русский социализм, глубоко исследованный в свое время Н.А.Бердяевым, – явление общенационального значения. Кризис одной модели социализма, скажем, тоталитарного, искусственно сконструированного, вряд ли может быть основанием для столь же искусственного искорене-

ния спонтанного русского социализма. Распространяемый тезис о «постсоциалистической эпохе» России представляется ложным и в том смысле, что социализм в истории человечества не умер, но не потому, что он «не родился», а потому, что без социалистических форм жизни не существует вообще человеческой истории. Гибель социализма означает гибель человека и человеческого общества. Речь должна идти о непригодности его конкретной модели. «Дикий» социализм также изменил себя, как и «дикие» рабовладение, крепостной феодализм и капитализм. Наблюдая последний в России 90-х, было бы неверно отрицать успешность капитализма многих стран, которые социализировали и демократизировали его. Социализация капитализма уже делает неподходящими определения «капитализм» и «социализм» для описания современных тенденций. В той же мере, в какой классический капитализм в результате кардинальной эволюции превращается в общество, идущее все в большей степени навстречу нуждам человека труда, смягчает эксплуатацию, создает простор для свободного индивидуального развития, в той же мере социализм выходит из своей тоталитарной скорлупы, осваивает стратегию многоукладного рыночного хозяйства, где не дикая, а разумная экономическая свобода является ключевой ценностью. Соответственно, в той мере, в какой капиталисты могли бы назвать грядущее общество «обществом массового изобилия», «свободным обществом», «обществом со смешанной экономикой», социалисты могли бы назвать его одной из разновидностей социализма.

Как отмечает американский экономист Дж. Гэлбрейт, то, что Маркс называл «коммунизм», есть не что иное, как «общество массового потребления». И в том, и в другом случае, как бы ни возобладали роль и значение индивидуальности, свободы, экономической и иной самостоятельности, люди будут жить в обществе, они не станут разрушать его и будут сохранять и совершенствовать в интересах всех граждан, а не какой-то части. Абсолютизация культа индивидуализма, отвергающего коллективизм во имя свободы личности, приведет не к меньшим трагедиям и катастрофам, чем монопольный культ приверженности общественному, т. е. к социалистическому образу жизни, если в этом порыве разрушаются человеческая индивидуальность, самостоятельность и свобода.

Сейчас, когда идут мучительные поиски ненасильственных способов мирового сосуществования граждан и народов, одинаковую опасность представляют все тоталитарные схемы мышления, основанные на одностороннем возвеличивании или принижении тех или иных форм человеческого обустройства в обществе.

К.Поппер в «Нищете историцизма» говорит, что «капитализм», «социализм», «коммунизм», имеющие огромный смысл для многих людей, потеряют его в будущем. Нужно не противопоставлять их, не сталкивать граждан, навязывая им деление по политическим соображениям, а мобилизовать и тех, и других против реальных врагов человеческого сообщества. Это война, бедность, нищета, болезни, предрассудки, все виды экстремизма. Достоинства того или иного конкретного способа хозяйствования, той или иной модели социума будут определяться тем, в какой степени они результативно повлияют на решение глобальных проблем человечества.

Глава V

Будущее капитализма

- 1. Откуда пришли ожидания, что капитализм должен измениться?*
- 2. Факторы становления и изменения капитализма: общество или человек?*
- 3. Капитализм не оставался неизменным на протяжении своей истории в разных странах*
- 4. Сценарии будущих изменений капитализма*

Турбулентные изменения в мире, приведя к изгнанию социализма, возложили ответственность на капитализм за проблемы отдельных обществ и человечества в целом, связанного глобализацией.

1. Откуда пришли ожидания, что капитализм должен измениться?

Экономический кризис вызвал ряд заявлений, критических в отношении капитализма. Н.Саркози однажды сказал, что пора подумать о преимуществах социализма перед капитализмом. Многие восприняли это всерьез. Но они не учли того, что во Франции сильны социалистические силы и левые партии, и потому Саркози сделал реверанс в адрес этих сил, которые за ним не шли, желая продемонстрировать себя как президента всех французов, а не их части. Однако по мере разрастания кризиса Саркози всерьез обеспокоился недостатками капитализма. Недавний эксперимент западных экспертов подтвердил мысль Маркса о том, что за обещания увеличения прибыли на 300 % капиталист готов продать собственную мать. Во время взрыва в Бхапале в Индии на химическом предприятии американской компании погибло 5000 человек, огромное число людей потеряло трудоспособность. Эксперимент состоял в следующем: отделение Би-Би-Си в Париже сообщило о том, что через 20 лет после катастрофы компания, владевшая заводом, готова выплатить 12 млрд долларов компенсации на восстановление земли, загубленной химическим отравлением, и всем пострадавшим. Это был всего лишь тест на выявление реакции.

Через час было заявлено об ошибочности этой информации. Но уже за 20 минут ее существования акции компании упали на 30 %. Стремление к прибыли победило социальную ответственность.

О глубине проблем капитализма свидетельствуют многие его защитники. К их числу относится бывший глава Федеральной резервной системы США А.Гринспен, написавший в связи с началом мирового экономического кризиса о разочаровании в либеральной рыночной экономике, в силу которой он верил. Он пытается представить новый образ мировой экономики 2030 г.¹¹³. Недавний опрос немцев и австрийцев об их отношении к капитализму, результаты которого опубликовал журнал «Шпигель», оказался ошеломляющим. Немецкая журналистка А.Розе в «Российской газете» сообщает о результатах социологического исследования: в кризисные времена люди стали подвергать сомнению перспективу ориентации преимущественно на экономический рост, они стали больше обращать внимание на негативные стороны капитализма, особенно в сфере угроз окружающей среде и социальной поляризации населения¹¹⁴. Представители фонда Бертельсмана, проводившие опрос, показали, что девять из десяти опрошенных хотят улучшить существующий экономический порядок. Каким образом? На первом месте стоит защита природы, на втором – рациональное отношение к ресурсам, на третьем – социальная справедливость. Сегодня количество социал-демократов и зеленых в политическом спектре Германии сравнялось: каждая из этих партий имеет тридцатипроцентную поддержку избирателей. В «Шпигеле» мы нашли информацию, что 4/5 всех респондентов говорили и о своей ответственности, о готовности изменить свои привычки, стиль жизни для улучшения экономического устройства¹¹⁵. Например, меньше пользоваться автомобилем, реже летать на самолете, аккуратно обращаться с мусором, утеплять свое жилье, пользоваться альтернативными источниками энергии и пр. Они не хотят старого капитализма, но и не мечтают о социализме. *Их альтернатива – это включение в модернизационный проект не только экономического роста, но и многих других параметров, имеющих социально-гуманитарное, экологическое, этическое содержание.* Но будет ли это тогда соответствовать капитализму?

Сейчас, в условиях кризиса на Западе, много критики капитализма, и немного удивляет то, что там, где есть капитализм, сильна его критика, там, где его никогда не было, доминирует желание

политических элит или академического сообщества внедрить капитализм, до которого они не добрались, и в этом усматривается основная цель модернизации. Можно привести в пример статью, которая называется «Глобализация: история и интерпретация» в рубрике «Капитализм для любознательных» белорусского автора. Раньше в Интернете стояла его фамилия, но теперь снята. Статья, однако, по-прежнему существует там. Среди ее подзаголовков найдем «Костлявая рука социализма по-прежнему сильна» или что-то подобное. Автор статьи пишет, что «многие известные экономические журналы тиражируют антикапиталистическую чушь». Примером такой чуши является статья в Business Week о глобальном капитализме, согласно которой отрицательной чертой капитализма является разрушение целых обществ, проявляющееся как в финансовых кризисах, так и в поведении транснациональных корпораций. Нежелание признавать недостатки капитализма в странах, которые мечтают о нем, очень сильно. Цитируем белорусского автора: «Сорос и сотоварищи по-прежнему борются с пугалом, которого нет в реальном мире». Желание приобщиться к капитализму тем сильнее, чем более отсталой является экономика в стране проживания автора. Опять же его критика известных ученых и организаций не знает предела: «Неправильно определив причины всех последних финансовых кризисов на разных континентах, антикапиталисты подпевают отцам-основателям промышленной контрреволюции». Наивные апологеты капитализма из стран, где его нет, абсолютно переворачивают с ног на голову все исследования, которые существуют по проблемам теории и практики капитализма. И заканчивается эта апологетика воображаемого капитализма в цитируемой статье тем, что лучший глобальный порядок – это система децентрализованного принятия экономических решений, то есть капитализм. Такая вот ода капитализму, конечно, несколько странная, если учесть хотя бы тех людей, которых цитирует с гневом в данной статье белорусский автор из Научно-исследовательского центра Мизеса. Он обрушивается на Дж. Сороса, которого трудно обвинить в антикапиталистических настроениях. Являясь капиталистом, Сорос пишет, что финансовые рынки по своей природе нестабильны, существуют социальные потребности, которые нельзя удовлетворить в условиях свободного рынка. Сорос при этом выступает не как экономист, не как человек, который очень много

получил в результате своей «капиталистической» деятельности, а как социолог, утверждающий, что *глобальная экономика не может процветать без глобального общества, т. к. рынки сами по себе не корректируют капитализма. Не контролируемый обществом глобальный рынок, по мнению Сороса, может привести к краху мировой капиталистической системы.* Иными словами, Сорос беспокоится о будущем капиталистической системы и дает некоторый рецепт ее исправления. А его белорусский оппонент пишет, что глобализация является пробуждением от кошмара, а кризисы не связаны с воздействием рыночных сил, они возникают вследствие рецидива старой политики, вырванной из контекста последовательных рыночных реформ и неправильного понимания природы рыночного капитализма. Сорос выходит на уровень новых социальных образований – глобального общества – в качестве главного фактора меняющейся социальности, о котором сейчас если и говорят, то только в очень отдаленной перспективе с очень большим количеством оговорок. И это кажется ему опасным. Мы не критики Белоруссии и автора статьи и не апологеты Сороса. Скорее, мы просто иллюстрируем тезис об «идеологии и утопии», если следовать К.Мангейму: не знающие капитализма видят в нем решение своих проблем, а живущие при капитализме склонны к более реалистическому или даже критическому его восприятию. Сорос – автор книги о мировом кризисе капитализма или о кризисе глобального капитализма, изданной и на русском языке после мирового экономического кризиса 1998 года, и в ней он отказывается от всего того, что он раньше говорил и делал. От идеи открытого общества, которая прежде представлялась ему образцом либерализации, он перешел к идее гуманистического нового общества людей, вынужденных из-за проживания на одном земном шаре двигаться в сторону формирования общих ценностей, а отсюда и норм, и институтов, и глобального общества.

Примером критики капитализма, предлагающей альтернативу, является книга известного американского исследователя Г.Альперовица «Америка за пределами капитализма». По его мнению, ни традиционный капитализм, ни и традиционный социализм не справляются с проблемой власти в крупномасштабных корпорациях. Экономические акторы социалистических предприятий не подчинены ни рыночным силам, ни обществен-

ности. А капиталистические корпорации чаще всего не подчинены общественности и, в противовес традиционной теории, не подчиняются своим акционерам.

Главным представляется то, что и капитализм, и социализм – это и категории, и реальности, которые в большей степени остались в XX в. Не исключено, что XXI в. в связи с трансформациями, вызванными глобализацией, будет иметь дело с чем-то другим, возможно, с вариациями капитализма и социализма, но не с ними в чистом виде и, возможно, не с их конвергенцией. В связи с возникновением «нового мира новых миров» (Э.Тирикьян) это могут быть разные капитализмы и социализмы, новые и разные пути развития. То есть фактически будущее – это либо он, изменившийся сильным образом, либо общество, которое одновременно будет альтернативой как капитализму, так и социализму. А также вполне возможно будущее без капитализма, а каким он станет – мы пока не знаем: волна социальных трансформаций оставляет вопрос о том, куда она нас несет, полным альтернатив. Мы имеем в виду волну глобализации.

2. Факторы становления и изменения капитализма: общество или человек?

Наши исследования истории капитализма и прогнозов его будущего в последнее время обнаружили главную антиномию прогнозирования эволюции капитализма в зависимости от влияющих на него факторов: общество и человек. Когда монголы подошли к берегам Дуная, они повернули назад, т. к. на Западе не было тех богатств, которые они находили на всем своем пути завоеваний¹¹⁶. Но через некоторое время Запад стал наиболее значимым и влиятельным регионом, ускорившим ритмы естественной эволюции. История капитализма – это часть истории модернизации Запада. Это история естественноисторического органического развития, возникшего на Западе под влиянием трех революций – Ренессанса, Реформации и Просвещения. Что нового появилось на Западе? Что позволило ему перейти от пребывания в сходном с другими обществами традиционном состоянии к ускоренному развитию, к идее прогресса, к превращению в образец развития для других

регионов? Ответ на этот вопрос однозначно понят: новый человек. Исследуя влияние мировых религий на характер людей, М.Вебер показал, что иудаизм произвел бродячего торговца, буддизм – бродячего монаха, конфуцианство – чиновника, стоящего на страже интересов общества, православие – человека мирской аскезы. На Западе же возник индивид, который смотрит на жизнь как на путешествие, которое он должен тщательно спланировать¹¹⁷. Этот человек целерационален, в отличие от ценностно рациональных людей традиционного общества, он включен в целерациональную систему экономики капитализма, автономен и самостоятелен. Э.Геллнер называет его модульным человеком в том смысле, что он легко встраивается в разные взаимодействия, подобно деталям модульной мебели, которую можно собрать так или иначе: «...модульный человек... готов к любым переменам... в своих занятиях и своей деятельности. Его модульность – это способность в рамках данного культурного поля решать самые разнообразные задачи»¹¹⁸. Этот человек живет по внутренне усвоенным правилам, способен к самоконтролю, обучению, взаимодействию с другими и к созданию гражданского общества. И до тех пор, пока экономика, капитализм включены в социальную систему и не господствуют в ней, он сохраняет эти свойства автономности, ответственности и модульности. Однако буржуазная элита, прилагая усилия для собственного обогащения, все более и более упрощает требования к индивидам. Со временем они усредняются в противоположность прежней универсализации, омассовляются, упрощаются. Это – тот порок капитализма, который состоит в изменении перспектив западного общества по отношению к человеку. Массовый человек не самостоятелен и не критичен, он уже не планирует свою жизнь как путешествие. Сначала индустрия специализирует его, подобно тому, как он был специализирован в сельском хозяйстве – пастух, крестьянин и пр., по рабочим профессиям, и он теряет способность к перемене деятельности. Затем СМИ, телевидение усредняют его, делая людей, живущих и работающих в разных местах, сходно мыслящими и одинаково поступающими, но ограниченными и в корне отличными в перспективе своего развития от первоначально возникшего индивида – продукта западной современности. Капитализм, таким образом, ставя экономические отношения на первое место, позволяя им господствовать над социально-культурными

факторами, разрушает перспективу как человеческого развития, так и развития общества, творит социальную и культурную реальность, отвергающую им же самим открытую на раннем этапе перспективу, благодаря которой человек выдвинулся на новое для себя место. Многие, отмечая социальную несправедливость капитализма, указывают в качестве таковой не только на реальные неравенства, но и на исчезновение перспектив развития для масс.

Откуда же взять нового человека, который был бы открыт к социальной и культурной жизни, самостоятелен и творчески ориентирован? По мнению У.Бека, Р.Флориды, А.И.Неклессы, Л.Г.Ионина, такой человек появляется сегодня как самостоятельный субъект творческой жизни, который, оторвавшись от общества, сам способен создавать новую реальность. Он изменяет труд, отдых, сообщества, повседневную жизнь. А.И.Неклесса называет его «человеком воздуха»¹¹⁹. Достаточно благополучная жизнь, наличие информации, Интернет действительно производят таких людей и новые формы виртуальной реальности, становящейся чертой новой социальности.

Сегодня достаточно назвать Викиликс, чтобы показать, что один человек способен оказать невероятное воздействие на общество. Индивидуальные устремления защитников природы предвосхитили экологические ситуации, подтвердившие опасности нехватки ресурсов и хищнической эксплуатации природы, превратившись в политическую силу. В настоящее время многообразие направлений индивидуального видения и проживания жизни, собирающих сторонников, обобщается в понятии стиля жизни. Одни, например Э.Гидденс, считают, что эти стили вырастают из общества и укореняются в нем. Есть исследователи, которые полагают, что они возникают на определенной социальной почве, но оторвавшись от нее в творческом полете, в следовании предпочтениям, вытекающим из свободной творческой фантазии или пристрастий индивида. Центральным тезисом рефлексивной модернизации у Бека является индивидуализация, которая и приводит к формированию многообразных новых стилей жизни, не укорененных в социуме. Л.Ионин задает вопрос о том, является ли многообразие жизненных стилей продуктом социальной структуры или индивидуального творчества. И его ответ в духе модного тогда постмодернизма состоит в том, что плюрализация жизнен-

ных стилей разрушает социальные структуры, в перспективе неся возможность их горизонтального переформирования на основе культуры, хотя прогнозировать, что из этого получится, автор не берется или считает преждевременным. Р.Флорида считает, что количество творческих людей столь велико, что они уже составляют творческий класс, меняющий работу, отдых, сообщества и повседневную жизнь. Он считает этот процесс многообещающим и отодвигающим старые проблемы общества. К.Рамо отмечает, что мир непредсказуемо меняется, и в этом ведущая роль принадлежит лидерам. Но терроризм – это тоже перемена аналогичного типа. России стоит поднять статус творческих людей, ибо сегодня ее образование ориентировано на функциональное исполнение и настойчиво отрицает значение таланта, как впрочем, в целом жизнь в нашей стране, если не считать шоу-бизнес и случайных героев массовой культуры. Но бесконечное восхищение будущим творческим разнообразием напоминает «креейтора» В.Пелевина из его «Generation P». Создание новых форм жизни, привлекательных для многих людей, открытия в науке, новые произведения и стили жизни, дающие образцы решения проблем – это одно, и другое – это стили жизни, сформированные многообразными пороками и прихотями, богемная кутерьма. Американский социолог У.Томас и польский социолог Ф.Знанецкий определяли богему как слой, находящийся между мещанским (работающим) слоем и творческими людьми и отличающуюся тем, что она не хочет работать и не может быть творческой¹²⁰. Жизненные стили могут быть самыми разнообразными, по существу это форма анархизма, а анархические общества могли бы быть замечательными, как отмечают некоторые исследователи, если бы люди были моральны.

Следовательно, при всем нашем желании найти тип человека, способного создать новый капитализм, кого-то, подобного человеку, возникшему в ходе западной модернизации, не удастся. Мы вынуждены признать, что не всякое следование склонностям есть творчество; что оно, даже будучи творческим, сегодня осуществляется в теле массового общества, делая массу более влиятельной социальной силой, чем индивида, что капитализм вполне сочетаем с этим разнообразием стилей жизни как в творческом, так и в богемном варианте, что не здесь формируется человек, способный изменить капитализм.

3. Капитализм не оставался неизменным на протяжении своей истории в разных странах

В переписке с А.Смитом Д.Юм, восхищаясь его трудом о богатстве народов, отмечал, что сам «он молится за распространение коммерции также в Германии, Испании, Италии и даже в самой Франции»¹²¹. «В самой Франции» потому, что именно там за десять лет до публикации «Богатства народов» в 1776 г. Смит задумал этот труд. Как отмечает автор послесловия к изданию Смита А.В.Аникин, «Франция присутствует в книге Смита не только в идеях, прямо ли, косвенно ли связанных с физиократией, но и в великом множестве наблюдений (включая личные), примеров и иллюстраций. Общий тон всего этого материала критический. Для Смита Франция с ее феодально-абсолютистским строем и оковами для буржуазного развития – самый яркий пример противоречия фактических порядков идеальному “естественному порядку”». Нельзя сказать, что в Англии все хорошо, но в общем и целом ее строй гораздо больше приближается к “естественному порядку” с его свободой личности, совести и – главное – предпринимательства»¹²². Следовательно, тот новый элемент научного анализа, который возник у Смита, обусловлен зрелостью экономических отношений в Англии, появлением там объективно протекающих экономических процессов, их своего рода квазиприродностью (Смит был ньютонианцем) или тем, что К.Маркс характеризовал как приближение английского капитализма к классически чистому. Десять лет, которые Смит потратил на написание своего труда, были не только годами его работы, но и *временем вызревания тенденций английского капитализма*, которые он характеризует в пяти томах своей книги. Это – общественное разделение труда и увеличение производительности труда; становление природы капитала, его накопления и применения; развитие благосостояния англичан; различие систем политической экономии в разных странах; рост доходов государя и государства.

Мечта Юма осуществилась. Капитализм распространился на страны, о которых писал Юм, и не только на них, варьируясь от дирижистских моделей во Франции до коммерческой республики США. США создали политическую и социальную систему вокруг идеи коммерции и по сути капитализма. Свободное предпринима-

тельство требовало политической и социальной защиты, которая была представлена в моделях демократии, разделения властей, в утверждениях священности частной собственности.

Что касается типологических различий, капитализм прошел фазу торгового, цехового, промышленного и вступил в фазу когнитивного капитализма, основанного на технологическом применении естественных наук. Эти большие блоки свидетельствуют о существенных изменениях, которые мы рассмотрим более подробно.

Торговый капитализм – основанная на торговле форма, предшествующая промышленному капитализму, связанная с географическими открытиями и накоплением капитала.

Цеховое производство было производством, организованным хозяевами цехов.

Промышленный капитализм – наиболее исследованный тип, прежде всего К.Марксом, но недостаточно разделенный на отдельные фазы, несмотря на то, что капитализм мутирует с точки зрения форм производства и интересов в организации бизнеса. Первоначальными производителями капиталистических фабрик были не квалифицированные рабочие, а люмпенизированные в городах крестьяне, согнанные с земель, сначала в Англии в результате огораживания. Буржуазная культура, мягкая социальная среда и большие капиталистические предприятия еще не сформировались. Наука была ближе к литературе, чем к производству. Но промышленная революция сильно изменила капитализм. Она произвела машины, квалифицированных рабочих, распространила образование. Уже Маркс отмечал, что на этой фазе производство начинает управляться *не только хозяевами, но и акционерами*. Промышленный капитализм строится по профессиональной матрице машин, как потребитель их. *Предприниматель становится хозяином, акционером, администратором, менеджером*. Позже определяются системы управления.

Потребительское общество, возникшее в 1950-е гг. на Западе, сильно изменило промышленный капитализм, превратив его в *потребительский*. Потребление всегда признавалось частью производства, в ходе которого потребляются товары, капиталы, человеческий труд, материалы. Потребитель произведенного предприятием тоже включался в круговорот потребления произведенного продукта. Характерным для теорий была констатация,

что потребительские устремления определяются произведенными товарами. Сам потребитель не является заказчиком того, что он решит потреблять. В таком обществе в условиях развития техники значительная часть работников высвобождается из производства, уходя в сферу обслуживания, подобно тому, как крестьяне уходили из деревень в города, на фабрики. Производство имеет теперь гораздо большие технические, технологические, административные возможности для изготовления все новых и новых товаров, рекламные службы для усиления их оборота и разжигания конъюнктурных устремлений. Раскручивание потребления разворачивает производства, потребитель становится более важной частью производств, чем если бы он сам работал на производстве. Значение потребителя как производительной силы еще видимо предстоит оценить. Вред конъюнктуризма для человека и общества многократно описан. Но для производства он чрезвычайно полезен. В итоге он способствует окончательной победе экономических отношений над всеми прочими сферами, упрощает массового человека, обеспечивает победу материальных ценностей над духовными. Нравственно-общественный вопрос, как вывести одних людей из недопотребления, других из перепотребления, а третьих из конъюнктурного сознания – на фазе потребительского капитализма начинает разрешаться творческим участием потребителей в производстве или в сервисе. Возникает новая фаза потребительского капитализма – своего рода капитализм покупателей, кастомеров, как их называют на Западе. Проиллюстрируем примерами. Продажа билетов на самолет, обслуживание пассажиров при регистрации всегда осуществлялись работниками авиационного сервиса. Сегодня человек сам может осуществить эту работу – заказать билет, выбрав удобные места, зарегистрировавшись на рейс и избавляя себя от приезда в аэропорт за несколько часов для регистрации. Изобретенный американской компанией «Эппл» плеер iPod изготавливается его основными потребителями – китайцами – в своей стране. Человек, покупающий машину, сегодня может заказать не только ее цвет, но и обивку кресел, дополнительные приборы, ставшая компаньоном фирмы, изготовившей автомобиль.

Азиатские страны, в которых сохранилась привычка и любовь к труду, подобно тому, как они выращивали рис или терпеливо плели корзинки, сегодня производят бытовую электронику.

Общественное разделение труда привело к тому, что западный капитализм стал создателем модели продукта, производится же он в странах Азии, там, где имеется дешевая и привыкшая к труду рабочая сила. В этой связи говорится о *когнитивном капитализме* – это общества знания, создавшие соответствующую экономику знания. Для одних это – глобальный капитализм, поскольку в интеллектуальном изготовлении продукта на Западе принимают активное участие индийские, японские, китайские, нередко российские ученые и инженеры. Другие трактуют экономику знания скорее применительно к странам-изготовителям – Китаю, Индии, Азии в целом – как владение рабочих новым знаниями и навыками, которые им были прежде неизвестны¹²³. Третьи, к которым принадлежат и авторы данной статьи, соглашаясь с вышеприведенными *аспектами*, понимают под когнитивным капитализмом Запады, основанный на технологическом применении фундаментальных наук.

4. Сценарии будущих изменений капитализма

Как известно, капитализм и социализм наиболее ярко противостояли друг другу на уровне идеологической риторики. Но в основе лежали социально-философские и политико-экономические различия. Неолиберальная теория и марксизм были краеугольными камнями двух стратегий модернизации. Естественно, сегодня возникает вопрос о будущем развитии в условиях имеющейся девальвации больших социально-философских мировоззрений, зависимости общества и человека от капитализма. Экономическое развитие как эмпирический факт и экономические показатели роста не могут быть главной целью модернизации. В основании концепции модернизации должна лежать новая интегральная идея социальной философии. Эта мысль, по всей видимости, была очевидна для А.Смита, который рассматривал экономические процессы в связи с их общественно-политическим окружением и, что самое главное, в нравственном и этическом контексте своей эпохи.

Модернизация перестала быть полем непримиримого противостояния, а перешла в разряд конкурентного и взаимозависимого развития. Линия напряжения, проходящая по оси «социализм – капитализм», изменила свое направление и двинулась на Восток.

Теперь она проходит по линии «Запад – не-Запад». Азиатские страны в качестве теоретического ресурса для собственных концепций модернизации используют не только западные идеи и подходы. Они широко опираются на местные традиции, богатую культуру, особенности менталитета и трудовую этику, которая складывалась в этом регионе не одно тысячелетие. Исчезла и догоняющая модель развития, ибо в новой модели вестернизация совмещается с использованием опыта незападных стран, а сутью модернизации является решение собственных проблем собственными методами. Все это придает модернизационным процессам особое, локальное своеобразие, что в конечном счете разительно отличает развитие Индии, Китая или Бразилии. Не каждая из этих стран строит социализм или капитализм, но при этом они поступательно идут к реализации идеи общества современного типа.

Вопрос о меняющейся социальности затрагивает не какие-то отдельные изменения обществ, а формы бытия людей, их непосредственной жизни. Вот, например, Л.Туроу выделял в книге «Будущее капитализма» пять так называемых «плит», или пять изменений, которые и станут определять будущее: конец коммунизма; эпоха искусственной интеллектуальной промышленности; демография, рост или убывание населения, миграция, старение и пр.; глобальная экономика; многополярный мир без доминирующей державы. Все эти «плиты» были охарактеризованы Туроу в лекциях, посвященных будущему капитализма и прочитанных им в Йельском университете в 1995–1996 гг.¹²⁴ Более конкретно они были посвящены рассмотрению того, как экономические силы того времени формировали будущий мир. Из всех этих «плит», представленных Туроу, *той величиной, которая создает огромное число социальных трансформаций, является глобализация, представляющая и сама по себе главную из них*. Она несет в себе такой объем социальных изменений и такую скорость, что, возможно, через какое-то время мы уже не вспомним, что когда-то говорили о социализме и капитализме и связанных с ними проблемах. Проблемы будут совершенно иные. Действительно, эпоха «холодной войны» характеризовалась оппозицией двух социальных систем, ставя перед людьми главный вопрос: «Кто друг и кто враг?». Основные идентификационные линии пролегли между теми, кто принадлежал к полюсу капиталистических стран или к полюсу со-

циалистических. Но, как говорит американец Т.Фридман, известный певец глобализации, «сейчас важна как раз скорость твоего модема», а не то, где ты и на чьей ты стороне. Это преувеличение позволяет понять, что уже во многом осуществился выход за пределы теоретического и практического спора: социализм или капитализм. В результате социальной трансформации, которая называется глобализацией, возникает новый мир. Как уже было отмечено, Э.Тирикьян, американский социолог, утверждает, что образуется «новый мир новых миров». Его появление определено многими причинами и прежде всего отмеченной: глобализацией и экономическим ростом незападных стран, часть из которых перешла к капиталистическому развитию. Некоторые из них неожиданно добились успехов, что не предполагалось в прогнозах. Про глобализацию сейчас часто говорят, что она объединяет. Но дело обстоит сложнее: в чем-то она объединяет, а в чем-то разъединяет. Растет число новых изменений, с разными вариациями глобального и локального, западного и незападного, капиталистического и социалистического. К «новым мирам новых миров» может быть отнесена виртуальная реальность, виртуальный мир, огромное количество Интернет-сообществ, которые не связаны с проблематикой капитализма и социализма, а образуют социумы, объединенные своими интересами, жизненными стилями, природой важных для них занятий, выбираемых ими в качестве основных идентификационных линий. Фактически подобные социумы, социальные сети – это меняющаяся социальность, которую следует признать, как и складывающиеся в Интернете социальные группы. Они во многих отношениях являются определяющими. И менее всего эти сетевые сообщества тем или иным образом организованы вокруг разделения на капитализм и социализм. Скорее можно обнаружить некоторое разделение на «западное» и «незападное» и по языку, и по связи с новыми товарами, достижениями в науке, модой. Но и тут распределение по интересам скорее взаимопроникает в эти возможные полюса.

Поэтому *первый прогноз* состоит в следующем. Если процесс глобализации остановится, то и капитализм, и социализм могут вернуться к конвергентному сценарию *социал-демократии*. В этом сценарии нет ничего абсурдного. Первая глобализация началась в 1885 г. и была оборвана Первой мировой войной. Если по каким-то

причинам новая глобализация прекратится, то социал-демократии в конкретных странах имеют все шансы на будущее. Социал-демократия глобального капитализма, если глобализация сохранится, пока осуществиться не может из-за отсутствия глобальных институтов, которые для этого необходимы.

Второй прогноз складывается из того, что говорил А.Смит о Китае и каким образом Дж. Арриги интерпретировал его позицию. Находясь некоторое время в Китае и изучая его, Арриги обнаружил, что существует очень большой резерв старых концепций для понимания новых ситуаций. В своей книге «Адам Смит в Пекине» он говорит о неосмитианстве, к которому он обратился, осуществляя исследования в периферийных и полупериферийных зонах экономики. Арриги утверждает, что *если Китай не построит социализма, это не будет означать, что он построил капитализм, а если он не построит капитализма, то это не будет означать, что он построил социализм. Границы между капитализмом и социализмом размываются в связи с подключением многих западных стран к рыночной экономике.* На опыте Китая это видно совершенно явно.

Третий прогноз состоит в том, что капитализм и социализм являются исторически возникшими системами, и не исключено, что появятся смешанные системы или переходные общества, для которых эти понятия сначала ослабят, а затем и утратят значение и не станут предметом размышлений. Разумеется, они будут играть большую роль в понимании прошлого. Скорее всего, социокультурная нагруженность капиталистических обществ в западном регионе приведет к такому разнообразию и специфичности хозяйственных и социальных систем, что прежняя генерализация в терминах «капитализм – не-капитализм» станет невозможной.

Четвертый прогноз – когнитивные изменения. Сыграв огромную роль в конструировании адекватной социальной онтологии своего времени, сегодня понятия «капитализм» и «социализм» могут иметь в большей мере историческое значение. Всегда существуют когнитивные социальные технологии, адекватные до определенной степени и для определенных целей. Понятием «класс» и игнорированием понятия «нация» Маркс ориентировал на классовую борьбу. Понятие «нация» других исследователей вело к национальным движениям и их самоутверждению. Понятие «средний

класс», выделенное преимущественно на основе определенного достатка, вело к примирению классов и к росту консьюмеризма. Ограничение понятия «средний класс» культурной общностью, что встречается сегодня, открывает новые перспективы интеллектуального развития. Нельзя не заметить уже не новую сетку иных категорий, таких, как «Запад – не-Запад», несколько видоизменивших наше видение дилеммы «капитализм – социализм» в сторону цивилизационных, а не экономических характеристик. Это уже происходит с распространением понятий «Запад – не-Запад».

И все же нельзя удержаться от сомнений в том, может ли отказ от понятия «капитализм» произойти на нашем веку. Их усилил Ф.Бродель. Он всего несколько раз употреблял слово «капитализм», ощущая даже как историк некоторое неудобство, состоящее в том, что капитализм не всегда существовал и потому утрачивал для него историческую вечность. Но он пишет: «Что касается лично меня, то после продолжительных попыток я отказался изгнать докучного (так он называет здесь капитализм. – *Авт.*). Я подумал, что нет никакой пользы в том, чтобы одновременно со словом избавиться и от споров, какие оно за собой влечет, споров, достаточно живо затрагивающих и современность (т. е. настоящее время. – *Авт.*). Ибо для историка понять вчерашний и понять сегодняшний день – это одна и та же операция... Гоните капитализм в дверь – он войдет в окно. Потому что хотите вы того или не хотите, но даже в доиндустриальную эпоху существовала экономическая деятельность, которая неудержимо приводит на память это слово и не приемлет никакого другого»¹²⁵.

РАЗДЕЛ III ЛЮДИ И МАССЫ

Глава VI Современные смыслы охлократии: «масса царит, но не правит»

- 1. Понятие охлократии в научном аппарате социального знания*
- 2. Современные смыслы охлократии*

Как известно, охлократией античные мыслители называли форму власти, вызванную к жизни кризисным состоянием общества (военной угрозой, социальной напряжённостью, обнищанием ниже критического уровня низших слоёв общества), провоцирующим массы на нарушение основ общежития и деструктивное поведение. Остаётся ли в наше время актуальной проблема, стоящая за понятием, введённым в аппарат знания более чем 2000 лет назад?

1. Понятие охлократии в научном аппарате социального знания

Такие факты нашего времени, как постоянное нарушение политической стабильности в различных регионах мира, вспышки массового возмущения, кончающиеся человеческими жертвами и сменой политических режимов с неожиданными последствиями, угрозы международного терроризма, углубление пропасти между жизнью в роскоши немногих и нищенским существованием миллионов, свидетельствуют об очевидной актуальности проблематики, волновавшей античных мыслителей, и воспринимаемой ими

охлократии. История внесла изменения в социальную природу масс (это уже не чернь, т. е. исключительно неимущие и лишённые гражданских свобод социальные слои), в их отношения с властью (законом повсеместно утверждены конституционные основы в виде всеобщего избирательного права), в характер участия в общественных преобразованиях, результатом чего стало очевидное усиление роли масс в качестве силы, влияющей на ход истории и повседневную жизнь общества. Они стали настолько видимыми и слышимыми, что их включённость в общественно-политические процессы перестала носить ситуативный характер, приобретая значение константы, определяющей направленность исторических событий и принимаемых властью решений. Выявилась новая способность масс, не менее тревожная, чем склонность к деструктивным действиям, – «*всё перемешивать и всё обезличивать*» (Г.Лебон), что внесло актуальный смысл в обсуждаемую проблему. Это «перемешивание и обезличивание» в наши дни сопровождается многочисленными проявлениями пренебрежительного отношения к гуманистическим ценностям, определяющим как деятельность государственных структур, так и индивидуальное поведение, потерей самооценки знания, образования, разнообразных видов духовного творчества. Сегодня без большого преувеличения можно говорить о забвении, о *социальной невостребованности многих общечеловеческих идеалов*. Невежество, необразованность, *невежеские*, если использовать термин Г.Г.Шпета, стали отличительной чертой нашего времени, а жизнь посредственности возведена в социальную норму. Данное обстоятельство не вызывает в общественном сознании протеста, как не вызывает и чувства тревоги то, что умственная беспомощность становится нормой для подрастающего поколения, растущая убогость нравственных и эстетических запросов, ограниченных героикой блокбастеров телевидения, кинематографа, книжного рынка. Все это укладывается в параметры процесса, который можно назвать *охлократизацией современного общества*. Легко предвидеть возможные возражения: не идёт ли на самом деле речь о процессе «омассовления» общественной и индивидуальной жизни, вызванном развитием капиталистической (индустриальной) цивилизации, и если так, то какую роль в его интерпретации может играть понятие охлократии? В связи с этим важно отметить ещё один момент. Человечеству брошен вызов: за-

думайся над тем, как живёшь, если не хочешь ускорить приближение своего конца. Нельзя сказать, что интеллектуальная элита не рефлексирует по поводу общего для всех настоящего и перспектив будущего. Множество понятий включено в научный обиход: постиндустриальное, посткапиталистическое, постэкономическое, общество знаний, сверхиндустриальное. Но все эти понятия не отражают в должной мере одного важного момента: как будут трансформироваться базовые для любой цивилизации отношения «человек – власть – общество». Будущее станет отличаться от настоящего не только производственными технологиями, экономическими моделями работника, принципами организации труда, но и формами общения между людьми, принятой ими системой ценностных ориентаций и предпочтений. И соответственно отношением к существующим институтам власти. Но если с достаточной степенью вероятности можно говорить о векторе развития производительных сил, СМИ, материально-технических средств, включённых в повседневную жизнь людей, о перспективах освоения космического пространства, даже о климатических изменениях на планете, то сказать с такой же долей определённости, как будут меняться взаимоотношения человека с другими и с властью, весьма затруднительно. Ответ на этот вопрос, как и на выше обозначенные, возможен в контексте различных теоретических изысканий. *Одним из них* может быть анализ современных реалий, включающий понятие охлократии.

Введённое античными мыслителями (Платоном, Аристотелем) понятие охлократии использовалось для характеристики основанного на меняющихся прихотях масс государственного правления, опорой которого являются маргинальные и люмпенизированные слои населения, неспособные быть рационально управляемыми. Его основные черты – демагогия и популизм, замешанные на политическом авантюризме. Наиболее полную характеристику охлократии дал древнегреческий историк Полибий, описавший, с использованием этого понятия, конкретные формы правления в Древней Греции, Риме, Македонии, Малой Азии, связавший его (т. е. правление) с общим неуважением к достоинству людей. Понятием охлократии фиксировалась форма власти, не имеющая строго очерченной структуры: с одной стороны, власть демоса, с другой стороны, власть демоса, представленного в весьма деформиро-

ванном виде и не лучшими его представителями. Эта форма легко трансформируется в режим сильной власти. Ее итогом можно считать и те разрушительные для культуры и экономики последствия, которые несёт с собой господство масс, оказавшихся неспособными к цивилизованному использованию механизмов власти.

После некоторого исторического перерыва понятие охлократии широко использовалось в эпоху Возрождения, затем общественно-политической мыслью Нового времени и особенно популярно было в середине XIX в. среди представителей консервативных политических течений. В это время явление охлократии, согласно установившейся традиции, связывалось исключительно со спонтанными, разрушительными (т. е. революционными) формами социального поведения. Но тогда же интерес к ней был вытеснен вниманием к *феномену масс*, актуализированным тотальным включением различных социальных групп в массовые общности и очевидностью влияния этого включения на их собственную жизнь и на ход исторических событий. Тогда же массы стали предметом анализа сначала психологов и социологов (С.Сигеле, Г.Тард, Г.Лебон, Н.К.Михайловский, в XX в. – В.Райх, С.Московичи¹²⁶), а также философов (Х.Ортега-и-Гассет, Р.Гвардини¹²⁷). В контексте этих исследований возрастающая роль масс рассматривалась как своеобразный знак новой эпохи. «Могущество масс представляет собой единственную силу, которой ничто не угрожает и значение которой всё увеличивается. Наступающая эпоха будет поистине эрой масс», – считал Лебон. «Достаточно одного пера, чтобы привести в движение миллионы языков», – был убеждён Тард, сделавший предметом анализа феномен публики, появление которой он связывал с развитием средств массовой коммуникации и общей деноминацией социальных групп; современный мир есть мир массы, которая «подобно лавине затопила всю поверхность истории» (герои исчезли, остался хор), уверен Х.Ортега-и-Гассет; массы – это не плебс, не люмпены. «Это все: вы, я, каждый из нас», – обобщил новое понимание ситуации С.Московичи, предвещающая становление «планетарного века толп».

Таким образом, с конца XIX в. массы признаются, с одной стороны, независимой реальностью, с другой стороны, специфической формой коллективной жизни. И этим многое сказано, ибо их стало возможным *описать средствами научного знания*, что

порождало новое проблемное пространство. Его заполнили исследования, ориентированные на выявление психологических механизмов воздействия масс на поведение, умонастроение и эмоциональное состояние включённого в них человека. В контексте этих исследований было установлено, что в качестве коллективной формы жизни массы стирают различия (социальные, культурные, возрастные, гендерные) между людьми, что их основной характеристикой является слияние всех в единые разум и чувство. В этом смысле закон множества вполне можно именовать законом посредственности. Общеизвестным стало, что неосознанное поведение толпы, подменяющее сознательную деятельность личности, представляет одну из характеристик нынешнего века. «Человек-масса» – это песчинка среди других таких же, поведение которой чаще всего носит иррациональный характер, следствием чего является повышенная эмоциональность, расторможенность и утрата чувства ответственности. Человек массы мыслит не категориями, а образами, он не склонен к критическому мышлению и всегда действует на волне социального конформизма. Поэтому с тех пор, как люди оказываются включёнными в массу, невежда и учёный становятся одинаково неспособными противостоять задаваемым образцам поведения. И тем, и другим за истину принимается то, что в действительности является консенсусом; логика жизни человека-массы начинается там, где заканчивается логика индивидуальности. «Исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением и стремлением превратить немедленно в действия внушённые идеи, – вот главные черты, характеризующие индивида в массе. Он уже перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует», – таков итог анализа феномена «человека-массы» Лебона, ведущего исследователя проблемы¹²⁸.

По мере утверждения такого взгляда понятие массы вытесняется более адекватным для описания ситуации понятием толпы, которая асоциальна и асоциальным образом формируется. Она есть результат временного разложения групп и классов. Именно поэтому на какое-то время утверждается представление о толпе как преступном сообществе. Так, Ломброзо, чья теория врождённой преступности получила большую известность, утверждал,

что психология масс может трактоваться как часть криминальной антропологии, поскольку криминальность составляет неотъемлемый элемент всякой толпы. Для С.Сигеле, продолжившего разработку проблемы в этом направлении, толпа есть социальное животное, сорвавшееся с цепи, для которого исчезают моральные запреты. Неслучайно именно теоретические изыскания Ломброзо и Сигеле подготовили почву для запуска властного репрессивного аппарата, очень скоро получившего оправдание и в общественном сознании. Правда, такая крайне негативная оценка социальной природы толпы не стала преобладающей среди исследователей: ей, как уже отмечено выше, противопоставили свою точку зрения Г.Лебон, Г.Тард, Н.К.Михайловский, акцентировавшие внимание на другой стороне проблемы – на способности толпы усреднять индивидуальные, личные качества участников массовых действия. Внимание к таким характеристикам толпы, как её лёгкая внушаемость, восприимчивость к влиянию со стороны лидеров, выявило интерес к *феномену вождизма*. В чём видели его суть? В том, что он освобождает массы от нравственных терзаний за используемые средства достижения поставленной цели, берет на себя ответственность за массовые действия перед историей и богом? – Нет. В том, что толпы, ведомые вождём, могут быть и жестокими, и героическими, потому что им может стать, как писал Михайловский, в равной степени и злодей, и ангел во плоти? – Нет. Главная характеристика вождя другая: он *нужен* толпе, вождь даёт человеку ощущение личной связи с обществом, с лидером (вождь – «отец отечества»¹²⁹), с себе подобными. И неважно, что им предлагается по сути *эксац* такой общности, *видимость* недостающих человеку личностных форм общения. Важно, что вождь даёт толпе ответ на вопрос, что нужно делать, чтобы личная жизнь обрела общественный смысл. В этом суть и смысл вождизма. В условиях всеобщего отчуждения, противостояния человеку общественных структур и институтов как чуждых ему, следуя идеям вождя, человек включается в систему отношений, которые воспринимаются им как его личные и потому понятные. Правда, у этих связей есть своя особенность: объединяя людей, они культивируют личность вождя, превращая народ в его тень. Этот факт имеет своё немаловажное последствие: утверждаются не только общие для всех

принципы жизни и мироощущения, но и единый политический принцип – *масса царит, но не правит*. Именно он и определяет *новый лик охлократии*.

Первой жертвой такого консенсуса между властью и масса-ми становится отказ народа от реального (при сохранении видимости) контроля за действиями и поведением вождя. Это в свою очередь обеспечивает реализацию его главной цели – восхождения на Олимп власти. Последняя же своим конечным устремлением имеет, как показывает исторический опыт, деспотический режим. Цезарианский элемент, по справедливой оценке Лебона, входит в её состав, как водород в состав материи, он есть её универсальный компонент. Сегодня к нему прибавляется финансовый интерес. Поэтому стремящийся к власти неизбежно, а иногда и невольно готовит себя к тому, чтобы эту власть ни с кем не делить. Единовластие, правда, бывает в некоторых ситуациях нужно и истории, когда политический лидер, вождь способен превратить разрушительную энергию масс в созидательную силу, ибо, предоставленные самим себе, они зачастую становятся её злыми гениями. Вот почему *утверждению подлинной демократии должны предшествовать целенаправленные поиски замены вождя дееспособными институтами гражданского общества*. Если такая замена не происходит или происходит с запозданием, возникает ситуация *видимости* демократии, при которой массы со временем впадают в социальную апатию, общество в состояние застоя, а у власти атрофируется способность видеть фактическое положение дел. Конечный итог всё тот же – возврат к режиму сильной власти, утверждению решающего влияния в жизни государства силовых структур, подминающих под себя организации гражданского общества. Но самое опасное впереди – реальность социального взрыва-протеста и угрозы выхода на площадь всё громящей толпы, воспринимающей анархию как свободу, а попрание законов и конституционных правил общежития как утверждение права на жизнь по своим правилам.

Итак, усиление «массовизации» общественной и индивидуальной жизни («Индивид умер, да здравствует масса!») создает реальную угрозу демократическим принципам общежития, низведению их до эпифеномена демократии, что становится определяющей чертой реальности, – вот вывод, объединивший всех ис-

следователей феномена масс. В адекватном истолковании этого факта стали видеть ключ к пониманию нашего времени, главных тенденций возможного развития. Такая позиция уже в первой половине прошлого века стала находить отражение при построении различных моделей настоящего и будущего, а связанный с ней вектор исследований остаётся и в наши дни преобладающим¹³⁰. Понятие охлократии по трудно поддающейся объяснению причине фактически исчезло из научного обихода в настоящее время. Если говорить об отечественном знании, то следует сказать, что его нет даже во многих энциклопедических словарях. Так, его нельзя найти в первом издании «Философской энциклопедии» (1967), в «Философском энциклопедическом словаре» (1983), в энциклопедическом словаре «Античная философия» (2008), хотя в аннотации последнего отмечается, что в нём представлена проблематика античной мысли во всем разнообразии школ, направлений и персоналий. Иногда понятие «охлокротия» вводится с короткой ссылкой на античность: «Охлокротия – в древнегреческих учениях о государстве (Платон, Аристотель) – господство толпы»¹³¹. Аналогичное определение даётся в «Краткой философской энциклопедии»: «Охлокротия – господство массы, плебса, согласно Аристотелю, охлокротия является формой вырождения демократии»¹³². Исключением можно считать характеристику охлократии В.Водовозовым, данную им в статье для «Энциклопедического словаря» Ф.А.Брокгауза и Е.Ефрона, в которой им фиксируется оценочный ракурс предлагаемого рассмотрения проблемы и самого явления охлократии¹³³. А если говорить о новых изданиях, то следует назвать статьи Э.Г.Соловьёва в «Новой философской энциклопедии» (2010) и Ж.Т.Тощенко в «Социологической энциклопедии» (2003).

Со стороны отечественного научного сообщества интерес к понятию охлократии и стоящей за ним проблематике выявился в связи с распадом СССР, приведшим к политической дестабилизации в стране и на всём постсоветском пространстве¹³⁴. В условиях, когда общество на волне ускоренных демократических процессов, не всегда сопровождавшихся продуманностью действий их инициаторов, столкнулось с низкой политической культурой участников, охлокротия, как справедливо отмечает Ж.Т.Тощенко, стала символизировать состояние политической жизни, отражающее неверие людей в способность власти справиться с социаль-

ными и экономическими проблемами и их готовность к радикальным формам протеста: уличным беспорядкам, столкновениям с полицией, погромам и т. п. Последние в свою очередь создавали условия для чиновничьего произвола во всех сферах общественной жизни, попрания конституционных прав и свобод человека¹³⁵. В качестве определяющих показателей рассматривалась потеря государственной властью авторитета на фоне набирающих силу популистских форм поведения её представителей, утрата государственного контроля над криминальными структурами и финансовыми группировками, ускорение центробежных сил, превращающих регионы в удельные княжества, и прочие явления, ставшие знаковыми для девяностых годов. Охлократия (скорее уже как термин) стала предметом политической публицистики, где оказалась синонимом стратегии авантюристически настроенных политических сил, провоцирующих определённые слои населения, прежде всего молодёжь, на экстремистские выступления. Не будет большим преувеличением сказать, что в аппарате современного гуманитарного знания понятию охлократии пока не нашлось должного места. И это не является оправданным. Во-первых, утвердившееся в литературе понятие массовизации, ставшее, хотя и косвенной, но причиной вытеснения понятия охлократии в его классическом, исходном содержании, не отражает всех тенденций – политических, экономических, культурных – сегодняшнего общественного развития, тенденций порой более тревожных, чем они представляются, если исходить из концепции массового общества. Во-вторых, за скобками остаются социальные механизмы взаимодействия масс и власти. В-третьих, не фиксируются в качестве следствия массовизации такие проявления специфически охлократического сознания, как склонность к обвинению в своих социальных бедах другого народа, пренебрежение устоявшимися нравственными нормами, агрессивное неприятие культурных ценностей прошлого, собственное невежество. А именно они сегодня имеют наибольший резонанс на уровне индивидуального и массового поведения. И, наконец, ещё один аргумент в пользу включения понятия охлократии в научный аппарат современного социального знания: его традиционная интерпретация нуждается в корректировке, учитывающей нынешние реалии, бесспорно изменившие его содержание. Важно понимать целесообразность включения понятия

охлократии в контекст научного анализа современных общественных процессов. Наиболее адекватным и перспективным контекстом представляется социально-философское знание, с позиций которого охлократия может быть рассмотрена и понята *в соотнесённости с формирующимся типом социальности*. Сущностной характеристикой последнего является девальвация сложившихся в эпоху Просвещения культурно-исторических и демократических критериев общежития, сопровождающаяся снижением интеллектуального потенциала общества и утверждением посредственности в качестве востребованного, т. е. претендующего на социально-политическое и культурное господство социального типа. Хотелось бы подчеркнуть особо: речь идёт, с одной стороны, *об объективности* процессов, формирующих этот социально-культурный тип, а с другой стороны, *о принятии его* властью, обществом и самим человеком. При такой интерпретации понятие охлократии вполне может соседствовать с понятием «массовое общество», не приводя к терминологическому удвоению, поскольку за обеими категориями будут стоять различные, хотя и сопрягаемые процессы, сосуществующие иногда параллельно, иногда во взаимосвязи, а иногда и находящиеся в причинно-следственной зависимости. Цель предлагаемого рассмотрения проблемы – признать это. Конечно, одно признание ещё не меняет сути дела, но оно активизирует исследовательский интерес к проблеме, заставляя задуматься над не имеющим однозначного ответа вопросом, *существует ли для современного общества угроза охлократии*.

2. Современные смыслы охлократии

Давно замечено: «какова жизнедеятельность индивидов – таковы и они сами», а она всегда «совпадает как с тем, *что* они производят, так и с тем, *как* они производят». Важно понять своеобразие этих «что» и «как» в их соотнесённости с охлократизацией общества. Такая постановка проблемы обращается прежде всего к материально-технической базе общественного производства, всегда реализующегося в единстве производства материальных благ, в том числе услуг, духовного производства и «производства человека», конечным результатом которого является «само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях» (Маркс).

Материально-технической базой производства остаются технологии, рождённые процессом индустриализации, с одной стороны, утвердившей общие нормативы производимой продукции, т. е. поставившей производство материальных благ и услуг на поток, а с другой стороны, расчленившей трудовой процесс на стандартные операции, сделавшей социальной нормой взаимозаменяемость их исполнителей. Унифицированное производство (предложение) утверждает такие же стандарты потребления (спроса), что в свою очередь рождает подобные вкусы, предпочтения, все вместе получило название массовой культуры. Главными факторами формирующегося образа жизни становятся углубляющееся разделение труда и деперсонализация человека. Именно они и являются первопричиной появления нового типа общности – *массы как носителя массового сознания*. Разумеется, таковые существовали в течение всей истории человечества, но с индустриальным обществом связано их новое бытие и социальные характеристики. Б.А.Грушин в своей работе «Массовое общество» выделил два момента, важных для понимания этого феномена. Первый: «всякая масса, будучи реальной, естественной *общностью*, а не просто *множеством* индивидов <...> предполагает, что входящие в неё индивиды объединены каким-то действительным (пусть хотя бы кратковременным) социальным процессом, осуществляют ту или иную общую деятельность, демонстрируют то или иное совместное поведение; более того – сам феномен массы не возникает, если подобная общая совместная деятельность или подобное поведение отсутствуют»¹³⁶. Иными словами, массы появляются как общность, рожденная особым типом совместной деятельности. Второй момент: «важнейшая специфика масс как порождения проникающих *во все сферы жизни общества* процессов массовизации заключается, помимо прочего, в том, что они могут возникать и практически возникают на всех без исключения уровнях социальной иерархии»¹³⁷. Именно в *этом* своём качестве массы породили особый, связанный с их современным бытием тип сознания – *массовое сознание*, которое, став определяющим моментом господствующего образа жизни, сегодня «теснейшим образом вплетено в решение многих социально-экономических и общественно-политических задач национального и глобального масштаба»¹³⁸. Иными словами, главная черта сегодняшнего массового сознания – его *функциональная за-*

зависимость от характера деятельности, в которую человек включается как агент общественного производства, и от отношений и социальных контактов, в которые он по этому поводу вступает. Именно эта зависимость вызывает атрофию его личностных, индивидуальных характеристик, рождая предрасположенность к участию в спонтанных (и не только) массовых действиях. Насколько эти признаки в равной мере характерны для всякой массы – это другой вопрос.

Названные моменты в свёрнутом виде и выражают сущностные признаки *процесса охлократизации*. Они же объясняют смысл рождаемой им социальной ситуации. О ней как знаке новой эпохи в своё время сказал В.В.Зеньковский: «С одной стороны, расширяется круг потребностей, но, с другой стороны, одновременно удовлетворение их становится несоразмерно затруднительно вследствие *понижения личности* (курсив наш. – Авт.). В человеке будится страшная жажда, но вместе с тем отнимается сила доползти до ручья»¹³⁹. «Понижение личности» – это, в переводе на более распространённую теперь терминологию, снижение индивидуального интеллектуального и культурного потенциала, способности к творчеству и стремлений к саморазвитию. В России этот потенциал сегодня катастрофически снизился и продолжает падать. «Если в общей оценке сложившегося в стране положения попытаться отвлечься от того, что говорится под влиянием политических пристрастий или диктуется идеологическими предпочтениями, то можно будет констатировать наличие угрожающе высокого уровня риска, которому подвергается <...> человеческий потенциал стран...», – приходят к выводу исследователи¹⁴⁰. При этом ситуация обостряется с каждым годом, чему есть свои объяснения: рост человеческого потенциала, к несчастью, не входит в число приоритетов государственной политики. Наметившиеся в последнее время тенденции позволяют надеяться на лучшее, но не в ближайшее время, поскольку восстановление утраченных позиций есть всегда растянутый во времени процесс. Можно строить разные предположения по поводу этого (подлинных причин, действий власти, реальных возможностей общества по исправлению ситуации и т. п.), но относительно результатов осуществлявшейся государством политики вывод однозначно неутешительный: положение дел с наукой и образованием, важнейшими факторами

«повышения личности», сегодня таково, что иначе, как свидетельством беспрецедентной для нашей истории *сознательной деинтеллектуализации общества*, это назвать трудно. И хотя декларации о переходе к постиндустриальному обществу, т. е. к обществу знаний, представлены сегодня едва ли не в каждом экономическом проекте развития России, в действительности «страна развивается в прямо противоположном по отношению к обозначенным ориентирам направлении»¹⁴¹. Произшедшая в последние двадцать лет девальвация труда, основанного на научных знаниях, не имеет исторических аналогов в нашем обществе¹⁴². Показательны масштабы оттока за границу российских специалистов и выпускников (ежегодно до 30 %) ведущих вузов страны. Приходится признать, что все разговоры политиков о вхождении страны в общество знания мотивированы желанием сохранить подобающее лицо перед мировой общественностью и в общем-то не имеют под собой реальных оснований. Ведь сущностной характеристикой общества знания является превращение последнего в модус его существования, а этого никак нельзя сказать о нашем обществе.

Важен факт влияния на массовое сознание и поведение таких рождённых индустриальным обществом специфических черт сегодняшнего бытия, как СМИ, масштабная миграция населения, бюрократизация институтов управления, ускоренный ритм городской жизни, превалирующая роль во всех сферах общественной жизнедеятельности стандартных механизмов товарной экономики. Эти «социальные циклотроны», как их назвал Б.А.Грушин, низводят жизнь людей до функционирования анонимной модели. Утилитаризм как жизненный принцип перешагнул границы общественного производства, укоренившись в социальном управлении, науке, образовании, искусстве, досуге и даже в семейных отношениях. Основанное на унифицированных технологиях и законе прибыли производство, как огромный станок, повсеместно штампует свои стандарты жизни, сделав её основанием заложенный в технологическом и социальном способах производства *принцип взаимозаменяемости и функциональности*. Теперь разнообразные свойства человека обкатываются и обтачиваются уже со многих сторон, подводя разнообразные проявления его сознания под один общий знаменатель – способность и готовность быть частью целого, жить по его регламенту. СМИ находят человека, где бы

он ни был, делая его доступным для внушения все 24 часа в сут-ки. Средства массовой информации и массовой культуры приобре-тают значение действенного фактора социального управления, меняя характеристики не только масс, но и власти: при выработке своих решений она так или иначе подстраивается под них, для чего прибегает к популистской риторике, демагогическим, а ино-гда и просто авантюристическим заявлениям, тиражируемым и распространяемым средствами массовой информации. Интернет, интегрирующий все микропроцессорные технологии в глобаль-ную сеть, во многом позволяет избавить коммуникации от над-зора основных социальных институтов. Существует мнение, что «мировая паутина» действует в направлении, противоположном усреднению личности, унифицированию и омассовлению инди-видуальных запросов, потребностей, интересов. Это так лишь от-части, потому что другая существенная черта Интернета – быть средством *виртуализации реальности*, ее замещения компьютер-ными симуляциями. Находясь в социальной реальности, человек воспринимает её как естественную, даже если и отчуждённую от него данность, но погружённый в виртуальную реальность, он воспринимает мир как игровую среду, принимая её условность за безусловную. А это значит, что коммуникации, осуществляемые через Интернет, не регулируются нормами, которые действуют в пространстве несетевой жизни, более того, нормы, дозволяемые в его сети, могут быть альтернативны социальным и культурным нормам реального сообщества. Во многом общение через Интер-нет этим и привлекательно – возможностью как бы свободно, вер-нее, анонимно, т. е. бесконтрольно конструировать своё общение с виртуальным партнёром, а вместе с этим и свою личность. Неслу-чайно Интернет рассматривается активными пользователями как осуществление на новой технологической основе идеалов свобо-ды, равенства, братства. Но он даёт и *свободу от ответственности* за нарушение ролевых норм, правил и ожиданий, норм, обу-словленных в реальной жизни реальным социальным статусом (пол, возраст, профессия, семейное положение и т. д.) человека. Виртуальная идентичность позволяет симулировать принадлеж-ность *к любой социальной общности*: «такие атрибуты личности, как стабильная идентификация, индивидуальный стиль исполне-ния социальных ролей (“творческая индивидуальность”), актив-

ными пользователями Интернет утрачиваются; сознательно или неосознанно ими формируется размытая или изменчивая идентичность. *Виртуализируется не только общество, но и порождённая им личность*»¹⁴³. В итоге происходит замещение компьютерными симуляциями как социальной реальности, так и личностных, индивидуальных характеристик человека. А это сродни омассовлению индивидуальной жизни, о котором говорилось выше. Представления о свободе самовыражения, которую человек приобретает, погружаясь в реальность «мировой паутины», преувеличены, «не стоит трактовать процессы виртуализации общества только как трудный, но светлый путь к эмансипации человека»¹⁴⁴.

Значимым фактором, влияющим на формирование массового сознания в наши дни, становится численный рост маргинальных слоев населения, ставших жертвой модернизационных процессов, локальных войн, стихийных бедствий, экономических кризисов, миграции. Люди, потерявшие контакт со своим сообществом, вырванные из своего культурного пространства, являются потенциальными носителями охлократического сознания с присущей ему готовностью откликнуться на призывы к асоциальным действиям, начиная с участия в уличных беспорядках и кончая поддержкой международных преступных групп. Иногда они даже могут вызвать угрозу экологической катастрофы, подобную той, о которой с тревогой возвестило на весь мир правительство Италии в 2011 г., оказавшись перед фактом массового исхода беженцев из Туниса. Даже в случае согласия с традициями и культурой принявшей их страны беженцы уже вследствие своей многочисленности начинают влиять на стиль жизни, культурные предпочтения, нравственные нормы, уровень интеллектуальности коренного населения. Видимо, Лебон был прав, предупреждая, что массовая миграция может привести к упадку европейской цивилизации. На этом социально-культурном фоне угроза охлократии как взрывной силы толпы, управляемой или стихийно организовавшейся, готовой к асоциальным действиям, становится вполне реальной. Но зарождается эта угроза тогда, когда подобной толпы еще нет, а есть апатичные массы, не имеющие культурной «прививки» против ханжества, лицемерия и демагогии власти. Именно они, «проснувшись» в какой-то момент, способны крушить все и вся. Иными словами, *угроза охлократии зарождается тогда, когда лицом массы ста-*

новится, как уже отмечалось, *мещанская посредственность*. С этого момента (масса царит, но не правит) появляется сопутствующая охлократизации более опасная, чем вспышки гнева разгулявшейся толпы, *угроза фашизма как эпифеномена охлократии*. Концепция немецкого психоаналитика В. Райха о взаимосвязи психологии масс и фашизма строится на отведении решающей роли в жизни общества иррациональным характерологическим структурам человека¹⁴⁵. Для понимания причин появления тоталитарного режима важны ответы на вопросы: почему массы его приняли, почему они позволили, чтобы их запутали? Ведь страх, на котором держится такой режим, приходит позже. Райх исходит из идеи, что фашизм порождается не только и даже не столько экономическими и политическими факторами, сколько характерологической структурой массового индивида и в этом смысле является движением масс. «В отличие от общепринятого мнения фашизм – это не чисто реакционное движение, он представляет собой сплав мятежных эмоций и реакционных социальных идей», – приходит он к выводу¹⁴⁶. *Фашизм стал реальностью, когда личные идеи Гитлера и Муссолини нашли отклик в душе «массового» человека*¹⁴⁷. Можно сказать, что сами эти фигуры обретают политическую силу, когда устремления (скрытые или явные) «массового» человека начинают превалировать в общественном сознании, определяя смыслы его жизненных ориентиров. Поэтому фашизм следует рассматривать как проблему масс, а не как проблему Гитлера или национал-социалистической партии. Фашизм может быть назван эпифеноменом охлократии, о чём уже сказано выше. «Фашистская ментальность – это ментальность “маленького человека”, поработённого, стремящегося к власти и в то же время протестующего. <...> В форме фашизма механистическая, авторитарная цивилизация извлекает из подавленного “маленького человека” то, что в течение многих веков она насаждала в поработённом человечестве с помощью мистицизма, милитаризма. <...> Фашизм – это сержант колоссальной армии нашей глубоко больной промышленно развитой цивилизации», – уверен Райх¹⁴⁸. Иными словами, между политической структурой общества и массовой психологической структурой его членов существует достаточно жёсткая взаимосвязь, она сознательно поддерживается и даже культивируется политической элитой в собственных интересах. *Это – аксиома политической*

жизни. Она зиждется на том объективном факте (законе), что социальные устремления масс формируются не только экономическими и культурными условиями их жизни, но и средствами «идеологического производства» (Маркс). Чем массы послушнее и податливее, тем легче и жёстче действуют эти средства в интересах власти, а сами эти последние направлены на утверждение и оправдание единовластия и его апофеоза – тоталитаризма (фашизма). Важнейшим из видов «идеологического производства» является функционирующая в обществе система образования. Именно она в первую очередь ответственна за интеллектуальный уровень населения, направленность его ценностных ориентаций, развитость гражданского самосознания, чувства ответственности за происходящие события, именно она боится от засилья посредственности. В нашей стране сегодня снижение уровня образованности достигло критической отметки: 36,5 % трудового населения страны не имеет никакой профессиональной подготовки, при этом продолжающийся численный рост в этой статистической группе закрепился за молодежью¹⁴⁹. Образовательный ценз не гарантирует работу, обеспечивающую достижение материального благополучия, а для некоторых возрастных групп наблюдается даже обратная зависимость: при более высоком образовательном потенциале материальное благополучие оказывается ниже¹⁵⁰. Большая часть молодых людей предпочитает работать менеджерами, в рекламном бизнесе, мелкими служащими банков, клерками, т. е. в профессиях, карьерное продвижение в которых, фиксируемое зарплатой, часто подкрепляется превышающей ее суммой «в конверте», не связанной напрямую с уровнем образованности ее получателя¹⁵¹. Ситуация останется такой, пока власть не осознает её последствия, противоречащие задачам инновационного развития, решение которых требует подготовки специалистов соответствующего профиля: физиков, биологов, химиков, операторов современной техники, и перспективам культурного развития общества, а также обеспечению национальной безопасности страны. Такая постановка вопроса не является беспрецедентной. Достаточно обратиться к опыту США, к формулировке принятых в разное время американских федеральных законов: «Об образовании в целях национальной обороны», «Об образовании в целях укрепления экономической безопасности», «О национальных целях образования». Именно по-

следними объясняется привлечение и использование в США специалистов всего мира¹⁵². Конечно, решение проблемы во многом связано с изменением вектора финансовой политики государства. Сегодня финансирование образовательной системы продолжает осуществляться в России по «остаточному» принципу. И это на фоне низкого уровня жизни подавляющей части населения, что породило, говоря словами А.В.Бузгалина, позорное для страны явление *образовательного апартеида*. Как показывают данные социологических исследований, низкий уровень достатка является главным фактором, тормозящим вертикальную социальную мобильность по уровню образования¹⁵³. В последнее время неоправданно растет число студентов, получающих образование через заочную и вечернюю формы обучения (их численность составляет почти половину всех российских студентов), а также в частных образовательных структурах. Их у нас больше, чем в Европе, где частные вузы представляют собой исключение из общего правила доминирования в образовании государственного сектора. В России растёт поток абитуриентов с крайне низким интеллектуальным уровнем и багажом знаний. Но главное, система высшего образования перестала отвечать своему назначению – быть институтом сохранения культурных достижений человечества, культурной преемственности в историческом движении общества. Подобное образование ведет к утрате исторически утвердившихся духовно-ценностных ориентаций, определяющих национально-культурные особенности страны, к появлению поколения с пониженным иммунитетом против невежества. Именно такая людская масса становится плохо управляемой разрушительной силой, т. е. толпой, против которой у власти всегда только одно средство – *установление жесткого режима, сужение сферы действия демократических принципов жизни*. Нынешнюю ситуацию в сфере высшего образования, не в меньшей мере и в системе школьного обучения можно оценить как *сопутствующую охлократизации нашего общества*.

Итак, можно говорить о разных составляющих процесса охлократизации современного общества: технологической, экономической, социальной, культурной, политической. Их анализ заставляет признать *объективность* охлократизации. История никогда не бросает однажды найденных ею форм. Конечно, они претерпевают изменения, порой даже очень существенные, наполняются новым

и культурным, и политическим содержанием, но *не исчезают бесследно с исторического пространства*. Их возвращение первоначально может быть незамеченным просто потому, что они изменили свой облик. Так произошло с явлением охлократии, она *мутировала*: сегодня масса господствует, хотя и не правит. В этой форме охлократия таит новые угрозы. И среди них угрозу того, что утверждение господства «массового» человека может привести к разрушению культурного гено типа человечества.

Глава VII

Национальный характер и перспективы российского развития

1. *Неолиберальная социальная теория и российские реформы*
2. *Богатство и бедность в современной России*
3. *Конформность и нравственность*
4. *Социальные условия восстановления морали*

В данной главе анализируется состояние и перспективы современного российского общества и развития человека, рассмотренные сквозь призму масштабных социальных трансформаций, которым оно подвергается на протяжении последних двух десятилетий.

1. Неолиберальная социальная теория и российские реформы

Такой ракурс рассмотрения выбран неслучайно: дополнение *социально-философского* анализа характерологическим¹⁵⁴ придает первому *материальную конкретность*, которая отсутствует при *чисто теоретическом* взгляде на проблему. При этом учитываются основные концептуальные результаты, достигнутые отечественной социально-философской мыслью при анализе российского постсоветского развития.

Какие главные идеи положены в основу настоящего рассмотрения? *Во-первых*, мысль о том, что реальность, в том числе социальная, изучаемая общественными науками, характерологична. Это означает, что в ней действуют не просто люди и их коллективы (социальные агенты), но индивиды с *определенными конституциональными особенностями (характерами)*, которые, безусловно, накладывают отпечаток на их деятельность. *Во-вторых*, идея, что масштабные социальные изменения, подобные тем, которые можно наблюдать в России и других постсоветских странах, существенным образом воздействуют на поведение людей, но не в том смысле, что меняют их конституционально (характерологически), а в том, что а) «выдвигают» определенные стойкие характеры на первый план, одновременно «отодвигая» на второй план характеры иные,

и б) серьезно меняют не только повседневную материальную, но и *душевную жизнь* основной массы людей данного общества, т. н. *конформных людей* – людей с конформной, т. е. легко приспособляющейся психикой. И, *в-третьих*, помимо индивидуальных психологических особенностей, в социальной жизни различных обществ ощутимо проявляют себя т. н. *национально-психологические* (национально-характерологические) особенности, т. е. стойкие исторически и природно сложившиеся душевные свойства, обнаруживаемые если не у всех, то во всяком случае у *многих* представителей данного народа (нации)¹⁵⁵. При рассмотрении социальной динамики и перспектив российского развития предметом интереса будут как первые (*индивидуально-характерологические*), так и вторые (*национально-психологические*) характеристики в аспекте их воздействия на социум.

Немалое число проблем, с которыми сталкивается современная Россия, имеет один источник: катастрофическое разложение морали (как общественной, так и индивидуальной) в условиях утверждения в России капитализма, ничтожно малое влияние традиционных норм нравственности на сознание и поведение представителей различных слоев российского общества. Неслучайно вопрос восстановления *нормального морального климата* стал центральным для многих исследователей.

М.Е.Бурно, московский психиатр-психотерапевт, характеролог-исследователь, обобщил эти представления о русском национальном характере, опираясь прежде всего на Н.А.Бердяева, указав на то, что черты, традиционно приписываемые русским: особенная российская душевность, мягкость, жалостливость многих простых русских людей, вместе с робостью, ранимостью, нередко с переживанием своей неполноценности – есть особенное свойство, обозначаемое в современной естественнонаучной характерологии как «дефензивность», противоположное *агрессивности в широком смысле* как уверенности в себе, напористости, житейской практичности. Именно дефензивность, полагает исследователь, составляет известную *национально-психологическую особенность русских* в сравнении с другими народами как Запада, так и Востока¹⁵⁶. Эти качества дефензивности, кажущиеся столь неочевидными сегодня, на самом деле составляют одну из основ русской (российской) *национальной психологии*, находя воплощение во многих особенностях

национальной жизни, прежде всего в российской культуре, классической литературе XIX в., в деятельности русской интеллигенции¹⁵⁷. Другое дело, что в условиях постсоветского развития многие из этих качеств подверглись серьезному разрушению, и сегодня они практически невостребованны массовым сознанием, как и вся интеллигентская культура¹⁵⁸. Однако мы полагаем, что восстановление *национально-психологической идентичности* на всех уровнях социальной жизни – необходимое условие возрождения нормального общественного климата, чему должны способствовать *социальные институты*. К анализу ключевых факторов – как изменения, так и регенерации констант национальной психологии в контексте социальной динамики – обратимся в настоящей работе.

При отказе от социалистической модели развития в начале 1990-х гг. в качестве конечной цели провозглашалось построение свободного общества по образцу западных демократий. Идеал свободы занял самое высокое место в иерархии ценностей постсоветской реальности. За основу государственной политики в области экономики была принята неоллиберальная модель, которая, в частности, реализовывалась на Западе правительствами Р.Рейгана («рейганомика») и М.Тэтчер («тэтчеризм»). Крупнейшими идеологами неоллиберализма на Западе выступили австрийские философы и экономисты Л. фон Мизес и Ф. фон Хайек, а также американец М.Фридмен. Теоретические построения именно этих авторов – непримиримых противников социализма – попытались реализовать в современной России. Неоллиберализм, будучи вполне прагматической социальной теорией, в отличие от романтического социализма, ориентирующегося на идеал равенства, главной социальной ценностью считает индивидуальную свободу. Она предстает здесь как необходимое условие самореализации индивида, преследующего собственные цели. Это – негативная свобода, «свобода от» (прежде всего от государства). Такое понимание ее не предполагает предоставления каких-либо социальных благ, она есть чистая возможность для каждого добиваться в жизни того, что индивид способен достичь благодаря своим талантам и личным усилиям. Сошлемся на классиков неоллиберализма. «Либеральное требование свободы, – пишет, например, Ф.Хайек, излагая свое видение «истинного» либерализма, – обращено... на устранение всех искусственных препятствий индивидуальным усилиям, но не содер-

жит претензий к государству или общине о предоставлении определенных благ»¹⁵⁹. Заметим, подобное прагматическое понимание свободы вполне органично вырастает из индивидуалистической и аутистически-идеалистической культуры западного общества. Как специфическое мироощущение и способ поведения прагматизм нашел достаточно яркое и последовательное выражение и в практике западного капитализма, и в особенностях западноевропейского политического устройства¹⁶⁰.

Негативное понимание свободы предопределило специфическое отношение неолiberaлизма к такой социальной ценности, как равенство. Так, М.Фридмен называет три его концепции, которые последовательно сменяли друг друга в западном политическом дискурсе: личное, или равенство перед Богом; равенство возможностей, представляющее по сути конкретизацию первого вида, и, наконец, равенство результатов, которое заняло главенствующее положение в последней трети XX столетия. Из этих трех видов с идеалом свободы, по мнению Фридмена, совместимы только равенство перед Богом и равенство возможностей: «Равенство возможностей, как и личное равенство, не противоречит свободе: наоборот, оно представляет собой существенную составную часть свободы»¹⁶¹. Резко отрицательно в этом смысле оценивается новый вид – равенство результатов, в соответствии с которым предоставления «свободы от» недостаточно, она должна быть обеспечена набором необходимых для нормального развития индивида социальных благ. Собственно, это тот самый вид равенства, который был в какой-то мере реализован в советском социалистическом обществе.

Возникший в России в 1990-е гг. вариант общественного устройства называют «свободой без справедливости» (И.Клямкин). Это выражение не совсем точно, но интуитивно верно передает сущность неолiberaльного подхода к пониманию соотношения указанных двух фундаментальных политических ценностей. Справедливое распределение, с точки зрения неолiberaлизма, представляет собой не результат целенаправленных правительственных акций, но является результатом действия спонтанных, неконтролируемых рыночных сил. По известному замечанию Ф.Хайека, «не может быть никакой дистрибутивной справедливости там, где никто не распределяет. Справедливость имеет смысл только как норма человеческого поведения»¹⁶².

Пользуясь известной классификацией Аристотеля, можно сказать, что неолиберализм принимает *коммукативную справедливость*, предписывающую честность в отношениях свободного обмена благами и услугами, но отвергает *справедливость дистрибутивную*, направленную на распределение социальных благ. Каждый обязан соблюдать нормы справедливого поведения (нормы права), но никто не обязан подвергать себя действию правил, устанавливающих принципы распределения. В конечном счете, утверждают неолиберальные теоретики, дистрибутивная справедливость неприемлема по двум причинам: во-первых, не существует общепризнанных критериев справедливого распределения, и, во-вторых, даже если таковые будут найдены, их нельзя применить в обществе со свободной рыночной экономикой¹⁶³. Подчеркнем, что прагматическая социально-философская концепция, созданная австрийскими (Ф.Хайек, Л.Мизес) и американскими (М.Фридмен, другие экономисты Чикагской школы) учеными, во многом созвучна, как представляется, именно американскому национальному характеру¹⁶⁴. И то, что данная концепция неорганична для России как в силу естественно-исторических причин, традиций общественной жизни с их всегда мощной социальной составляющей, так и в силу особенностей душевного устройства многих русских людей, совсем не прагматического, а *по-земному отзывчивого, нередко с переживанием своей неполноценности, чувством вины перед теми, кому еще хуже*¹⁶⁵, с самого начала было достаточно очевидно, в том числе и для самих неолиберальных теоретиков, чьи идеи реализовывались в России, но не для новой российской политической элиты.

Подобное понимание соотношения свободы и равенства, свободы и справедливости в неолиберальной теории, отказ от обеспечения свободы социальными благами и резко отрицательное отношение к роли государства в регулировании социально-экономических процессов крайне негативно сказались на развитии России. Так, авторитетные исследователи прямо указывают, что главной причиной неудач российских реформ следует считать выбор праворадикальной версии капитализма, «опасный своим революционаризмом не менее, чем леворадикальный марксистский вариант социализма»¹⁶⁶. Интересно, что в этом выборе по-своему сказался *русский национальный характер*: несмотря на идеологическую трансформацию, в целом был воспроизведен архетип рос-

сийского политического мышления, который не приемлет середины, но толкает к переходу из одной крайности в другую: «...если прежде была выбрана наиболее радикальная левая версия западной мысли – марксизм, то теперь – радикальная правая версия – неолиберализм»¹⁶⁷. Это, конечно, не снимает ответственности с людей, стоявших в то время у власти, но наглядно демонстрирует влияние национально-характерологических особенностей на политику, в данном случае – на поведение элит.

В результате закономерным образом вместо социального государства в России сформировался «дикий капитализм», вернувший архаичные формы обогащения, а либеральная опора на автономную и ответственную личность была подменена «опорой на отщепившегося от коллектива негативного индивида, к тому же обладающего безмерной жадностью и отсутствием экономической рациональности»¹⁶⁸.

Иными словами, практика нового российского капитализма, реализовавшегося в немалой степени благодаря *русскому максимализму* по американским неолиберальным «рецептам», привела к тому, что на поверхности социальной жизни оказались не лучшие предприимчивые, честные, моральные люди, а худшие, стремящиеся к приобретению богатства любой ценой, в том числе ценой ограбления и унижения миллионов сограждан¹⁶⁹. Отметим, что это контрастирует с практикой реформ в современном Китае, с их осторожностью и постепенностью, стремлением избегать конфликтов, в том числе идеологических, достигаемым благодаря особым прагматическим качествам *национального характера китайцев*¹⁷⁰.

2. Богатство и бедность в современной России

Помимо несправедливых (по мнению большинства населения) итогов приватизации, важной общественно-нравственной проблемой постсоветской России стал рост безразличия одной части общества – разбогатевших нуворишей – к судьбе другой – людей, не сумевших в силу тех или иных причин воспользоваться предоставленной свободой. Стремление к наживе, моральное оправдание обогащения любой ценой вытеснили из сознания большинства новых российских собственников традиционные для России идеи любви к ближнему,

естественной сострадательности, помощи тем, кто оказался в трудной ситуации и не может самостоятельно обеспечить себе достойную жизнь, т. е. все те идеалы, которые составляют важнейшую часть традиционных российских представлений о справедливости.

Подобные результаты утверждения капитализма характерны именно для *современной* России, с ее отсутствием действенных ограничений со стороны власти и общества, «перевернутой» системой ценностей. В обществе, где утверждавшая себя страсть к обогащению встречалась с *должными моральными ограничениями* (США рубежа XIX–XX вв., **российский капитализм того же периода**), складывалась совершенно иная ситуация. Так, уже упоминавшийся М.Фридмен, ссылаясь на работы американской исследовательницы Х.Горовиц, отмечает, что в Америке на рубеже XIX–XX столетий бурному развитию капиталистических отношений сопутствовал расцвет филантропической деятельности¹⁷¹. Богатые граждане жертвовали значительные средства на развитие различных социальных сфер: культуры, образования, здравоохранения. Такая благотворительная активность предпринимателей во многом была обусловлена стремлением к просвещению масс, недопущению маргинализации значительных слоев населения, выпадения их из гражданского общества.

Нечто подобное происходило и в России второй половины XIX в. Но если, как отмечает в своем исследовании Н.Н.Зарубина, в позапрошлом столетии российское купечество осознавало свой моральный долг перед обществом, что нашло выражение в многочисленных фактах меценатства¹⁷², то «современный деловой мир России проявляет себя иначе: он манифестирует себя, скорее, как замкнутая каста, живущая своими интересами, по собственным моральным стандартам и нормам»¹⁷³. Ограды, воздвигнутые «новыми русскими» вокруг своих особняков, призваны не только защитить их владельцев, но, как отмечается, выполняют вполне определенную знаково-символическую функцию: забор «как бы сообщает окружающим, что здесь прерывается социальное пространство, сюда не проникают проблемы внешнего мира, и отсюда вовне не может исходить ни сочувствие, ни помощь»¹⁷⁴. «Можно сказать, – пишет Н.Н.Зарубина в другой работе, – что культуре богатства присуща *особая агрессивность*» (курсив наш. – Авт.), которую исследовательница связывает со специфической этикой успеха¹⁷⁵.

Рассуждение это интересно перекликается с тем, что говорит о природе богатства и бедности естественнонаучная характерология. «Богатство, земные блага, – пишет автор современной естественнонаучной типологии характеров М.Е.Бурно, – это область чувственности (в том числе художественно-утонченной), происходящей из сильных, ярких природных влечений человека (пищевого, полового, влечения к власти). В соответствии с разной природой людей, одни живут преимущественно чувственной жизнью, жизнью власти, а другие – более или менее выраженной в них духовностью. С годами все отчетливее проявляется врожденная предрасположенность человека к тому или другому. Люди с тягостным, размышляющим переживанием своей неполноценности в основном предрасположены к духовным переживаниям. Радость власти, чувственная гурманстичность обычно не увлекают их. <...> В наше время грязного еще капитализма они, служа Духовности, обычно способны довольствоваться *немногими земными благами* (курсив наш. – Авт.): лишь бы быть сытым и чисто одетым, лишь бы на нужную ему книгу хватило, на бумагу и ручку, на фотопленку... Их мир, их ценности – в этом»¹⁷⁶.

В литературе отмечается, что таких дефензивных – робких, нерешительных, застенчивых, с переживанием своей неполноценности, ранимых, но нередко с большим творческим потенциалом людей всегда было много в России, особенно в XIX в. В то же время, как отмечает М.Е.Бурно, глубоко изучивший природу дефензивности, «известно, что дефензивность – благодатная почва для произрастания тягостных психогенных расстройств. Когда, хотя бы немного, *усиливается в России агрессивность (звериный дух), особенно страдает, обостряется в глубине своей дефензивность* и особенно нуждается в душевной помощи. Это происходит и сегодня» (курсив наш. – Авт.)¹⁷⁷. В контексте нашего исследования это означает, что именно дефензивные, с переживанием своей неполноценности люди, тревожные, инертные, непрактичные (тревожно-сомневающийся тип, *глубоко родственный* русскому национальному характеру), больше всего страдают сегодня от жестокости нового российского капитализма. И в новых условиях особенно возрастает потребность таких людей как в социальной поддержке со стороны государства, так и в специализированной душевной помощи психотерапевта.

Подытожим наши рассуждения: богатство и бедность, помимо того, что формируются специфическими социокультурными факторами (на Западе это – протестантская этика), вполне отчетливо соотносятся с *определенными свойствами характера*: богатство с характерологической агрессивностью, бедность – нередко с дефензивностью, «оборонительностью». Это не значит, что агрессивный, прямолинейный человек всегда богат, а дефензивный всегда беден (может быть и наоборот, особенно у талантливых, социально успешных дефензивов), но природа людей такова, что предрасполагает их либо к общественной и экономически успешной деятельности, либо к деятельности духовной, творческой, не связанной непосредственно с достижением социальных благ и экономической эффективности, хотя и не исключаяющей ее. Надо отметить и то, что в определенных социальных условиях, например, в условиях «дикого», антивеберовского капитализма, сформировавшегося в 1990-х гг. в России, указанные характерологические качества людей – агрессивность, безнравственность – при отсутствии должного социального и нравственного регулирования начинают проявлять себя *с особенной силой*. Не будучи в должной мере сдерживаемы ни моральными нормами, ни юридическими санкциями, эти качества становятся причиной многих вопиющих нарушений принципов нравственности и социальной справедливости.

3. Конформность и нравственность

Проблема безнравственности в современном российском обществе отнюдь не сводится только к неконтролируемой агрессии богатых и униженному положению бедных. Сегодня речь идет о более серьезном социальном явлении, которое распространяется *на все общество*, включая самые разные его слои. А.В.Юревич в своем исследовании приводит внушительный список социально-нравственных пороков, охвативших современную российскую действительность: это и крайне низкая ценность человеческой жизни, сказывающаяся в большом количестве убийств и самоубийств, и чрезвычайно высокий, по сравнению с другими странами, уровень коррупции, и процветание организованной преступ-

ности (порой в фактически легализованных формах), и откровенно безнравственный характер содержания того, что преподносят населению средства массовой информации, и продолжающаяся деятельность в России тоталитарных сект, финансовых «пирамид», и многое другое. При этом, как отмечает Юревич, «поражают не только сами подобные явления, но и толерантность к ним, восприятие их как привычных, а не как из ряда вон выходящих, как нормы нашей жизни... При всем разнообразии описанных явлений, а также процессов, характеризующих приведенными выше статистическими данными (на которые ссылается исследователь. – Авт.), их можно подвести под общий знаменатель, которому название “*моральная деградация*” современного российского общества или, используя известное выражение Э.Гидденса, “*испарение морали*”»¹⁷⁸. Важно и замечание, что «моральная деградация современного российского общества констатируется представителями самых различных наук, и ее можно считать подлинно “междисциплинарным” фактом»¹⁷⁹.

В своей статье А.В.Юревич называет целый ряд факторов, ставших причинами столь глубокого и всеохватывающего явления, среди которых особенного внимания заслуживает «общее ослабление контроля над поведением граждан», произошедшее в период постсоветских реформ, а также уход государства из сферы воспитания¹⁸⁰. Одной из главных проблем современного российского общества является вовсе «*не дефицит свободы, в котором нас постоянно обвиняют с Запада (как всегда, плохо понимающего, что происходит в России), а прямо противоположное – дефицит контроля, прежде всего контроля внутреннего, нравственного*»¹⁸¹. Почему этот фактор, как известно, игравший значительную роль в советское время, так важен, и отчего его устранение в период постсоветской деидеологизации общественной жизни стало одной из важнейших причин всеобщего падения нравов? Ответить на этот вопрос в значительной мере поможет обращение к науке о характерах.

Есть основания полагать, что склонность к нравственности либо к безнравственности в обществе (это можно отнести практически к любому социуму) соотносятся друг с другом определенным образом. Если говорить о *природной, врожденной* нравственности и соответствующей *природной* безнравственности, которые являются устойчивой *характерологической чертой* и как таковые

не зависят от влияния практик социализации, включая воспитание в семье и далее в рамках других социальных институтов, то, по всей видимости, таких *прирожденно нравственных* людей в обществе обычно немного, не более 10–15 %, притом, что среди них могут быть люди разных характеров¹⁸². И напротив, можно с достаточно высокой долей вероятности предполагать, что людей *прирожденно безнравственных* в обществе тоже не столь много, в пределах тех же 10–15 %, и это также люди характерологически разные. Что же касается остальных, опять-таки разных своими характерами, то они, как можно предположить, обычно не нравственны и не безнравственны, а склонны проявлять эти качества *по обстоятельствам*, в зависимости от полученного воспитания и того, что диктует насущная жизненная ситуация, непосредственное окружение и т. д. Последнее качество в характерологии и особенно в социальной психологии именуется *конформностью* и считается главной особенностью массового сознания и поведения.

Как отмечает отечественный исследователь А.Е.Личко, «в современной социальной психологии под конформностью принято понимать подчинение индивидуума мнению группы в противоположность независимости и самостоятельности»¹⁸³. При этом люди разных характеров могут проявлять разную степень конформности, в наибольшей же степени это качество выражено у лиц с так называемой *конформной акцентуацией характера*. Здесь, как полагает А.Е.Личко, «это свойство (конформность. – Авт.) постоянно выявляется, будучи *самой устойчивой чертой*» (курсив наш. – Авт.)¹⁸⁴. Что же такое конформный тип, каковы его основные социальные и нравственные характеристики? «Представители конформного типа – это люди своей среды. Их главное качество, главное жизненное правило – думать “как все”, поступать “как все”, стараться, чтобы все у них было как “у всех” – от одежды и домашней обстановки до мировоззрения и суждений по животрепещущим вопросам. Под “всеми” понимается обычное непосредственное окружение. <...> Стремясь всегда быть в соответствии со своим окружением, они совершенно не могут ему противостоять. Поэтому *конформная личность – полностью продукт своей микросреды* (курсив наш. – Авт.). В хорошем окружении – это неплохие люди и неплохие работники. Но, попав в дурную среду, они со временем усваивают все ее обычаи и привычки, манеры и пра-

вила поведения, как бы все это ни противоречило предыдущему и каким бы пагубным ни было. ...Новая среда становится таким же диктатором поведения, как раньше была прежняя»¹⁸⁵.

В данном типе (акцентуации) характера, описанном А.Е.Личко, конформность как психологическое свойство проявляет себя с особой степенью выраженности, с особой клинической «заостренностью», благодаря чему яснее видится конформность *вообще*. Можно предположить также, что люди с конформной акцентуацией встречаются в любые исторические эпохи в разных обществах с разной культурой. Но особенно данный тип характерен для массовых обществ XX в., порожденных индустриальной культурой, тем более – для *тоталитарных*. В этих обществах конформность являлась чуть ли ни главной социальной добродетелью и как таковая всячески поощрялась и культивировалась¹⁸⁶. Сегодня, в условиях российской постсоветской деидеологизации социальной жизни, тот же конформный тип ведет себя иначе: он активно воспроизводит ценности иной, некогда воспринимавшейся враждебно в Советском Союзе *потребительской цивилизации*. Причем, как отмечают исследователи, отнюдь не в лучших формах. «В посткоммунистических обществах, – пишет В.Г.Федотова, – значительная часть людей, особенно молодежи, оказалась соблазнена потребительской идеологией, но не для развития производства, что произошло на Западе и в новых индустриальных странах Азии, а для участия в *гедонистическом соревновании небольшого круга лиц и гедонистическом мечтании остальных* (курсив наш. – Авт). Для многих людей в посткоммунистических странах деньги, удовольствия и потребление, нежелание трудиться, но стремление иметь максимум вознаграждений при минимизации трудовых издержек стали формой реального существования “экономического человека”» (специфической модели человека неолиберальных теорий. – Авт.)¹⁸⁷. И подобная ситуация, как можно понять характерологически, возникает во многом именно вследствие *особенностей конформного сознания и поведения*, лишённого сегодня должного социального и нравственного регулирования. Иными словами, конформная и по большей части малонравственная масса сегодня копирует стиль поведения узкой прослойки богатых людей, позитивно демонстрируемых в СМИ как безнравственных и социально агрессивных (властолюбиво-материалистичных) по своему характеру.

4. Социальные условия восстановления морали

В этих условиях особенно актуальным становится вопрос о природе нравственного субъекта и шире – о *социальных предпосылках* восстановления морали в российском обществе. Сегодня это междисциплинарная проблема, поиском решения которой заняты представители разных специальностей: социальные психологи, философы, политики, религиозные деятели. В социальной психологии, например, возникло новое направление исследований – духовно-нравственная психология (или психология духовности и нравственности), в рамках которой предпринимаются попытки связать общественное функционирование морали с понятием *высоконравственной личности*. Ярким примером рассуждения такого рода является статья А.Л.Журавлева, директора Института психологии РАН, и его коллеги, психолога А.Б.Купрейченко¹⁸⁸. В ней дается обоснование тезису о неизменном присутствии в любом сообществе, как большом, так и малом, в любые исторические периоды особой категории людей, которую авторы называют *нравственной элитой*. Как пишут Журавлев и Купрейченко, «нравственные принципы и нормы, ценности и идеалы являются наиболее универсальными регуляторами социального поведения. Они играли решающую роль в периоды потрясений политических, социальных и идеологических устоев российского общества и оставались неразрушимой основой, объединяющей людей в те периоды, когда политические, правовые (законодательные), религиозные, административно-управленческие и другие социальные регуляторы были слабы или временно утрачивали свою силу... Реальными носителями нравственных ценностей и идеалов являются все члены общества, однако *особая роль принадлежит представителям малочисленной социальной категории, основное содержание жизни которой подчиняется идеалам гуманизма, добра, милосердия и т. п.* Причем совершенно неприципиально, осознается ими это или нет. Это люди из самых разных социальных слоев, сфер деятельности и демографических групп, и их влияние на других людей осуществляется различными путями, способами и средствами. Изучение *данной категории людей, которую можно назвать “нравственной элитой”*, представляет большой интерес, поскольку позволяет вскрывать меха-

низмы и закономерности формирования нравственного сознания и воздействия на поведение значительных масс населения» (курсив наш. – *Авт*)¹⁸⁹.

Авторы подробно рассматривают данный феномен, дают дефиницию понятия нравственной элиты, а также выделяют ряд формальных признаков, по которым, на их взгляд, возможно отнести того или иного человека к представителям этой социальной категории. В частности среди таких признаков выделяются «способность воздействовать, влиять на других людей в нравственной сфере», а также «качество оказания безвозмездной помощи другим людям, реализации разных форм помогающего поведения в социальных группах»¹⁹⁰. В качестве конкретных примеров «нравственной элиты» авторы приводят религиозных подвижников и священнослужителей старца Паисия Святогорца и Николая (Гурьянова), архимандрита Иоанна (Крестьянкина) и мать Терезу; ученых Д.Лихачева и А.Сахарова, С.Королева и Н.Моисеева; актеров, поэтов и писателей М.Ульянова и К.Лаврова, Б.Окуджаву и А.Солженицына. В конечном счете в число представителей нравственной элиты, по мнению Журавлева и Купрейченко, попадают выдающиеся личности из самых разных социальных сред, люди разнообразных, нужных обществу занятий и профессий: Художники, Мыслители и Исследователи; Созидатели и Подвижники; Защитники и Борцы; Учителя, Просветители и Проповедники; Врачеватели и Благодетели; Праведники (так – с заглавной буквы – у авторов статьи. – *Авт*.)¹⁹¹. Всех этих людей, как выдающихся, так и менее заметных, но не менее исключительных по своим *нравственным качествам*, как считают авторы исследования, объединяет одно: самоотверженное служение Высшему Добру, выражающееся в способности «...сохранять и поддерживать, воспроизводить и транслировать новым поколениям абсолютные, универсальные, наиболее устойчивые, стабильные и проверенные историческим временем *нравственные регуляторы* (нравственные принципы и смыслы, ценности и идеалы, нормы и правила и т. д.) жизнедеятельности человека в обществе»¹⁹².

С нашей точки зрения, своеобразие работы А.Л.Журавлева и А.Б.Купрейченко в том, что она *по-своему* указывает на наличие одного из возможных путей восстановления духовно-нравственных ценностей в современном российском обществе. Как можно по-

нять, это путь приобщения социума к *универсальной и абсолютной морали*, даваемой в *откровении* святым, подвижникам или светским людям с особой нравственной интуицией. Нравственная элита в этом случае – действительно немногие избранные, которым (подобно платоновским философам) доступно понимание Высшего блага. Между тем представляется, что такая в целом идеалистическая трактовка нравственной элиты может быть достаточно легко преломлена в «реалистическом» ключе. В самом деле, какие люди или группы людей могут составлять такую прослойку? В российском обществе роль нравственной элиты на протяжении многих поколений играла интеллигенция, вначале российская, позже советская. Именно она, согласно М.Е.Бурно, с наибольшей силой воплощала в себе особенные *качества дефензивности* (переживание своей неполноценности с обостренным чувством вины перед теми, кому еще хуже, чем тебе), свойственные в «мягкой», «здоровой» форме многим представителям русского народа¹⁹³.

Однако возникает вопрос, насколько такой путь нравственного служения, *личного воспитательного примера* отдельной высоко-нравственной личности возможен, практически реализуем¹⁹⁴ сегодня. Думается, что в условиях того нравственного снижения, в котором находится российское общество, и общего кризиса (если не исчезновения с исторической сцены) российской интеллигенции¹⁹⁵, путь нравственного примера или нравственного образца в качестве условия восстановления моральности сегодня в значительной мере затруднен¹⁹⁶. Более реалистичным представляется (согласимся здесь с философами А.А.Гусейновым, В.Г.Федотовой, Р.Г.Апресяном, другими исследователями) путь восстановления нормального общественного климата через *мораль общественных институтов*, прежде всего социальной справедливости, воплощающей в том числе *качества законности* – главенства закона в общественной жизни, ответственности каждого перед ним и справедливого наказания¹⁹⁷.

Между тем, признавая в целом верность этой линии –необходимость дополнения индивидуальной нравственности инструментами морали и права, особенно в нынешних российских условиях, следует указать на ряд *трудностей*, с которыми сталкивается воплощение подобной стратегии в современной России. Прежде всего это типично российская проблема того, что мораль у нас

плохо институционализируется «снизу», со стороны структур гражданского общества. Как отмечает в одном из своих интервью А.А.Гусейнов, россияне готовы много говорить о морали, но моральное негодование при этом так и не трансформируется в конечном счете в конкретные правовые и политические механизмы, решения¹⁹⁸. С характерологической точки зрения подобное положение дел связано с отсутствием у русских в массе *элементарной расчетливости, прагматизма*, что вообще является характерной чертой отечественной национальной психологии и во многом составляет наше отличие от людей Запада. Но отмеченное выше отсутствие середины выделило небольшой, но агрессивный слой расчетливых и прагматичных людей. В свою очередь это значит, что единственным субъектом формирования справедливого социального порядка по-прежнему остается государство, что со всей остротой ставит проблему *ответственного политического класса*, дела с которым, заметим, в России по-прежнему плохи. Такая ситуация в свою очередь создает потребность в социальной и политической демократизации общества, попытки которой, однако, всячески блокируются сегодня коррумпированной бюрократией¹⁹⁹ и при этом создается своего рода «замкнутый круг» российской политики.

Таким образом, задача преодоления того морального коллапса, в котором оказалось российское общество, при наличии достаточно ясного понимания того, что и как следует делать, во всяком случае со стороны многих российских *социальных теоретиков*, сталкивается с целым рядом практических трудностей, которые в свою очередь связаны с национальными особенностями, как и спецификой исторической ситуации. Преодолевать эти трудности можно только постепенно, в течение не одного десятилетия, для чего потребуются как продуманная государственная политика, обязательно учитывающая результаты современных исследований в области социальных и гуманитарных наук, так и политическая воля руководителей государства. Только при наличии этих двух взаимосвязанных условий, как представляется, становится возможным преодоление глубокого *социального и нравственного кризиса*, в который вверг Россию неуправляемый, «дикий» капитализм рубежа XX – начала XXI вв., – преодоление, без которого России вряд ли открыт путь в Будущее.

Глава VIII

Реальность и перспективы образования как проблема развития отечественной культуры

1. *Образование как творчество культуры*
2. *Проблемы образования как результат быстрых перемен*

При обсуждении судьбы нашей страны в XXI в., её внутренних преобразований, её возможностей сегодня и в будущем на международной арене, конечно же, в первую очередь необходимо исследовать экономические и политические данности, поскольку именно их осознание, изучение и решение возникающих при этом практических проблем задаёт объективную реальность дальнейшего существования российского общества. Однако характеристики этого существования зависят от того, насколько глубоким и адекватным окажется подобное осознание и изучение, насколько эффективной и продуктивной станет реализация намеченных планов. И здесь мы сталкиваемся с феноменом, который классики марксизма называли обратным влиянием сознания на бытие. Всякий раз, когда общество задерживается на историческом перепутье или перед лицом кризиса культуры²⁰⁰, найти выход помогает накопленное интеллектуальное богатство, творческая энергия и инициатива живущих в это время людей, их свободный выбор в рамках социальной ответственности.

Решающим фактором движения вперёд в описанных выше условиях можно считать не столько материальные, сколько духовные блага общества, созданные на основе преемственности социально-исторического, культурного опыта поколений, которая зиждется в наше время на прочном фундаменте профессиональной компетенции, а также нравственной самоотдачи людей. Конечной базой и необходимым условием современного культуротворчества оказываются знания, умения, вкус и порядочность тех, кто принимает ответственные решения, в том числе и судьбоносные для страны. Таким образом, наряду с экономикой и политикой важнейшее значение в качестве объекта социально-философского осмысления современного состояния и реальных возможностей развития

отечественной культуры приобретает образование. В известном смысле эта проблема более актуальна сегодня, чем бизнес, финансы и даже материальные ресурсы.

1. Образование как творчество культуры

Если в экономике и политике за последнюю четверть века российское общество, хотя и с ошибками, и с отступлениями, но продвигалось вперёд, то в области образования преимущества к настоящему моменту частично утрачены, частично сознательно уничтожены или получили превращённую, а скорее извращённую форму выражения. И то, что с огромным трудом было сохранено, доживает свой век в жёсткой и неравной борьбе с догматизмом, разгильдяйством и бюрократией. Нынешнее положение российского образования граничит с вырождением или по крайней мере с перерождением его функций из просветительских, воспитательных и творчески формирующих в сервисно-потребительские. И это в лучшем случае. В худшем же речь может идти вообще об утрате отечественным образованием каких бы то ни было культурных функций и о превращении его в некий бюрократический придаток к так называемой культурной индустрии (в чиновничьем смысле слова), поскольку то, к чему медленно, но верно приближается наше образование от детсада до вуза, скоро и назвать так будет нельзя, не говоря уже о нравственной и эстетической его составляющих, без которых на самом деле никакое современное образование, особенно молодого поколения, невозможно.

Это серьёзное обвинение в адрес состояния российского образования в настоящий момент. И оно, безусловно, требует доказательств. Поиском таковых мы и займемся несколько позже. Но предварительно необходимо дать определение самой сути явления образования в цивилизованном обществе, чтобы понять, по каким параметрам его необходимо исследовать и по каким критериям оценивать его состояние в России XXI в., а самое главное – где искать внутренние или внешние источники его возрождения в качестве стимула культурного прогресса. Если подходить к этому вопросу с общеметодологических позиций, то выявляются два направления, по которым следует двигаться в поисках единой де-

финиции. С одной стороны, образование представляет собой *объективный фундамент* культуротворчества в целом, через которое в современном мире в наибольшей степени осуществляется передача культурно-исторического опыта человечества. Выступая одним из важнейших инструментов социализации индивида, образование в принципе даёт возможность молодёжи (и не только ей, поскольку социализация – это процесс, длящийся всю жизнь) осваивать культурные горизонты своего времени. Получая образование, субъект общественного развития, как индивидуальный, так и групповой, учится грамотно и адекватно формулировать практические задачи совершенствования унаследованной культуры и находить их решения как среди уже имеющихся средств, так и путем создания новых.

Но такое определение недостаточно. Оно требует обязательного дополнения, характеризующего его *субъективную составляющую*. От того, какова специфика процесса образования в то или иное время, в том или ином месте, зависит и умение воспользоваться описанным выше объективным фундаментом. Образование должно быть направлено не просто на формирование эрудированного человека. Оно должно ориентироваться на выявление и совершенствование творческих способностей для полезного и эффективного применения человеком своей эрудиции. И, что не менее серьезно, образование должно воспитывать человека в качестве субъекта социального общения, стремящегося ко взаимопониманию, к диалогу и к компромиссу. Наконец, образование включает в себя также эстетическое воспитание, предполагающее не только выработку хорошего вкуса, но и развитие созидательных возможностей человека, приобщение его к миру многозначных, не всегда открытых смыслов уже созданного. Обобщая сказанное, можно утверждать, что образование – это один из способов гуманизации «человеческого материала», то есть превращения представителя рода хомо сапиенс в Человека с большой буквы.

Одним из первых условий реализации обозначенных функций образования является наличие свободы на двух полюсах учебно-воспитательного процесса – у «учителя и ученика». К несчастью, многие (и не только наши соотечественники) понимают свободу как вседозволенность, отсутствие каких бы то ни было границ и запретов. Что из этого получается, мы видели и у себя на родине,

и за её рубежами. Сегодня, как никогда прежде, люди спекулируют этим понятием, на деле смешивая её с произволом. Но подлинная свобода тем и отличается от произвола, что она обременена ответственностью перед самим собой, современниками, будущими поколениями. Воспитание этого чувства ответственности – неотъемлемый долг современного образования, такой же, как и создание реальных стимулов для осознания свободы как предпосылки любого творческого акта. В связи с этим, возвращаясь ещё раз к определению образования в современном мире, следует подчеркнуть, что оно представляет собой *процесс*, в ходе которого не только накапливаются знания и умения, но происходит взаимодействие истин и ценностей, технической грамотности и гуманитарного мышления. При таком понимании образования мы сможем получить в качестве его результата полноценного человека, в котором нуждается начавшийся век. Современное образование – это *не только процесс* приобщения к знаниям, опыту, нормам и ценностям, накопленным человечеством. Это ещё и *социальный институт*, призванный создавать условия для осуществления этого процесса, то есть в конечном счете для творческой самореализации личности как обучающего, так и обучаемого. В какой мере образование российской молодёжи в третьем тысячелетии должно сочетать в себе теоретические знания и практические навыки? Насколько глубоким должно быть проникновение пользователей новейших технологий в образующие их фундаментальные когнитивные основы? Какие цели требуется ставить в ходе подключения новых поколений к усвоению исторического опыта или художественного достояния российского народа и всей мировой культуры в целом – пропагандистские, политические, развлекательные, творческие, финансово-экономические или какие-либо ещё? От ответов на эти вопросы зависит не только подлинное лицо нашей культуры, но и её ближайшая перспектива и даже отдалённое будущее. При этом речь идёт как о выстраивании некой системы научных сведений о природе и обществе, так и об усвоении совокупности необходимых правил, способов действия в той или иной сфере материального и духовного производства, а также об осмыслении накопленных предыдущими поколениями подходов к пониманию человеком самого себя и своей роли в развитии истории культуры, то есть о выработке у каждой отдельной личности стремления к

творческому становлению и самовыражению, обретению мировоззренческих установок, помогающих ориентироваться в сложной и противоречивой реальности.

Понимание общественно-практических целей высшего образования в настоящее время предполагает, естественно, существование или создание соответствующей экономической базы для реализации социокультурной политики государства, которая требует очень разборчивого сочетания рыночных мотиваций с фундаментальными духовными ценностями россиян, создавших великую историческую культуру и по сей день, вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам, принадлежащих к одной из великих мировых держав. За последние 20–25 лет подобные отношения между экономической и общекультурной компонентами в сфере практического функционирования высшего образования в России остаются если не утопией, то достаточно удалённым во времени идеалом. Это происходит главным образом потому, что отечественное Минобрнауки, призванное заниматься этими вопросами, вероятно, недостаточно компетентно в осознании ограниченности тех ориентаций и решений, которые оно предпочитает. Например, законное стремление сделать российский диплом уважаемым во всём мире вовсе не обязывает нас буквально копировать, причём, к сожалению, не в лучших, а почему-то в самых худших чертах «импортные» образовательные схемы, от которых уже иногда отказываются даже некоторые из инициировавших их в своё время западных стран. Само по себе это обстоятельство было бы не так опасно для судеб отечественной культуры, если бы усилиями чиновничьего аппарата, лоббирующего упомянутые иностранные стандарты образовательной политики в России, не *извращался бы реальный смысл* единства между высшей и средней (общеобразовательной) школами в любых существующих вариантах последнего – от специальных частных общеобразовательных учреждений до гимназий, лицеев и других школ, финансируемых государством. Осуществляется разрушение этой связи, подтасовка под флагом модернизации учебного процесса, устранения коррупции, минимизации загруженности учащихся и прочих подобных пафосных отговорок. На деле происходит выхолащивание творческого содержания повседневного труда школьных педагогов и профессионалов-специалистов высшего звена российского образования. В чем это выражается? Начнем с

того, что обучение основам современных знаний по многим важным предметам в современной средней школе постепенно вытесняется приказами администрации муниципальных образовательных учреждений, безусловно, вдохновляемой самыми высшими инстанциями контроля за учебно-педагогическим процессом, сосредоточить внимание учителей на «профилирующих» предметах. Как правило, это математика, русский и иностранные языки, входящие в так называемый государственный стандарт и в неизбежный перечень аттестационных экзаменов в школе. К ним добавляются сегодня ОБЖ – Основы безопасности жизнедеятельности – и физкультура. Прочие дисциплины, в том числе такие привычно важные для советского образования, как физика, мировая история, биология и другие, дискриминируются, так как для их изучения остаётся жёсткий минимум обязательных часов, а большинство из них, особенно принадлежащих к гуманитарному циклу, переводится в ранг спецкурсов и так называемого дополнительного образования. При этом на фоне всё более растущей беззаботности или чрезмерной занятости добыванием средств существования родителей, перекладывающих на школу целиком проблемы не только образования, но и воспитания детей, перечисляемые в «благополучных» отчётах факультативы превращаются часто по сути дела в фиктивно-демонстративный продукт. Конечно, качество обучения в школе во многом зависит от самих педагогов, так что и спецкурс – это возможность способствовать более или менее широкому образованию. Но при существующей оплате учительского труда среди педагогов остаётся всё меньше и меньше подвижников.

Проблема гуманизации отечественного образования и прежде всего средней школы осознана в нашем обществе уже достаточно давно как первостепенная задача педагогической практики. И речь здесь идёт не только и даже не столько об изучении гуманитарных дисциплин как таковых в секторах обязательного и дополнительного обучения школьников. Такие меры, конечно, не помешали бы в условиях планируемой государством модернизации нашей культуры в целом. Однако совершенно очевидно, что преподаватели любой дисциплины – от литературы до информатики – должны нести с собой в аудиторию определённый гуманитарный настрой, вдохновлять своих учеников личным примером, способностью проникновения в российскую культуру и её историю, гордостью за внуша-

емую ими человечность целей и средств прогрессивного развития общества на протяжении минувших столетий и в обстоятельствах сегодняшнего дня. А что мы видим на деле? Об этом сегодня много говорят и спорят не только на методических совещаниях и педагогических форумах, но и за рамками чисто профессиональных подходов, например, в дискуссиях по поводу телесериала «Школа», в телевизионных передачах и статьях. Нужна основательная интеллектуальная работа специалистов – педагогов, психологов, социологов, философов, культурологов, а может быть, даже и экономистов – по теоретическому осмыслению сущности, качества, состояния и возможностей среднего и высшего образования у нас в стране именно как процесса со своими структурообразующими моментами и закономерностями, во многом деформировавшимися под воздействием последствий перестройки образования и в результате не так давно разразившегося и ещё не преодоленного мирового экономического кризиса, но больше всего испорченного лоббистским вмешательством министерских чиновников. В ходе перестройки образования были не только издержки, но и приобретения в нравственном, социально-экономическом и политическом содержании подхода к культуре образования как таковой. Состоялись определённые внешние и внутренние сдвиги в направлении слияния (или, наоборот, вплоть до противостояния) субъективных составляющих этого феномена – учителей, учеников и родителей. Присмотримся к этим предположениям более внимательно.

2. Проблемы образования как результат быстрых перемен

Как работает сегодня отечественное образование, что в нём хорошо, а что плохо; куда и с какими целевыми установками оно движется, но главное – *почему* оно работает так, а не иначе? Чтобы ответить на эти вопросы, надо обратиться к истории развития образования в России, которая ведёт свой отсчёт от духовных учреждений типа Славяно-греко-латинской Академии и церковно-приходских школ через университеты, лицеи, реальные училища и подвижничество народников в сельских школах к политике ликвидации массовой безграмотности в послереволюционной стране и к созданию рабфактов и Института красной профессуры.

С точки зрения проблематики нашей книги, наиболее важным для исследования является период советского и постсоветского строительства образовательного процесса, в котором, естественно, присутствуют свои плюсы и минусы. В частности, сразу после революции и по мере возвращения к мирной жизни после завершения гражданской войны началось приобщение широких масс к отечественной и мировой культуре – не только через школы и вузы, но и с помощью повседневной практики изб-читален, народных лекториев и т. п. Однако в условиях нехватки интеллигентских кадров, порождённой войнами, разрухой, красным и белым террором, этот процесс проходил слишком быстро, а значит, неглубоко. Качество культуртрегерской деятельности подменялось количественными подсчётами, способствуя появлению дилетантского взгляда у народа на культуру в целом и просвещение в частности, порождая у новоиспечённой рабоче-крестьянской интеллигенции самоуверенность, граничащую иногда с произволом в ответственных решениях, а в случае нравственной ущербности субъектов таких решений переходящую в «профессиональный террор». Достаточно вспомнить лысенковщину и борьбу с вейсманизмом-морганизмом или с «буржуазной лженаукой» кибернетикой, которая не только уничтожала талантливых и перспективных советских учёных, но и отбросила нашу страну назад, задержав развитие советской науки в этих отраслях как минимум на пятьдесят лет.

Распад коммунизма и СССР поставил радикальные задачи деидеологизации отечественного образования и духовного производства в российском обществе, но решались они со значительным «перевыполнением» задуманного. Появились возможности, чаще потенциальные, чем реальные, для увеличения степени свободы учителей в ходе выбора ими методики преподавания своих дисциплин и критериев обоснования содержания авторских курсов, для разрешения известной вольности в определении круга проблематики изучаемых предметов в рамках общегосударственного стандарта. Расширились и объективные границы родительских приоритетов в связи с появлением эксклюзивных учебных заведений, также лицензионно обязываемых государством, где уровень подготовки, а соответственно и загрузки учеников несколько выше, чем в обычных школах. То же можно сказать и о вузах и средних специальных учебных заведениях. При этом выросли количественно

и изменились качественно коммуникативные и технические возможности накопления и передачи информации. В результате взаимодействия указанных факторов влияния на образовательный процесс заметно вырос творческий потенциал учащихся, появилась и укрепилась их актуальная потребность в самостоятельном анализе предлагаемого в школе и за её пределами материала как гарантирующего условия независимости собственных выводов, а это в свою очередь означает, что возникла благодатная почва для формирования новой генерации свободных, активных, творческих людей, так необходимых в современной российской культурной практике.

Перечисленные заманчивые перспективы модернизации российской культуры в целом и её системы образования в частности в течение минувших с начала преобразований более двадцати лет не были использованы в полном объёме. Не вполне или даже вовсе не выявленные «подводные камни» открывшихся для педагогики альтернатив деятельности стали одновременно препятствиями для серьёзного продвижения в позитивном направлении, зародышами новых опасностей и противоречий в такой сфере культуротворчества, как образование. Обратимся к примеру первого постсоветского поколения российской молодёжи. Сегодня эти люди уже стали взрослыми. Они теперь могут позиционировать себя не только как бывшие ученики, студенты, но и как преподаватели и даже родители. Как изменилось их сознание? Как актуализировались столь обнадежившие в 1980–1990-х гг. нашу интеллигенцию перспективы? В конкретном плане следует прежде всего обратить внимание на особенность российского менталитета, обнаруженную многими российскими мыслителями и прежде всего Н.А.Бердяевым²⁰¹. Это фундаментальная полярность содержательного выбора культурных ценностей, которая многое объясняет в настоящем, прошлом, а возможно, и в будущем России. Метания между Западом и Востоком; между выгодами промышленной цивилизации и бескорыстной жертвенностью христианского мессианизма; между бунтарско-анархистским стремлением к абсолютной свободе и сохранением патриархальных установок сознания, имеющих на выходе так называемую круговую поруку, нивелирующую индивидуальную ответственность, а тем самым и свободу индивида, и, как следствие, произвол вождизма, – всё это смыкается, вытекая одно из другого и определяя одно другим не только в отечественном мышлении

или в нравственных и политических пристрастиях россиян, но и в социально-экономической практике российского государства вплоть до настоящего момента. Ибо государственная политика, если она хочет реализовать перемены в образе жизни людей, вынуждена считаться с их образом мышления, действия, чувствования, тем более что оно персонифицировано конкретными живыми людьми, обременёнными упомянутыми выше антиномиями ментальности. Чтобы представить картину полнее, остановимся вкратце на ещё одной очень важной характеристике нашего народа, не раз приводившей в истории к трагическим итогам. А именно: в нём соединяются необыкновенная терпеливость, умение долго сносить лишения, унижения и притеснения с нетерпением, взрывающим и крушащим всё устоявшееся, привычно-прочное вокруг, когда чаша терпения переполнилась. Тогда мы рвёмся изменить всё сразу и немедленно, пренебрегая временем, объективно необходимым для вызревания оптимальных форм осуществления идеала, или полагаемся исключительно на свою волевою активность. Как именно политическое «нетерпение» (Ю.Трифонов) отечественных революционеров, реформаторов и прочих «пассионариев» (Л.Гумилёв) в их желании тотчас воплотить в жизнь свои, как правило, утопические цели приводит к разного рода *нетерпимости* (религиозной, классовой и правовой), мы видели на семидесятилетнем опыте строительства социализма и коммунизма. Сходным «взрывом нетерпения» была отмечена и социально-политическая, идеологическая обстановка в 1980–1990-х гг. Через воспитание в семье и через личный опыт не утвердившегося ещё в своём культурном выборе молодого поколения негативные влияния создали фундамент для пришедшей на смену коммунистической идеологии полной безыдейности и – хуже того – для перерождения прежних идеалов, появления неофашизма, религиозного сектанства, роста жестокости и т. п., вследствие серьёзного размывания ценностной ориентации. Безвкусица и навязываемая рекламой и СМИ массовая культура в повседневной жизни резко и бескомпромиссно разделили население России на два «фронта». В СССР трудящиеся не имели опыта устройства собственного индивидуально-оригинального быта, довольствовались малым, что многие сохранили и в постсоветский период. Другая же часть постсоветского общества представляла собой потребителей, которые противопоставляли себя прошлому

целиком и не утруждались при этом осмыслить культурный опыт этого последнего – не только его недостатки, но и его достоинства, а потому неспособны были позаботиться о сохранении исторической преемственности, о приобщении к аутентичным корням самобытной отечественной культуры. Важно понять, что упомянутые события и их последствия выступают не только историческим фоном, вокруг которого создавалась государственная политика народного просвещения в самом конце XX – начале XXI в., но также источником индивидуальных приоритетов учащихся, их родителей и преподавателей в российской школе и прямыми причинами сегодняшнего состояния дел в образовании. Куда и почему именно туда будущие школьники или абитуриенты пойдут учиться; как и зачем они учатся; какие знания, ценности и привычки приобретают они на этом пути в результате экономических, технических, политических обновлений жизни; как и кем контролируются итоги учебно-воспитательного процесса; каковы следствия всех этих параметров образования сегодня в их конкретных проявлениях – эти вопросы во многом остаются без ответа. Исходные предпосылки любого культурного начинания, то есть ценностные ориентации субъекта, еще не сложились в посткоммунистической России более или менее четко и прочно. В частности, настойчивое обращение нашего искусства, СМИ и даже религиозных учреждений к памяти об общей исторической судьбе российского народа во все времена; признание её трагичности, а значит, потребность поиска правды не только на одной, а одновременно на обеих сторонах общественного противостояния дают надежду, что рано или поздно отечественное самосознание придёт к консенсусу в оценке своей собственной истории, обретёт единство и гармонию в отношении к её свершениям и научится выносить из её событий серьёзные уроки и гордиться культурным достоянием своей родины. Однако «адекватные» расчёты с прошлым – это необходимое, но вовсе не достаточное условие для обеспечения реальной возможности эффективного творчества массового субъекта нашей истории в дальнейшем. Гораздо важнее, чтобы самостоятельно сформировались, органично вырастая из той или иной оценки прошлого, *позитивные идеалы* будущей деятельности, утвердились стимулы к объединению усилий всего общества в соответствующем направлении. В условиях глобализации можно надеяться, что любовь к

своей земле, к своему народу и восхищение его великими делами в прошлом соединятся на ценностной шкале нашего национального самосознания с уважением к культурному опыту других наций и народностей, с готовностью осмысленно воспринимать его в той мере, в какой он мог бы послужить оплодотворению подлинных деяний нашего культуросотворчества. Главная же задача старшего поколения нашей страны в ближайшем будущем состоит в том, чтобы привить молодёжи стремление стать новыми созидателями – и не столько созидателями материальных благ (к этому принудит их сама жизнь), сколько духовными творцами в самом широком смысле этого слова, опирающимися в своей деятельности на самобытные культурные корни и сопрягающими национальные достижения с завоеваниями мировой культуры в целом, с общечеловеческими и гуманистическими ценностями.

Носители культуры в истинном значении этого слова обязательно выступают её творцами, независимо от того, являются ли они авторами произведений искусства, открытий в науке, технических изобретений, религиозных философов и пр. или просто их потребителями, поскольку культура есть диалог, предполагающий творческое участие с обеих сторон²⁰². Поэтому основное внимание педагогов, особенно в средней школе, где учащиеся впервые знакомятся с достаточно широким спектром знаний в самых разных областях, должно уделяться не мелким подробностям и специальным сведениям, которыми изобилует любая учебная дисциплина, а выработке у ребёнка общего и глубокого интереса к познанию того или иного предмета школьной программы, к выявлению неких загадок и сложностей, требующих от него не зубрёжки цифр, имён, схем и т. п., а понимания материала, то есть творческих импульсов к освоению данной сложности, оригинального подхода к разгадыванию этой «тайны», углубления в особенности предлагаемых для изучения тем, сюжетов, задач и т. д. На этом пути решается заодно и проблема чрезмерной загруженности детей, большой продолжительности времени занятий и чрезмерных домашних заданий. Надо сокращать не количество учебных часов и программ, а тот информационный балласт, которым перегружены учебники и программные курсы, акцентируя внимание учителей на воспитании *творческого начала и интереса к познанию* у детей с самого раннего возраста.

Сегодняшнее положение дел прямо противоположно, по крайней мере в общеобразовательной школе. Чиновники в системе образования вплоть до самого высшего ранга, ссылаясь на обязательность общего государственного стандарта обучения, который на самом деле давно требует пересмотра, навязывают образовательным учреждениям, особенно среднего звена, строго определённые схемы учебного процесса, оправдываясь тем, что их несколько. В любой из них очень мало остаётся возможностей для творчества как со стороны обучаемых, так и со стороны обучающихся, при этом о творчестве постоянно говорят, ратуют за его необходимость на всех совещаниях, в министерских кабинетах и т. д. Однако само понятие творчества чаще всего профанируется. Примером является добавленная в ответ на претензии специалистов, недовольных введением в России единого государственного экзамена, к тестам ЕГЭ так называемая творческая часть, для которой отводится строгий минимум места (в несколько абзацев) и к оценке за выполнение которой также применяются строго формальные критерии. Введение ЕГЭ повсеместно привело к утвердившемуся ныне «натаскиванию» учеников на сдачу экзамена, механическому зазубриванию формальных и часто вовсе не нужных в современных условиях данных. Они подменяют собой так необходимое в школе *творческое общение* учителя с учащимися. В результате, с одной стороны, возникает опасность утери педагогом ядра его деятельности – диалога, а в некоторых случаях ведет его к постепенной дисквалификации в качестве работника образования и воспитания. С другой стороны, его подопечные лишаются какой бы то ни было возможности ориентироваться на *личность учителя*, полюбить его и школу, тот или иной предмет в ходе живого обмена мнениями, тем более что подобная система преподавания внедряется сегодня с начальной школы. Вместо непосредственного разговора с учителем малышам всё чаще задают тестовые задания, «чтобы привыкали» к будущим деперсонифицированным обстоятельствам сдачи ЕГЭ. А потом плохую дисциплину на уроках и общую нелюбовь к школьным занятиям списывают на то, что «такие пошли времена». Педагогические коллективы конкурируют друг с другом не в борьбе за души и интеллект учащихся, не за получение школьниками знаний, а за отработанное до автоматизма добывание «баллов» во время «ре-

петиций ЕГЭ», иногда просто счастливо угаданных ответов, как в телешоу-викторине. К слову сказать, эти репетиции далеко не бесплатны и ложатся на родителей дополнительным финансовым бременем. В результате сомнительные ценностные ориентации формируются не только у учеников и преподавателей, но и у родителей: главное – не развитие сознания ребёнка, его творческих способностей и культурных склонностей и даже не наличие у него действительной эрудиции. Достаточно заплатить за «дрессуру» или просто там, где это возможно, вследствие сложившейся и всё время приспособливающейся к выживанию и даже процветанию коррупционной среды, «проплатить» итоги экзаменов, чтобы будущее детей было обеспечено. Это цели, средства и способы воспитания детей школьного возраста. Слово «воспитание» употреблено здесь в самом широком значении: и как знакомство с определёнными нравственными максимами, и как выяснение условий выработки у ребёнка критериев морального выбора, и как «прививка» гуманистических ценностей мировой культуры, и как углубление в самобытные корни отечественной. Так же, как и задача получения знаний, проблема нравственного, общекультурного воспитания молодого поколения включает в себя целый комплекс вопросов, которые могли бы составить отдельную тему современной дискуссии. Самые общие характеристики этой проблематики сегодняшней России, как в средней школе, так и за её пределами, которые тесно взаимосвязаны, в том числе и по происхождению, друг с другом и с особенностями нашей образовательной системы в целом, складываются под воздействием отмеченных выше социально-исторических причин. В числе последних необходимо прежде всего назвать крушение идеалов коммунизма, коммунистического воспитания подрастающего поколения, когда прекрасные лозунги и гуманистические ценности, разрекламированные педагогической пропагандой, приходили в явное противоречие с потребностями и возможностями реальной жизни советских граждан, порождая в душах людей двойные стандарты поведения: на площади или собрании один, а у себя на кухне – другой. Государственно-бюрократическая собственность, которую К.Маркс относил к одному из вариантов частной собственности, опираясь на пример азиатского способа производства, в отдельные периоды развития советского общества напоминала

всемирно известный восточный деспотизм²⁰³. 1990-е гг. характеризуются возвращением к капитализму в его самой дикой форме первоначального накопления. Молодое поколение оказалось дезориентированным «ошибкой» экономических интересов и политических страстей, что явилось лучшей питательной средой для нигилизма, усугубившегося хлынувшей с дешёвых рынков массовой культурой, культом насилия, доллара и т. д. Появившиеся именно в это время новые технические возможности хранения и передачи информации, в частности, Интернет и мобильная связь, обеспечили этой идеологической «интервенции» зелёную улицу. Расцвели мистика, оккультизм и сектанство, в противовес этому получила почву для влияния ортодоксальная религия.

Сам по себе последний факт можно было бы приветствовать как возвращение к христианским корням российской культуры и проявление на практике духовной свободы россиян, если бы не одно обстоятельство. Церковь, в частности православная, стала вести себя экспансивно, особенно после кончины Патриарха Алексия II, всё более стремясь внедриться в государственные сферы и, что самое огорчительное, в институт образования. Учреждение в тюрьмах, в армии специальных должностей священнослужителей, безусловно, оправдано и потребностями верующих, и необходимостью пропаганды нравственных идеалов. Введение в школе предмета, изучающего историю мировых религий, также служит прогрессу культуры. Но демократической многоконфессиональной стране невозможно пренебречь отделением церкви от государства и школы от церкви. Церковь на деле объединяет людей, разобщённых социальными, политическими, идеологическими противоречиями. Слово пастыря становится делом, потому что он ведёт свою идеологическую работу не «для галочки». А учитель, справедливо ссылаясь на недостаточную оплату своего труда, забывает при этом, что его деятельность – это бесконечное подвижничество, которое так же, как и работа врача, должно в первую очередь вдохновляться призванием. У нас же в учителя идут, как правило, неудачники или молодые люди, покидающие школу при первой возможности найти другую работу.

Существовавший в дореволюционной российской и даже в советской школе престиж учителя сегодня упал практически до нуля. В результате у многих работников образования утвердилось пред-

ставление о том, что они «обслуга», то есть менеджеры по продаже особого товара, причём не только в частных учебных заведениях, но и в государственных. Соответственно строится и работа в таких школах: главное – это отметка, а как она получена (точнее, поставлена) – неважно. В результате здесь и коррупция процветает, и учебная дисциплина, и вообще уровень поведения учеников в школе и за её пределами не просто упали, а исчезла сама возможность их контролировать. Что представляет собой ребёнок, чем он увлекается в свободное от занятий время, никого не волнует. Так называемая внешкольная работа ведётся преимущественно в часы школьных занятий, иногда даже вместо целого дня уроков и в основном всего только ради отчёта перед бюрократическими учреждениями. Поэтому подростки дома «уходят в виртуальную реальность», становятся лудоманами и наркоманами, сбиваются в томящиеся бездельем хулиганствующие стайки, а иногда и в бандитские группы.

Какое же лекарство может помочь в устранении этих «недугов»? Прежде всего совершенно очевидно, что нужно реализовать древнейший призыв к специалистам: «Врач, исцелися сам!». Это означает обязанность всех, кто занят в нынешнем отечественном образовании, так построить его систему, чтобы воспитание не оказывалось в ней «факультативным» придатком. Только тогда и в средней школе, и в вузе, и в детском саду смогут свободно дышать действительно творческие люди: и педагоги, и учащиеся. Государство обязано не жалеть денег не только на техническое оснащение системы образования, но и на создание таких условий труда учителя, когда класс или группа в детском саду не будет превышать пятнадцать-двадцать человек, чтобы педагог имел возможность заглянуть каждому из них в душу, установить индивидуальные контакты и создать коллектив, смысл существования которого состоял бы не в единообразии мышления, а в гармонии разных творческих начал. В таком коллективе учебная дисциплина устанавливается сама собой, так как её фундаментом выступают не муштра и нотации, не потребительская ориентация, а интерес к познанию, стремление к самовыражению, взаимоотдаче и инициативному общению, обмену разными мнениями в рамках гуманистических ценностей. Хочется верить, что это возможно не только в принципе, но и на практике, здесь и сейчас.

Глава IX. Тренды возможного развития человека

- 1. Социальное и индивидуальное будущее человека в парадигме рефлексивной модернизации: общая характеристика*
- 2. Тренд трансформирующейся индивидуализации: позитивная и негативная индивидуализация*
- 3. Тренд целенаправленной биополитики и развития человеческого потенциала*
- 4. Тренд коррекции парадигмы «Homo economicus»*
- 5. Тренд институционального обеспечения возможностей человеческого развития. Необходимость социологии знания*

Выше уже поставлен вопрос об источнике социальных изменений и роли человека в них, а так же о факторах изменения человека.

1. Социальное и индивидуальное будущее человека в парадигме рефлексивной модернизации: общая характеристика

Модернизация, трактуемая в ее классическом определении как переход от традиционного общества к современному, являясь способом социальных изменений, опирающимся на важнейшие достижения в познании и в области технологического прогресса, резко ускорила социальные перемены позитивного характера. «Homo sapiens сумел увеличить средний размер своего тела более чем на 50 %, среднюю продолжительность жизни – более чем на 100 % и резко повысить стойкость и эффективность важнейших жизненных органов». Такие статистические данные приводит лауреат Нобелевской премии по экономике Дуглас Норт²⁰⁴. Впечатляющие успехи модернизации в ее классическом виде переосмысливаются на этапе поздней современности в связи с такими важными факторами, как глобализация, характеризующая современный этап капитализма, а также практиками, показывающими амбивалентность научно-технического прогресса и применения достигнутого знания, в том числе и в социальных технологиях. Все это актуализирует понятие рефлексивной модернизации (У.Бек, Э.Гидденс,

П.Штомка, З.Бауман, С.Лэш²⁰⁵). У.Бек пишет о рефлексивной социологии, связывая ее с генерализацией науки и политики, с анализом рисков, возникающих в современном обществе. Э.Гидденс определяет рефлексивность как то, что связывает знание и социальную жизнь. Знание, полученное нами об обществе, может влиять на то, как мы ведем себя внутри него²⁰⁶. Э.Гидденс выводит характер современности из нее самой, имеющей тенденцию к торможению негативных последствий «любими общественными компетенциями рефлексивности». П.Штомка определяет этот феномен следующим образом: «Рефлексивность – это способность общества критически мыслить о самом себе, видеть и распознавать негативные патологические явления, представляющие собой угрозу для будущего ...предпринимать превентивные действия и мобилизовать средства, способные предотвратить или свести до минимума некоторые опасные тенденции»²⁰⁷.

Рефлексивность представляет собой знание и проводимую интерпретацию действий людей или общественных ситуаций, в которые они втянуты, существенным образом влияющую на принимаемые ими решения, на способ их поведения и на характер общества, в котором они живут. Рефлексивная модернизация складывается постепенно, по мере осознания противоречий социального развития, в том числе и посредством социально-философского, философско-антропологического и социологического дискурсов. Обратимся к некоторым принципиальным теоретическим позициям, представляющим возможные модели будущего с соответствующими прогнозами. И.Валлерстайн в работе «Исторический капитализм» говорит о противоречиях позднего капитализма: *дилемме накопления, дилемме легитимации и дилемме геокультурной повестки дня.* Суть первой: с одной стороны, бесконечное накопление капитала – главная форма капиталистической цивилизации, но, с другой стороны, чтобы далее продолжать этот процесс, необходимо увеличение сектора низкооплачиваемого труда. Вторая дилемма: как продолжить вознаграждение кадров и в то же время обеспечить лояльность большинства населения, которое теоретически является источником легитимности власти и государства? Но самые далеко идущие последствия для будущего социальных изменений имеет третья дилемма. *Она базируется на основополагающей идее о центральной роли индивида в качестве*

субъекта истории. Ранее эта дилемма никогда не была доминирующей. С одной стороны, индивидуальная инициатива, творческие способности индивида и стремление к личной выгоде используются для процветания и сохранения системы, но, с другой стороны, это борьба всех против всех. С самого начала капиталистической цивилизации серьезной проблемой было примирение положительных и отрицательных последствий превращения индивида в субъект истории. По мнению И.Валлерстайна, такими механизмами сдерживания противоречия, связанного с индивидуализацией, были две практики: универсализм, подчеркивающий моральную гомогенизацию человечества, и расизм-сексизм, основная идея которого в том, что люди не наделены одинаковыми человеческими правами, а скорее выстроены в биологически или культурно определенную иерархию, причем обе практики развивались в tandem за все время существования капиталистической цивилизации и составляли некий баланс, где «универсализм становится объяснением и оправданием его положительной (improved) версии для меньшинства, а расизм-сексизм – объяснением и оправданием отрицательной, худшей версии, адресат которой – большинство»²⁰⁸. *Разрешение обозначенных дилемм и будет основой для перспектив развития капитализма, где возможны разные сценарии.* В результате Валлерстайну вероятными кажутся три социальные формы. 1) Нечто вроде неофеодализма с парцеляризованными суверенитетами, автаркическими режимами, локальными иерархиями, с сохранением высокого уровня техники. Это неэгалитарная система, ее легитимность обеспечивает возвращение к вере в природные иерархии. 2) Нечто вроде демократического фашизма: кастоподобное деление мира на два слоя – правящий и подчиненный. 3) Третьей формой может быть еще более радикальный всемирный порядок – сильно децентрализованный и высокоэгалитарный. Он самый утопичный, по мнению автора, но предвосхищен в размышлениях интеллектуалов прошлых эпох. Выбор будет зависеть от коллективного мирового поведения в ближайшие 50 лет.

Иную картину рефлексивной модернизации и, соответственно, пути в будущее дает У.Бек²⁰⁹. Характеризуя этап поздней современности, тенденции к «другому модерну», он отмечает: «Как в XIX в. модернизация привела к распаду закосневшее в сословных устоях аграрное общество, так и теперь она размывает контуры индустри-

ального общества, и последовательное развитие модерна порождает новые общественные конфигурации»²¹⁰. Происходит переход от простой к рефлексивной модернизации, развивающейся в двух разных направлениях: в индустриальном обществе «логика» производства богатства доминирует над «логикой» производства рисков, в обществе риска это состояние меняется прямо противоположным образом. К числу значительных последствий относится все более *усиливающийся процесс индивидуализации*, который имеет многообразие форм, носит амбивалентный характер в условиях развитых рыночных отношений. Идет процесс освобождения от социальных форм индустриального общества – от деления на классы и слои, от традиционных семейных отношений и отношений между полами. *Обострение и индивидуализация социального неравенства переплетаются*. Вследствие этого системные противоречия оборачиваются невозможностью их решения в личном плане (безработица, новая бедность – бедность по возможностям). Изменяется социальное положение мужчины и женщины, которые *по отдельности становятся жизненно важной единицей воспроизводства социальных отношений*, то есть отдельный индивид внутри и вне семьи становится действующим лицом в обеспечении определяемого рынком существования и связанного с этим планирования и организации собственной биографии. Рождается тип «договорной семьи на время» – временный противоречивый союз. Модернизация связана с *тенденциями институционализации и стандартизации жизненных ситуаций*²¹¹. *Особенно это влияние возрастает в процессе рефлексивной модернизации, тесно связанной с генерализацией науки и политики*. Социальное будущее просматривается уже сегодня через анализ наметившихся тенденций, но социальная ткань жизни соткана неоднозначно, она состоит из спектра неопределенностей. Поэтому *артикуляция целей и ценностей, а также социальный и индивидуальный выбор может определить будущее*.

В этой связи модернизация должна осознаваться именно как рефлексивная модернизация, трактуемая не как чисто технологическая и финансовая, а также организационная, но в значительной степени как антропологическая. Осознанный и адекватный исторической ситуации выбор можно сделать, учитывая имманентные пролонгированные тенденции развития – тренды, которые уже в

настоящее время способны показать возможные направления развития человека. На наш взгляд, такими трендами персональной модернизации являются следующие: *трансформирующаяся индивидуализация, практика целенаправленной биополитики и развития человеческого потенциала, коррекция парадигмы «Ното есопотисус», многообразие «техник себя» и «эстетик существования»: вещное и моральное измерения, институциональное обеспечение возможностей развития человека, роль социологии знания.*

2. Тренд трансформирующейся индивидуализации: позитивная и негативная индивидуализация

Индивидуализм как один из основополагающих принципов современности не является однородным по своему содержанию, зависит от выбора *разрешающих проблемы индивидуализма практик*. В период становления массового индустриального производства индивид классического капитализма вытесняется массовым индивидом в 30-е гг. XX в., а начиная с последней трети XX в. возникает так называемый «негативный индивид». «Автономный индивид был вытеснен массовым индивидом, усредненным продуктом неоднородной, но по-своему – в плане тяготения к упрощенным образам культуры – гомогенной массы, создаваемой массовым производством. Теперь источником омассовления являются СМИ, телевидение с характерными для него стандартизированными формами превращения любой проблемы, действительно заботящей людей, в товар и развлечение»²¹². Характеристики человека-массы со временем меняются: «Масса для Бодрийяра – не совсем то, чем она была для Х.Ортеги-и-Гассета: это не просто собрание усредненных индивидов индустриального производства, это – люди, может быть, даже не встречавшиеся друг с другом, не толпа, а сформированные и упрощенные СМИ абстрактные индивиды, обладающие совместным качеством пассивности, индифферентности, “молчаливое большинство”... Масса, представляемая как пространственно разделенные индивиды, спаянные импульсами, идущими от средств массовой информации, является, по мнению Бодрийяра, имплозивной, то есть не взрывающейся, а все поглощающей и гасящей внутри себя. Она мало способна к социальному

конструированию реальности, передает это имагологии СМИ»²¹³. В.Г.Федотова обращает внимание на то, что автономный ответственный индивид сменился человеком массы, и «это не позволяет экстраполировать прежние тенденции и требует рефлексии; рефлексия и выбор связаны с рисками; вместо автономного и массового индивида возникает *неукорененный индивид, с помощью СМИ превращаемый в массового неукорененного индивида*, не имеющего ни связи с прошлым, ни со структурами индустриальной эпохи, индивид, находящийся в ситуации потери норм и ценностей (аномии) и изоляции. Индивид первой современности рефлексивен, то есть ориентирован на свое отношение с объектом, на *объективное знание*. Индивид второй современности рефлексивен, что означает направленность его сознания на совершение выбора, отвечающего лишь его склонностям и часто несущего дестабилизацию. Его выбор не линейен, не ограничен в прежней мере структурами и нормами, такими, как гражданское общество, государство, класс, семья, право, мораль, контракт. Его представления подвижны, ситуативны, иррациональны»²¹⁴.

Периоду рефлексивной современности соответствует индивидуализированное общество, многогранную социальную и социально-психологическую характеристику которого дает З.Бауман в книге с аналогичным названием²¹⁵. В качестве общих доминирующих тенденций такого общества выделяются следующие: утрата человеком контроля над социальными процессами; незащищенность перед переменами, которые он не в состоянии контролировать, и перед ситуацией неопределенности, в которой он должен жить; следующая отсюда неспособность человека к планированию и достижению долговременных целей, жизненных стратегий и подмена их немедленными, пусть и не столь существенными результатами. В такой ситуации человек не может реализовывать всю полноту своих возможностей, потенциал родовой сущности человека, вынужден не проявлять свою творческую силу, а избегать отрицательных воздействий на свою жизнь, адаптируясь, как только это возможно, к ситуации неопределенности и удовлетворяя сиюминутные потребности. Вместе с тем индивид свободен вследствие не того, что он может избегать того или иного воздействия, но способности положительно проявлять свою индивидуальность. Эта принципиальная позиция была сфор-

мулирована еще Гегелем. Такую ситуацию У.Бек в «обществе риска» характеризовал как «*биографическое разрешение системных противоречий*». На самом деле риски и противоречия исходят от общества. Отмеченные этапы трансформации индивидуализации представляют идеально-типическую идеализацию: от свободного, автономного, ответственного индивида классического капитализма к массовому индивиду развитого периода индустриализма, созданному массовым обществом, а от него к «негативному», неукорененному индивиду периода рефлексивной модернизации. Каждую из этих форм можно содержательно и более детально описать, но в тени остается главный вопрос: каковы сущностные причины подобной трансформации индивидуализации и тем самым какие контуры будущего она формирует? На наш взгляд, ответ на этот вопрос связан с трансформацией общества наемного труда. Будущее зависит от того, каким образом возможно конструктивное разрешение проблемы разделения людей на востребованных в мире труда и способных проявить позитивный индивидуализм и «беспольных миру», характеризующихся негативным индивидуализмом. Трансформации индивидуализма в значительной степени связаны со становлением и изменениями общества наемного труда, которое достигает расцвета в 60–70 гг. XX в., и с этого же времени начинается его размывание, совпадающее с периодом рефлексивной модернизации, с соответствующими социальными последствиями. В современном обществе на передний план выходит социальная проблема непрочности, уязвимости, исключения, сегрегации, заброшенности, дезаффеяции²¹⁶. Р.Кастель показал, что «процесс разрушения стабильности затрагивает прежде устойчивые сектора занятости. Происходит возвращение к той массовой уязвимости, которую удалось победить с таким большим трудом. И в этом движении нет ничего “маргинального”. Подобно тому, как пауперизм XIX в. находился в самом центре первой индустриализации, нестабильная занятость является главным процессом, порождаемым новыми технологическими и экономическими требованиями современного капитализма. К удивлению современников, именно в этом состоит “новый социальный вопрос”, имеющий те же масштабы и то же значение, что и пауперизм в первой половине XIX в.»²¹⁷. Логично выделить ряд значимых современных тенденций в изменении труда. 1) *Нарушение устойчивости у тех, кто ранее имел*

стабильное положение. 2) Индивиды *укореняются в нестабильной ситуации*. Возникает «постоянный временный работник», с движением между работой и безработицей. 3) Усиление нестабильности и роли безработицы как проявление *дефицита мест*, которые можно занять в данной социальной структуре. Р.Кастель дает такую характеристику «лишним людям» и приводит свое понимание «негативного индивидуализма»: «Наше общество будто бы с удивлением вновь открывает для себя существование группы населения, которая, как считалось, ушла в прошлое, а именно – “лишних людей”, находящихся в обществе, но не принадлежащих к нему. Это лишние люди, живущие на своего рода социально нейтральной территории, не интегрированы, и их невозможно интегрировать, по крайней мере, в смысле Дюркгейма, говорившего об интеграции как о принадлежности к обществу... В отличие от подчиненных групп индустриального общества – эксплуатируемых, но необходимых, они не могут влиять на ход вещей». Это «социально бессильные» и «лишние нормальные люди». «В современной социальной структуре они занимают такую же позицию, как представители «четвертого мира» в период расцвета индустриального общества: они не участвуют в системе товарного обмена, опоздали на поезд модернизации и остались на перроне со своим скромным багажом... Проблемой является именно сам факт их существования. *Поскольку эти индивиды определяются негативно (бесполезные, социально бессильные), то размеры этой группы трудно определить. И обычно они это сознают*»²¹⁸ (курсив наш – Авт.). Важно отметить, что все больше и больше представителей активного населения все меньше *идентифицируют себя через труд*. Уже XVIII в. может интерпретироваться как встреча двух форм индивидуализации: «Утверждается “позитивный” индивидуализм, связанный с попыткой перестроить общественное целое на контрактной основе. С введением своеобразной контрактной матрицы, индивидуализм стал востребованным, т. е. требовалось, чтобы индивиды, не имеющие средств, действовали как самостоятельные индивиды»²¹⁹ и «негативный индивидуализм», который ощущался как *изъятие* из членства в коллективах. «Это выражение, как, впрочем, и выражение “негативный индивидуализм”, может шокировать, поскольку обычно под индивидуализмом понимают придание ценности субъекту и его независимости

от коллективной принадлежности»²²⁰. Такая форма индивидуализма, которая сочетает полную независимость индивида с полным отсутствием прочности его положения, характеризует «негативный индивидуализм». В прошлом – это образ «бродяги», существа, полностью лишённого связей (дезаффелированного). Он индивид в чистом виде и вследствие этого всего лишен. Все они «индивиды по умолчанию», у которых нет места в обществе. А это ставит вопрос о социальной сплоченности. Необходимо не полное равенство, но базовые условия для всех, минимальная гарантированная социальная защита, являющаяся условием социального гражданства²²¹. *Этот тренд – трансформация индивидуализации – является, на наш взгляд, важнейшей тенденцией, формирующей контуры будущего общества. Вектор развития будет зависеть от таких факторов, как интеллектуальная рефлексия, направленная на понимание ситуации во всей ее сложности, политическая воля, ориентированная на социальную сплоченность общества и роль социального государства как института, создающего нормативный базис, противодействующий «негативному индивидуализму».*

3. Тренд целенаправленной биополитики и развития человеческого потенциала

Мировая элита пребывает в раздумьях, каким образом дальше развиваться, какие сделать акценты. Мы выступаем адептами той позиции, что человек является главной движущей силой исторического процесса и одновременно является его бенефициарием, получателем благ. Капитализм – это динамичная развивающаяся система. Но за счет чего? За счет 1) повышения его эффективности как определенного типа социального порядка; 2) осознания историчности происходящих перемен, новых вызовов и реализации соответствующих ответов; 3) развития человеческого потенциала и создания новой экономической теории развития человека.

В последнем, юбилейном докладе ООН 2010 г. сказано: «Развитие человека представляет собой включение в число человеческих свобод права людей на долгую, здоровую и творческую жизнь, право на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; на активное участие в обеспечении справедли-

ности и устойчивости развития на нашей общей планете»²²². В свете этого определения развитие человека имеет три измерения: благосостояние, расширение прав и возможностей субъектов социального действия и справедливость, понятая в плане обеспечения устойчивости результатов во времени, уважения прав человека и других целей общества. В рейтинге 169 стран по ИРЧП (индексу развития человеческого потенциала), складывающемуся из трех базовых показателей: ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ), образования (средняя продолжительность обучения) и ВВП на душу населения в долларах США, Российская Федерация не входит в число стран с очень высоким уровнем ИРЧП, но является государством с высоким уровнем развития человеческого потенциала и занимает 65 место²²³. ИРЧП ее составляет величину 0,719 на 2010 г., где единица составляет 100% ИРЧП. Соответственно ОПЖ составляет 67,2 лет, обучение 8,8 лет, ВВП на душу населения – 15258 долларов²²⁴. Лидеры в рейтинге ИРЧП – Норвегия, Австралия, Новая Зеландия, США имеют соответственно индекс ИРЧП 0,938; 0,937; 0,907; 0,902; ОПЖ составляет 81 год; 81,9; 80,6; 79,6; а ВВП 58810; 38692; 25438; 47094 долларов США.

На основе эмпирических исследований и мониторинга человеческого потенциала в Российской Федерации социологи пришли к выводам: «Россиянам присущ внутренний динамизм и готовность к переменам. При правильном понимании и использовании существует двигатель, способный придать невиданную динамичность развитию России... Этот импульс – интерес к содержанию выполняемой работы»²²⁵. Перспективы экономической модернизации во многом обусловлены состоянием и особенностями человеческого капитала российских работников. Но ситуация с последним может характеризоваться как крайне опасная для перспектив модернизации России. Большая часть работников находится в положении частичной дисквалификации (не востребованности) либо общей деградации – в случае рабочих как группы с учетом проблем ее межпоколенческого воспроизводства. Тревожными тенденциями выступают постепенная люмпенизация рабочих низкой квалификации и массовый уход молодежи в торговлю, а не в индустриальный сектор. К распространению современных стилей руководства оказываются не готовы ни российский менеджмент, ни рядовые работники. Все это может стать серьезными барьерами на пути

инновационного развития России, интеграции ее в экономику знаний, так как базой модернизации является наличие работника, ориентированного на саморазвитие и экономическую рациональность и формирование современной системы производственных отношений. Общий уровень национальной модернизации России в период с 2000 по 2006 г. в рейтинге среди 131 страны мира, по китайским оценкам, составил по индексу первичной (индустриальной) модернизации (ИПМ) в 2006 г. – 97 и оказался на 41 месте, по индексу вторичной (постиндустриальной) модернизации (ИВМ) – 66 и был на 31 месте, по индексу интегрированной модернизации – 59 и занял 37 место²²⁶.

4. Тренд коррекции парадигмы «Номо economicus»

Особенности современного социально-экономического развития, связанные с движением по пути интегрированной модернизации к обществу знаний, заставляют по-новому посмотреть на модель «человека экономического», «Номо economicus». В.Г.Федотова обратила на это внимание: «Существует скорее не кризис экономической теории вообще, а неолиберальной экономической теории, ошибочность ее основного постулата, согласно которому экономическая деятельность первичного агента экономической жизни детерминируется, прежде всего, его экономическим интересом, суть которого в максимизации индивидуальной полезности при минимизации издержек (получение максимума удовлетворения за минимальную плату). Следует признать, по крайней мере, неуниверсальность этой формулы экономической эффективности, ее большее соответствие характеру деятельности, чем природе человека, и напомнить об “экономическом человеке” Смита и Хайека, коренным образом отличным от приводимой его трактовки»²²⁷. «Номо economicus» – это абстрактная инструментальная модель, которая носит редукционистский характер, поскольку не учитывает множество социокультурных и исторических переменных, характеризующих ее признаки. Именно поэтому отношение между «Номо economicus» и человеком, участвующим в реальной хозяйственной жизни, не изоморфное отношение между теорией и практикой, а лишь между предпосылками теории и практикой.

Расширение предпосылочной базы теории за счет, например, воздействия на выделенные параметры «Homo economicus» социокультурной среды, социальных ценностей, принятых в данном историческом сообществе, особенностей национального характера, характеристик человеческого и социального капитала может обогатить образ экономического человека. Сегодня нужна новая экономическая теория развития человека, которая преодолела бы точку зрения, уравнивающую экономический рост и экономическое развитие. Теоретические модели исходят, как правило, из того, что люди озабочены только потреблением, а отсюда цель политики – максимизация роста. В противоположность этому в концепции развития человека центральный тезис – благополучие, которое понимается намного шире. Оно связано с продвижением жизненных планов, доход важен, но таковым является и доступ к образованию, способность вести долгую и здоровую жизнь, влиять на решения, принимаемые обществом, жить в социуме, где уважают и ценят каждого. Таким образом, теоретические и эмпирические модели, исходящие из того, что люди стремятся лишь максимизировать потребление, являются недостаточными для реализации стратегической цели – развития человека и общества. Главными направлениями исследований новой экономической теории развития человека становятся проблемы расширения прав и возможностей людей, социальное неравенство и уязвимость, необходимость устойчивости в развитии.

5. Тренд институционального обеспечения возможностей человеческого развития. Необходимость социологии знания

С позиций теории развития общества от доиндустриального к индустриальному, а затем к постиндустриальному этапу выстраивается схема менеджмента: от управления по инструкциям (иерархический, авторитарный стиль), к управлению по целям (60-е гг. XX в.) и необходимый переход к управлению на основе ценностей (XXI в.), где ценность человеческого потенциала, человеческих ресурсов и компетенций в рыночной экономике становится определяющей, приносящей наибольший доход.

Человеческий капитал и человеческие качества не существуют абстрактно, вне конкретной, изменяющейся по стадиям человеческой жизни. Проблема человеческой жизни и ее воспроизводства в социальном аспекте имеет совершенно новый поворот. Речь идет о феномене «исключения» и «социальной смерти» индивида, о разрыве связей с группой, утрате чувства принадлежности. При повороте в характере труда возникает вопрос о механизмах социальной защиты, о деятельности социального государства, а теория должна дать модель институализированной структуры «социального», предохраняющего от рисков существования в человеческой жизни.

В качестве исключительно значимой пролонгированной тенденции необходим тренд институционального обеспечения возможностей человеческого развития. Последнее отличается от экономического роста, и значительные достижения в этой области возможны даже при отсутствии быстрого роста. Этот факт является обнадеживающим для модернизирующихся стран, которые имеют ограниченные ресурсы.

Подводя итог, можно отметить: станут ли контуры будущего, простирающиеся уже сегодня в тенденциях развития настоящего, благоприятной реальностью, зависит от того, как будет проходить рефлексивная модернизация, осознание противоречий и трудностей современного развития, опирающиеся на социологию знания и политическую волю, на основе эффективного использования современных социальных институтов, поддерживающих позитивный потенциал трендов возможного развития человека.

Глава X

Биополитика, труд и социальное исключение

Прежде всего необходимо отметить, что в научном сообществе существует различное понимание биополитики. Широкая трактовка берет начало от американских политологов Л. Колдуэлла, А. Сомита и Т. Торсона. Она предполагает возможность приложения биологических знаний, значение которых все более возрастает, к социально-политической сфере, к практическому их использованию. Биополитика здесь выступает как составная часть гуманитарной биологии, «которая включает в себя также биоэтику, биосемиотику и широкий спектр других приложений биологии к наукам о человеке и обществе (за пределами политической проблематики)»²²⁸. В то же время существует более узкая аналитическая трактовка, которая впервые была использована М. Фуко и впоследствии стала активно применяться такими постмарксистами и операистами, как Дж. Агамбен, С. Жижек, М. Лаззарато, А. Негри и М. Хардт. Здесь биополитика рассматривается как совокупность мер по управлению индивидами при помощи дисциплинарных приемов и населением как некоей совокупностью живых тел. Биополитика берет под контроль управление здоровьем, гигиеной, питанием, рождаемостью, сексуальностью и т. д. Она, таким образом, является результатом экспансии политики на отдельные аспекты частной жизни, остававшиеся до сих пор за пределами внимания государства. Д. Агамбен, развивая мысль М. Фуко, отмечает, что «... развитие и триумф капитализма не были бы возможны при отсутствии дисциплинарного контроля, осуществляющегося новой биовластью, создавшей, так сказать, при помощи ряда соответствующих техник необходимые ей «послушные тела»»²²⁹. По мнению А. Негри, превращение политики в биополитику теснейшим образом связано с развитием производственных отношений: история последней насчитывает уже несколько столетий, но её расцвет приходится на период формирования общества всеобщего благоденствия в странах Запада, когда потенциал дисциплинарных форм контроля рабочей силы в целом был уже израсходован²³⁰. Современные формы биополитического контроля при этом не отменяют прежние формы дисциплинарного, такие, например, как тейлоризм – основанную на точном хронометраже систему организации труда и управления производством,

которую В.И. Ленин называл «утонченным зверством буржуазной эксплуатации». Биополитика сегодня открывает новые источники улучшения управления рабочей силой, теперь, что важно, ставшей частью общества потребления.

Расцвет форм биополитического контроля совпадает по времени с переходом экономик западных стран к постиндустриальной фазе, когда преобладающей формой труда стал постфордистский труд, вовлеченный в коммуникацию, кооперацию, производство и воспроизводство аффектов²³¹. Продукт постфордистского труда, как правило, нематериален, поэтому трудовой процесс зачастую проблематично подвергнуть хронометражу. Постфордистский труд требует не просто способности рабочего к продуктивной деятельности, но саму его жизнь, его сущность, а в частности – его интеллектуальные возможности, языковую компетенцию и даже улыбку. Главная особенность постфордистского пролетариата – творческая способность производить, на которой всецело покоится поздний капитализм. Это работа, на которую пока не могут и не смогут в обозримой перспективе покушаться машины.

Отнюдь не случайно на заре позднего капитализма (1960-е гг.) в экономической науке появляется понятие «человеческий капитал». Оно получило широкую популярность, теория обрела множество последователей, в том числе и в нашей стране, а его автор, Т.Шульц, получил за концепцию «человеческого капитала» Нобелевскую премию 1979 г. Привлекательность теории объясняется с двух точек зрения: она показывает основной источник роста в новых экономических обстоятельствах и создает условия для моральной легитимации позднего капитализма. Так, в эпоху индустриального капитализма рабочий был простым придатком машины, выполняющим в идеале одну единственную функцию в течение всего своего рабочего дня. Роль личности в производственном процессе элиминировалась, рабочий становился своего рода биологической машиной ценой крайнего физического и нервного напряжения. На этапе становления капиталистических отношений уже А.Смит указывал, что работник в результате углубления разделения труда становится односторонним, ограниченным существом. Эта ограниченность является платой за рост общественного богатства. Критики капиталистического способа производства, начиная с Ж.-Ж. Руссо, считали этот момент одним из главнейших доводов про-

тив капиталистического хозяйствования, в то время как защитники существующих экономических отношений рассматривали последствия разделения труда для работника как неизбежное зло, сопутствующее социальному прогрессу.

Появление концепции «человеческого капитала» лишь по видимости устраняет рассматриваемый нами антагонизм между гуманистическими ценностями европейской культуры и капитализмом. Т.Шульц, Г.Беккер и С.Кузнец впервые экономически обосновали идею о том, что инвестиции в человека – в его знания, умения и навыки, т. е. в его социальную компетентность – являются определяющим фактором интенсивного экономического развития, построения инновационной экономики. Ранее расходы на развитие человеческих ресурсов рассматривались экономистами исключительно как затратная статья. Теперь считается, что основу экономического потенциала наиболее развитых стран на три четверти составляет именно «человеческий капитал». В то же время для стран с догоняющей экономикой низкий уровень человеческого капитала является одним из наиболее существенных препятствий на пути успешной модернизации. Иными словами, в инновационной экономике главную ценность представляют не производственные фонды, а специалисты, которые являются носителями и производителями знаний, необходимых для эффективного функционирования экономики и общества в целом. Если эта теория имеет под собой основания, то из неё следует, что в современной экономике большая часть инвестиций по необходимости должна приходиться на человека как субъекта экономической деятельности. Однако видимость того, что цели современного капитализма (когнитивного, т. е. основанного на знаниях) вполне совпадают с интересами рабочего как человека, стремящегося к самоактуализации и полноценной жизни, на деле оказывается обманчива. Ключевая задача биополитики, как уже отмечалось, заключается в обеспечении максимально возможной производительности труда. В настоящий исторический период это становится достижимым благодаря более полному, нежели ранее, использованию человеческих ресурсов, которые в связи с этим приобрели статус капитала. Если индустриальный капитализм использовал потенциал «дрессируемых тел», то поздний, когнитивный капитализм применяет в качестве основного ресурса знания и умения современного работника:

«Никакое знание не может находиться в обращении независимо от человека – носителя знания. То, что попадает в обращение при помощи носителей, не являющихся человеком, с нашей точки зрения, является не знанием, а сведениями, данными или, в определенных случаях, информацией. Сказанное подразумевает, что контроль и эксплуатация знания проходит через контроль над живыми людьми, их жизнью и деятельностью в качестве когнитивных субъектов»²³².

Поскольку не настал еще тот день, когда граница между человеком и машиной стерта, только человек может быть носителем знаний, умножать их и творчески использовать. А значит, в эпоху когнитивного капитализма работник по-прежнему остается объектом эксплуатации, а его труд источником прибавочной стоимости. Современный капитализм остро нуждается в кадрах, перманентно пребывающих в процессе самообразования, т. е. увеличивающих свой «человеческий капитал». Именно эти работники представляют передовую линию когнитивного капитализма, они составляют костяк наиболее прибыльных сверхсовременных производств, которые зачастую вовсе не производят никаких материальных продуктов, но ограничиваются высокорентабельными манипуляциями, связанными с маркетингом, разработкой, скупкой и продажей информационных технологий и инфраструктурных решений, внедрением инноваций и просто спекулятивными операциями. Проблема заключается в том, что эта наиболее рентабельная сфера когнитивных технологий, которая, безусловно, требует высококвалифицированной рабочей силы, в полном смысле слова обладающей высокими показателями «человеческого капитала», не нуждается в большом количестве трудовых ресурсов. Привлекательная сторона постфордистского труда представлена работниками таких гигантов когнитивного капитализма, как Google inc., где нет никакого жесткого графика работы, а на рабочем месте можно смотреть фильмы, играть в настольные игры или пойти на бесплатный массаж и т. п. При этом в компании даже уборщицы становятся долларовыми миллионерами. Все это очень непохоже на эксплуатацию, но это и не благотворительность. Однако этот пролетариат сосуществует с другим, более массовым проявлением постфордистского труда – работником, удел которого

скитаться от одной непостоянной работы к другой и накапливать сроки практически неоплачиваемых стажировок без определенных перспектив на будущее.

Переход развитых стран к постиндустриальной фазе экономического развития привел к очень серьезным негативным последствиям, на которые далеко не всегда обращают внимание. Инноватизация производства и перенос трудоемких отраслей в страны третьего мира создали предпосылки для уменьшения показателей экономического роста внутри развитых стран, т. к. в сфере услуг, которая теперь стала доминировать над реальным сектором экономики, невозможно быстрыми темпами наращивать производительность труда. Именно поэтому страны Южной и Восточной Азии с дешевой рабочей силой стали локомотивом мировой экономики – они стали переживать бурную индустриализацию. В то же время основные свои активы гиганты когнитивного капитализма развитых стран западного мира (Google inc., Facebook и др.) предпочитают держать в оффшорах, что позволяет им снижать налоговую нагрузку со сверхприбылей до весьма незначительных величин. Попытки противодействовать уходу от налогов натываются на ожесточенное сопротивление акционеров. Таким образом, экономика знаний реально создает не самые приятные перспективы для обывателя. Страдает в первую очередь социальная солидарность между экономически активным и неактивным населением, что усугубляется существенными проблемами в демографической сфере. Социальное государство не в состоянии более работать, когда экономически активное население становится меньшинством, как это повсеместно произошло в развитых странах, и, более того, активное меньшинство страдает от массовой безработицы (около 9 % в США и Евроне, 5 % в Японии). Вместе со структурными изменениями в экономике и ростом безработицы происходит постепенный переход от бессрочных трудовых договоров к срочным, частичной занятости, аутсорсингу и прочим ранее атипичным формам занятости. Заново создаваемые места, как отмечает французский социолог Р.Кастель, на две трети представляют собой именно такие формы занятости, так что постепенно они станут преобладающими: «Становится ясно, что разрушение стабильной занятости и безработица – части современного развития. Они есть необходимое следствие новых способов структурирования занятости.

Это тень, которую отбрасывают промышленная реструктуризация и борьба за конкурентоспособность, действительно очень многих отодвигающие в тень»²³³.

Р.Кастель отмечает также, что около 60 % рабочих мест во Франции требует квалификации на уровне среднего образования и ниже²³⁴. На фоне этих данных становится понятным стремление многих развитых стран сделать высшее образование менее доступным. Если говорить точнее, то система высшего образования все отчетливее будет раздваиваться: одна часть – для технократии, другая – для тех, чье пребывание в системе высшего образования менее обременительно государству, чем содержание дополнительных полицейских сил для контроля над радикально настроенной молодежью.

Сложившаяся ситуация не просто делает безработицу и нестабильные формы занятости нормой, но и, создавая условия для разрушения социального государства, ставит на передний план проблему лишних людей, которых невозможно ни полноценно интегрировать в общество, ни просто экономически поддерживать их существование на более или менее приличном уровне. Интересно, что ситуация в новых индустриальных странах отличается несущественно. Для того чтобы яснее понять ближайшее будущее наёмного труда, необходимо обратиться к нынешнему локомотиву глобальной капиталистической экономики – Китаю. Хотя номинально он не является капиталистической страной, но всё же интегрирован в капиталистическую систему международного разделения труда. Рост ВВП Китайской Народной Республики за последние 20 лет колеблется от 6,5 % до рекордных 13 %. Залог экономического успеха Китая – строгая иерархия, дисциплина и обилие дешевой рабочей силы. При этом количество незанятого городского населения ежегодно увеличивается на 24 млн человек, однако даже с учетом жесткого государственного планирования Китай не в состоянии создавать более 9 млн. рабочих мест (по данным доклада «Анализ и прогноз социальной ситуации в 2004–2005 гг.», составленного Академией общественных наук Китая). Ситуацию с увеличением безработицы нельзя объяснить только демографическим ростом. Уровень рождений на одну женщину в Китае сейчас составляет 1,6–1,7, что ниже уровня простого воспроизводства. На самом деле причина массовой без-

работицы в Китае та же самая, что и в других странах – инноватизация производства под давлением международной конкуренции. Она неизбежно исключает из оборота низкоквалифицированную рабочую силу, преимущественно из сельской местности. Обезземливание крестьянства усугубляет проблему безработицы, что выражается в неиссякаемых потоках бесправных трудовых мигрантов, продающих свои услуги в мегаполисах за миску риса. Изобилие незанятых человеческих ресурсов положительно сказывается на экономическом росте. Безработные создают давление на рынок труда и не позволяют зарплатам превысить порог, делающий продукцию неконкурентоспособной. Однако социальный эффект массовой безработицы поражает. Китайские города наполнены большим количеством калек- Попрошайки с увечьями, которые крайне трудно получить естественным путем. Малоимущие под страхом голодной смерти попадают в отработанную индустрию калечения, проституции, купли-продажи. Особенно это касается детей. Источником прибыли, извлекаемой из них, является уже не способность к труду, но сама телесность в чистом виде. Исключенные из нормальной системы производственных отношений, они входят в капиталистический мир с черного хода, составляют неделимый остаток, позорно напоминающий о цене экономического чуда. Пример Китая говорит о том, что вряд ли какой-либо стране мира удастся в ближайшей перспективе уйти от проблемы лишних (экономика делает их ненужными для общества) людей. Эта проблема становится повсеместной.

В Рио-де-Жанейро бразильское правительство проводит войсковые операции с применением тяжелой армейской бронетехники против обитателей фавел. В Индии строительству суперсовременных технических кластеров противостоят голодные бунты безземельных крестьян. Силы подавления подобных восстаний лишней раз свидетельствуют о том, что правительства бессильны хоть как-то решить проблему лишних людей: танки и полицейские дубинки – не самое лучшее средство против нищеты и бесправия. Наоборот, применение силы свидетельствует о том, что сохранение status quo отныне является более приоритетной задачей, нежели решение проблемы. Экономические интересы берут верх над общественными. Экономика вступает в противоречие с потребностью социума в сохранении целостности и стабильности.

Все эти люди, влачащие жалкое существование на фоне фешенебельных вилл и небоскребов, не вписываются в существующий мировой порядок и не могут быть полноценно интегрированы в него при сложившейся системе производственных отношений. Более того, продолжение тенденции к удорожанию продуктов питания и энергоресурсов будет расширять ареал массовой люмпенизации и социального исключения.

Суть современной биополитики, таким образом, заключается в ее двойственности: в обеспечении высокого уровня производительности труда и в управлении рисками, связанными с ростом социального исключения. Можно предположить два основных варианта развития этой ситуации, пессимистичный и оптимистичный: «общество для рынка» или «рынок для общества» соответственно. Как отмечают В.Г.Федотова, В.А.Колпаков, Н.Н.Федотова, первый сценарий развивается уже сейчас, а второй предполагает такой социальный проект, для «которого экономика – всего лишь механизм решения социальных задач, механизм справедливого распределения доставшихся всему человечеству благ»²³⁵. Оптимистичный, он же эгалитарный, вариант принципиально несовместим с нынешней системой глобального капитализма. Этот сценарий не может реализоваться сам собой, а требует целенаправленного движения как в области мысли, так и в реальной политической практике.

Глава XI

Человек в разных моделях модернизации

Для анализа того, что может ожидать российское общество в следующие десятилетия, необходимо проанализировать глубинные внутренние мотивации людей и их наиболее вероятные деятельностные воплощения в ближайшее время. Пытаясь найти определенные аспекты, побуждающие человечество к изменению, движению и развитию, необходимо сформулировать социальную, социокультурную и психологическую составляющие идеологии и практики модернизации. При этом важным является вопрос о наполнении внутреннего мира людей, ибо это один из определяющих аспектов в дальнейшем развитии страны, то, как люди представляют себе историческое прошлое и как воспринимают свою биографию и проектируют ее, создавая стратегии своего личного будущего. В частности, без ясного представления о душевных устремлениях большинства людей нельзя понять, будет ли правильнее опираться как на вдохновляющие парадигмы на идеи свободы, либерализма в целом, сделать акцент на саморегуляции процессов в обществе и экономике, разумного эгоизма как добродетели, конкурентности и самореализации без препятствий или на планировании и перераспределении в равных условиях, справедливости и целесообразности с позиций государства. Важно понять, что из этого постулируется общественным сознанием как внутреннее, психологически более органичное сейчас.

Идеи, вдохновляющие к развитию страны, часто связаны с обещанием чего-то подобного построению идеального общества на Земле в более или менее отдаленной перспективе. Классическая либеральная идеология скорее связана с менее отдаленным временным горизонтом, более близким будущим, реализацией «американской мечты» в пределах биографии. Социалистическая идеология как более утопическая отодвигала воплощение мечты на отдаленную перспективу, но все равно максимум в следующем поколении, в видимом будущем. т. е. всякая культура и идеология неизбежно содержала в себе какое-то представление о ближайшем столетии как минимум. Вместе с тем в процессе изменения представлений человечества о своем будущем обнаружили новые тенденции и закономерности этого отношения. Как отмечает

в своем исследовании Д. Уилсон, представления об общем для всех будущем менялись с течением времени, оказывая значительное влияние на культуру, политику и социальные, в том числе религиозные движения²³⁶. В европейской культуре во времена Средневековья и в ранний период Нового времени будущее рассматривалось или сквозь призму истолкования библейских текстов и пророчеств, идей предопределения, неизбежности Страшного Суда, невозможности однозначно определить время его наступления и конца человеческой истории, или опосредствованно – через влияние народных верований со следами в них идей судьбы, фатализма, колдовских предсказаний, попытками принимать решения при помощи астрологии и т. д. По мнению Д. Уилсона, возможно, что в силу ограниченности вариантов в христианский период западноевропейской культуры у людей было наиболее уверенное представление как о прошлом (перечень уже описанных в Библии событий и свершившихся библейских пророчеств), так и о будущем, состоящем, согласно этой логике, из пророчеств, которые неизбежно должны когда-нибудь исполниться. Поскольку большая часть религиозных предсказаний и пророчеств достаточно смутны и универсальны, они обладали почти неограниченной способностью к адаптации. Момент неопределенности заключался здесь в невозможности установить, когда именно наступит конец истории, но склонность религиозного сознания к апокалиптичности и вере в самореализующиеся пророчества и сегодня проявляется в периоды кризисов²³⁷.

С приходом Просвещения влияние секуляризации, распространение образования и рост научного знания постепенно изменили прежние представления о характере и значении человеческой истории. Западнохристианские религиозные, финалистские, отчасти апокалиптические версии будущего стали испытывать влияние концепции линейного времени как бесконечного прогресса, развивая западноевропейскую духовность в совершенно новом направлении и меняя представления людей о своем месте в этом мире. Центральными моментами культурного, отчасти литературного представления о будущем стали разум, рациональный социальный порядок, личная свобода, добрая воля и сознательность граждан, просвещенное и справедливое правление, секуляризация и технологический прогресс, что отразилось в философии и распространившихся утопических произведениях в литературе. К XVIII в.

будущее все больше рассматривается в терминах прогресса, триумфа технологии и разума над природой и страстями. В то же время мы наблюдаем сейчас последствия неверно применяемой научно-технической мощи к разбалансированной экологии, осознаем потенциальную разрушительную силу множества технологий, обнаруживаем, что человеческая личность невозможна и без «эмоционального разума», чувства сопереживания и способности солидаризироваться и что человеческая природа, похоже, вообще слишком хрупка для всех требований, которые к ней предъявляли прогрессисты.

Изменилась внутренняя мотивация людей как в их повседневной жизни, целеполагании, в создании новых общественных институтов, так и в качестве участников экономической деятельности. Вместе с тем постепенно, по мере продвижения современности и эти возвышающие над рутинной идеалы и культуруобразующие понятия перестают работать, превращаясь, как отмечал в своих работах П.Штомпка, во вдохновляющий или травматичный исторический опыт²³⁸. Представления видоизменяются, прежние идеи и стимулы должны быть переведены на актуальный для эпохи язык.

Тип человеческой личности, сформировавшийся под влиянием суровых условий раннего европейского капитализма эпохи промышленной революции, приобрел черты культурного образца еще раз, уже в нашу эпоху. Человек, способный к такого рода деятельности, стал востребован в связи с идеей необходимости модернизации сверху тех сообществ, в которых она исторически была пройдена не до конца. Отдельно взятые идеи либерализма, к примеру, конкурентности, рационализации жизни и личной ответственности за судьбу сделались более притягательными в культурном отношении уже в XX в. Эти идеи приобрели воодушевляющую силу несмотря на то, что понятна была их некоторая иллюзорность, сконструированность, безотносительность к практике реального капитализма.

Говоря о социальных и духовных функциях размышлений о будущем, Д.Уилсон отмечает, что для беззащитных или разрозненных людей, не имеющих возможности жить, как им бы хотелось, в настоящем, именно будущее становится мощным источником надежды и комфорта. В этом восприятии будущего сходятся две европейские культурные традиции: религиозная, в которой

независимо от того, насколько плохи дела сейчас, в конце концов праведники будут жить в мире, процветании и гармонии, и прогрессистская, согласно которой технологические, политические, социальные и экономические перемены создадут более просвещенное, рациональное и справедливое общество. Поскольку именно идея прогресса была той основой, из которой позже сформировались теории модернизации, она до сих пор на личном уровне требует от человека непрерывного развития с целью соответствия требованиям современности. Как и прежде, новые представления об индивидуальном будущем складываются в рамках нескольких архетипических моделей: либо это достойное вознаграждение за усилия, усердный труд; либо на него распространяется идея возмездия за отсутствие труда и упорства. Однако в секулярной картине имидж негативного будущего изменился, если можно так выразиться, сменился объект воздаяния: вина в меньшей степени лежит на внешних причинах личных неудач, но в большей степени переносится на самого индивида. В первую очередь причиной катастроф становятся не обстоятельства или чья-то злая воля. Тогда будущее как воздаяние представлялось бы временем, когда угнетаемый возвысится и уничтожит своих угнетателей, например, такое похожее на библейское оправдание воздаяния применялось бедными против богатых. В новом видении будущего как воздаяния источником краха своих жизненных планов во многом становится сам индивид, и общество, прогнозируя его будущее, видит его вину в недостаточной защите им его же собственных интересов, отказе от самосовершенствования и рационального планирования. Как полагает Д. Уилсон, таким образом проявляется секуляризация представлений о человеке, новоевропейская концепция личной ответственности индивида, невозможность для него более оправдаться идеей смирения перед волей Провидения²³⁹.

Таким образом, еще один архетип, дошедший до нашего времени и связанный с представлением о будущем, – это будущее как предостережение, мысль о том, что случится, если человек сознательно не пожелает измениться. Будущее здесь является источником страха, угрозы, и это достаточно традиционный элемент европейской, по преимуществу христианской в своих корнях культуры, когда человек постоянно слышит предостережения о последствиях

неподобающего поведения. Осознав возможные результаты, человек сосредотачивает усилия на том, чтобы предотвратить неблагоприятное развитие событий. Предостережения о будущем призваны, таким образом, изменить настоящее.

Вместе с тем тот отрезок времени, о котором человек мог сказать что-то определенное как о предсказуемом будущем, также не остался прежним. Старый сценарий, подразумевавший построение жизненной стратегии в начале пути и в дальнейшем следование этому плану, сам по себе сейчас не гарантирует карьерного и жизненного успеха. Оглядываясь назад, большинство людей осознает, что то, как им представлялись жизненные перспективы, больше говорит об их надеждах, страхах и конкретных обстоятельствах. Однако для того, чтобы стремление к развитию и самосовершенствованию или его отсутствие выглядели в глазах общества как нечто достойное поощрения или осуждения, необходимо, чтобы эти ценности разделялись многими, большинством. Очевидно, что представления о долге человека перед самим собой и обществом, о том, какая модель поведения и образ мысли должны вознаграждаться лучшим будущим, несильно различаются.

Согласно мнению П.Сорокина, тот или иной поступок является положительной или негативной ценностью не по своему материальному характеру, а по тому довольно формальному отношению, в котором он находится к «должному» поведению. Рассматривая действия, не противоречащие нормам и в то же время превышающие планку долженствования, Сорокин отмечает, что они могут подразделяться на «положительно-активные», «отрицательно-пассивные», состоящие в воздержании от чего-нибудь, от какого-нибудь действия, от чего можно было бы безнаказанно не воздерживаться, что не составляет преступления и не запрещается, а также «неактивно-терпеливые», состоящие в претерпевании чего-нибудь, что можно было бы не терпеть, например, обид и притеснений в общехристианском смысле²⁴⁰. Мысль о компенсациях, ожидаемых от индивидуального и коллективного будущего за усилия сверх обязательных, можно найти как во всех религиозных верованиях, в картинах рая и блаженства, так и в утопиях о будущем счастливом состоянии человечества; и там, и там присутствуют разные виды вознаграждений. По-видимому, надежда на то, что за сверхусилие в будущем ждет вознаграждение, во-

обще присуща человеку, даже если это вознаграждение мыслится беспредметным, нематериальным, как, например, слава, популярность, любовь и т. п. Важно, что общество не принуждает человека к этим сверхусилиям, это его выбор. На него влияют представления о тех потерях и приобретениях, которые он связывает с теми или иными действиями в качестве их последствий. Если какой-то поступок, как пишет П.Сорокин, кажется человеку влекущим за собой ряд желательных или нежелательных для него последствий (счастье, пользу, выгоду, страдание, вред, потери), то это соображение заставляет человека совершить поступок, который без этого не совершился бы²⁴¹. Говоря иначе, здесь представление о будущих благах или угрозах, потерях, вытекающих из его поступка, являются тем особым рычагом, который влияет соответствующим образом на поведение человека.

П.Сорокин считал, что на заре человеческого общества люди не могли представить себе отдаленные цели, а потому последние и не играли какой-либо мотивационной роли, люди не координировали свое поведение сообразно с ними. Чем дальше продвигается человечество в своем развитии, чем культурнее человек, полагал Сорокин, тем большее значение в его поведении играют целевые соображения, так как он становится тем более способным заглядывать в будущее, рассчитывая цепочку последствий своих действий. Но и сейчас люди вполне отдают себе отчет, что положительные и негативные последствия их действий относятся не к области неизбежного, а к области вероятного. Мысль о неизбежности сильнее мотивирует к совершению действий или удерживает от них, чем неопределенная вероятность, дающая надежду, но не гарантию. Потери и приобретения, близкие по времени, кажутся более неизбежными, чем они отдаленнее во времени – тем больше они «гадательны», что объясняется сложностью прогнозирования социальной жизни²⁴².

По-видимому, социально-временной аспект, связанный со способностью человека спрогнозировать ближайшее будущее, неизбежно основан на представлении о жизненных рисках и личной ответственности. Как писала А.Рэнд в работах, идеализирующих разумный подход и триумф воли над обстоятельствами, в повседневной жизни, за исключением каких-то критических, чрезвычайных ситуаций, человек сам должен устанавливать для себя цели,

распределять действия, связанные с ними, во времени, работать над их достижением и, наконец, достигать целей своими собственными усилиями²⁴³. Чрезвычайная ситуация, когда человек ставит интересы другого выше собственных, – такая ситуация по своей природе временна, это непредвиденное, неожиданное зло, действующее в ограниченном промежутке времени, которое можно преодолеть только такой ценой. Она создает условия, в которых становится невозможным человеческое существование в принципе, например, наводнение, кораблекрушение и т. п.; если она затягивается на слишком долгий срок, человек погибает. В чрезвычайной ситуации главная цель даже идеального «разумного эгоиста» – противостояние случившейся катастрофе, спасение от непредвиденной опасности и возвращение к нормальным условиям. Основываясь на общей доброй воле и уважении к ценности человеческой жизни, человек должен оказать помощь ближнему, попавшему в беду, если это в его силах. Однако разумный человек должен видеть разницу между поведением в критической ситуации и в нормальных условиях существования. Он не сможет выполнить обязательства перед самим собой, если его цели окажутся в зависимости от несчастий, случающихся с другими в рамках неизбежных жизненных рисков, таких, как болезнь и нищета. Понятие чрезвычайной ситуации не должно распространяться на все человеческие страдания, нельзя постоянно руководствоваться принципом приоритета взаимопомощи и сотрудничества над интересами отдельного человека. Такие вещи, как бедность, невежество и т. п., – это не те ситуации, которые теоретики разумного эгоизма как добродетели считают метафизически непреодолимыми. Этика альтруизма, полагает А.Рэнд, основана на метафизическом представлении о враждебности мира и беспомощности индивида ним. Но на самом деле, пишет она, единственная обязанность человека перед другими людьми – поддерживать такое положение дел в обществе, при котором всякий своими силами достигает и охраняет те ценности, которые ему необходимы, будь то знания или богатство. Помощь и сотрудничество могут быть предложены в виде исключения, а не правила, и эта помощь будет жестом великодушия, а не моральной обязанностью и, главное, должна оказываться так же спорадически и непрогнозируемо, как редки и непредсказуемы катастрофы, а не повседневная жизнь в обществе риска²⁴⁴.

Р.Нисбет в своей книге «Прогресс: История идеи» отмечает, что идея прогресса, связанная с «очарованностью приращением знания», с мыслью о глубокой и неизменной ценности объективного знания, о долгих веках последовательного накопления информации, – эта идея сменяется чем-то иным. Сейчас знание «о чем-то» – удел ученых, исследователей, историков и представителей академических естественнонаучных дисциплин, чьей главной функцией является углубление наших знаний о Вселенной, обществе и человеке. Более востребованным становится знание «чего-то», что описывает социальные и иные технологии, навыки, техники и приемы, которые человек использует в искусстве жизни²⁴⁵. Возрастает роль «инструментального» знания, происходит своего рода «инструментальная культурная революция».

Социокультурная тенденция к краткосрочным перспективам, в том числе в организации труда, привела к множеству экономических, социально-психологических и культурных последствий, вплоть до медико-социальных. Есть запрос от общества на нового человека, способного немедленно адекватно отреагировать на сиюминутные социально-экономические вызовы. Это требует от людей определенного интеллектуального напряжения, способности выдвигать гипотезы и оценивать вероятности. Из-за быстрой сменяемости приоритетов и конъюнктур, с одной стороны, и непрерывного устаревания и пополнения информации и технологий, с другой стороны, стали важны не только знания, но и умения, компетенции, навыки. В особенности это относится к поиску нужной информации и способов решения задач, так как единожды полученного объема знаний недостаточно, что подразумевает практически непрерывное образование и вообще требует разного рода «инвестиций в человека». Актуальной делается идея мобильности, адаптивности, гибкости (т. н. «флексibility»). Она связана с новыми установками на проектность в менеджменте вместо долгосрочного планирования, индивидуализацию (до «атомизации») задач и ответственности, построение горизонтальных сетевых связей силами не социальных институтов, но людей. По-видимому, это вызвало необыкновенное развитие таких форм усовершенствования личностных и профессиональных навыков, как разного рода курсы, тренинги, развитие системы коучинга и т. д. Эти процессы были связаны в том числе с изменением структуры общественного

производства, характера труда и занятости в постиндустриальном обществе. Р.Кастель в своей работе «Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда», рассматривая проблему в историческом плане, показал, какие сложные цивилизационные процессы на протяжении последних полутора сотен лет привели к изменению взаимоотношений наемного труда и капитала и какое новое содержание приобрели эти понятия²⁴⁶. По-видимому, можно говорить о большей дискретности, неравномерности в складывании профессиональной карьеры и жизненных стратегий, при которой единожды получаемое образование образует только базис личного капитала. Фундаментальное высшее образование – важный символ, своего рода бренд, имеет сложившуюся десятилетиями привлекательность и ценность, но должно непрерывно дополняться. Дипломы и карьерные достижения обесцениваются. Четкие, «фордовские» формы организации труда и производства с иерархичными системами контроля отчасти потеснились, допустив гибкие формы управления трудовой деятельностью, позволяющие быстрее реагировать на постоянно меняющуюся конъюнктуру. Конечно, в первую очередь человек рассматривает систему образования как точку приложения своих собственных интересов, возможность построения конкретной жизненной стратегии, но она также вписана в единый социокультурный контекст. Это дало бы возможность человеку по крайней мере подготовиться к событиям, которые остаются вне его представлений о будущем на данный момент.

Глава XII

Проблемы общества потребления в будущем: локальный консьюмеризм незападных обществ

1. Разграничение понятий «потребление», «потребительство» и «потребительность»
2. Общество потребления
3. Становление общества потребления, или распространение идеологии потребления в незападных странах
4. Локальный консьюмеризм и антиконсьюмеризм
5. Выводы

Общество потребления является особенной стадией развития Запада. Возможно ли оно в незападных странах и если да, то каковы признаки его становления там? Возможны ли различные общества потребления? Теория общества потребления проясняет его возникновение как изменение соотношения производства и потребления. В данной главе предпринята попытка проследить контуры будущих изменений общества потребления.

1. Разграничение понятий «потребление», «потребительство» и «потребительность»

Для понимания сущности общества потребления очень важны три понятия. *Потребление*, *потребительство* и *потребительность* – слова однокоренные, но понятия в определенной мере противоположные. Предложил эту концепцию Ж.Бодрийяр. Потребительство и потребительность противоположны потреблению по разным основаниям.

Потребление – это удовлетворение потребностей. Потребность же в свою очередь является, необходимостью, чаще осознанной. Потребление было и остается необходимым. Человек постоянно нуждается в определенных объектах материального мира.

Потребительство – это принцип, в определенном смысле отрицающий меру. Потребительство является всегда чем-то излишним, сверх меры и не является необходимым²⁴⁷. Оно оказывает влияние на способ социальной дифференциации и традиционные ценностные основы. Синоним потребительства – консьюмеризм.

Потребительность – это свойство избыточного производства оказывать влияние на потребление, способствовать не вполне обоснованному росту его значения. Потребительность осуществляет подмену важности потребления важностью производства самого по себе. Она инвертирует (искажает до противоположного) значимость потребления. Оно теперь имеет значение только в отношении к производству. Вне производства не интересует и потребление. *Потребительство излишне акцентирует потребление. Потребительность излишне акцентирует производство.*

Потребление сначала лишается своей жизненной важности благодаря потребительству, которое выставляет его как нечто излишнее, а затем потребительность, уже использовав эту подмену, выставляет потребление как модус производительности. Понять границу между потреблением и потребительством значит раскрыть идеологию этой системы, увидеть, где склонность к обладанию материальными благами становится патологической. Это позволит сформулировать социальную стратегию в сфере потребления. Осознать разницу между потреблением и потребительностью значит получить возможность устранить или снизить многочисленные риски в современном обществе через перераспределение ресурсов производства и капитала.

Оставив много людей вследствие научно-технического прогресса за пределами производства, Запад второй половины XX в. продолжил стимулировать последнее, ориентируясь на потребительские ожидания. Общество потребления не столько увеличило степень свободы человека, как это могло бы показаться, обеспечив ему возможность роста потребностей, сколько стало использовать их как производительную силу. *Разнообразие потребностей существует потому, что в этом нуждается система производства, создающая объекты потребностей.* Именно функция этой системы наращивать потребление «за пределами» самого производства, как отмечено, называется *потребительностью*²⁴⁸. Человек на Западе необходимо участвует в потреблении, но воспринимает это как результат свободного выбора. Капитал, вкладываемый каждым потребителем, в обществе потребления становится сопоставимым с тем, который вкладывается предпринимателем, или с силой, затрачиваемой наемными рабочими. Ж.Бодрийяр называет вышеуказанный капитал *капитал-потребностью*²⁴⁹. Капитал-потребность

и *капитал-сила* (его же термин) являются выражением двух форм эксплуатации: социальной и технической. Точнее говоря, потребление и труд есть формы эксплуатации, одна из которых реализуема технически, непосредственно (производственно), а вторая – социально опосредованно (идеологически). Потребительность является структурным компонентом системы производства и возникает только в технологически развитом обществе Запада. До вытеснения человека из производства не могло возникнуть общество потребления, потому что отсутствовали материально-формальные причины для потребительской идеологии. Излишества сами по себе, в виде традиционной роскоши, существовали и в досовременные эпохи.

Потребительность исказила потребление так, что оно стало средством рационализации производства, усиливающим отчужденность человека от продуктов труда, вытеснившим его из производства и от себя самого с помощью ложной индивидуализации и перемещения на ценностном уровне на поиски блага в область исключительно материального.

2. Общество потребления

Общество потребления проявляет себя и в западных, и в незападных странах. Если потребительность свойственна только первым, то потребительство, несущее с собой идеологию потребления, распространяется повсюду. То есть общество может не быть потребительским, а консьюмеристские ценности будут в нем представлены.

Незападные страны оказываются соблазнены потребительской идеологией. Модерн их интересует только в связи с достижением благосостояния. Изобилие благ, а не рациональность институтов Модерна – вот к чему стремятся незападные общества. Современность для них – вынужденная мера, нечто, что противоречит их традиционному укладу жизни и культуре. Потребительское общество в аспекте изобилия благ (потребительство), а не развитости производства (потребительность) – это в целом общая установка незападных обществ. Риск связан с тем, что она способствует распространению потребительской идеологии, а не становлению са-

мого общества потребления. Причины благосостояния ищут в автотонном, досовременном, а формы благосостояния принимают современные, западные.

Какое же всё-таки общество пытаются построить незападные страны? Что является целью их и общества потребления Запада? Благосостояние для всех, изобилие благ и равенство в удовлетворении потребностей? Не совсем так. Относительно последнего, скорее, равенство всех «перед потребностью» (Ж.Бодрийяр)²⁵⁰. Но в западном обществе люди часто не готовы так служить потребности, как не готовы служить рациональности и труду. Незападное общество постоянно испытывает внутреннее расхождение в том, что оно стремится к современному изобилию, не совсем осознавая, что такое современное потребление, то есть, что оно детерминировано двумя факторами: состоянием производства и определенной потребительской идеологией.

Модернити, или современность, содержит в себе несколько противоречий, которые любое западное общество должно будет разрешить. Первое заключается в том, что утверждение общественной формы происходит с постоянным переустановлением конечного состояния достигаемой формы. Для западных обществ это часто означает постоянно отложенный Модерн, а не жизнь в модернити. Сложность состоит в том, что остается неясным, какую стадию развития Запада следует догонять.

Сегодня термин «поздняя современность» несколько уточнен в иерархии меняющихся ее форм. Первая современность XIX в. была либеральной, вторая XX в. – **организованной**. Ее кризис конца 1960–1990-х был заполнен идеями перехода от современности к постсовременности, не подтвердившимися в связи с появлением Третьей современности как нового Нового времени для западных стран²⁵¹. Часть теоретиков считают, что постмодерн являлся ответом на кризис поздней (Второй современности). В Третьей современности появляются новые проблемы, потому что центров развития стало несколько. И потеряла свою легитимность догоняющая модель развития, элементы которой, но уже не обязательно догоняющей Запад, еще используются, но в целом переход в Третью современность связан с отказом от нее. Ее принципы полностью отбросить нельзя, пока существует фатальное и очевидное отставание развивающихся стран. Но в целом догоняющая Запад

модель заменяется моделью многообразия модернизаций и способов их осуществления в разных странах. Новое время для незападных стран становится неопределенным, текучим, содержит больше рисков. Концепция Третьей современности не отрицает полностью и следования определенным образцам. На данном этапе в фокусе перехода к модернити может оказаться Китай. Остается немного, чтобы перенести центр экономической жизни мира в Тихоокеанский регион или как минимум зафиксировать новый крупный «очаг» модернизации. «Можно предположить, что Китай станет образцом развития для нового типа модернизации, и, возможно, это развитие будет догоняющим для тех, кто решит последовать за Китаем»²⁵².

Уровень потребительских запросов Запада вообще сложно догонять, поскольку в этом случае будут нарастать опасности экологического характера. Запад оставляет за собой право на избыточные потребности, на потребительство, хотя именно с помощью последнего он соблазняет другие страны. Второе затруднение состоит в том, что ускользающие, переменные *признаки* модернити могут противоречить *причинам* модернизации. Или, другими словами, некоторые признаки современности противоречат причинам перехода в нее. В поздней современности потребительство не только растёт, но и претендует на саму организацию материальной формы жизни. В действительности её определяет способ производства, но заимствование способа потребления происходит быстрее, чем утверждение способа производства, хотя именно последний фундаментальным образом влияет на развитие. В обществе возникают образования, похожие на классы, где силы индивидов складываются в системе не производства, а потребления. Высший и средний «классы» принимают потребительский стиль жизни и разделяют соответствующие ценности, однако их материально-формальная сторона неоднородна, подвижна и полна социальных рисков. Наконец, третий парадокс состоит в том, что модернизация инициируется как проект улучшения всего общества, но может повредить его частям, притом значительным, а иногда важнейшим, помешав удержать на уровне крупных общественных структур преемственность в стадиях модернизирующегося незападного общества. Последнее рано или поздно, наконец, должно прийти к пониманию, что экономика не исчерпывает и не объемлет жизнь общества, что

важной составляющей является культура. Однако экономика второго Модерна сама породила некое подобие ее – потребительскую культуру. Поэтому незападное общество может, наряду с модернизацией экономики и производства, протекающей в той или иной степени удачно, подвергнуться риску замещения своей собственной локальной культуры потребительской.

Западу необходимо пространство для роста, поскольку этого требует капиталистический способ производства. Но даже при этом перед Третьей современностью все равно остаётся проблема, поднятая, но так и не решенная постмодерном, о котором и начали говорить тогда, когда, во-первых, в модернизацию вступили западные страны (Япония), а во-вторых, когда в нее включается множество культур, а не только экономик. Дело в том, что западные общества и в Третьей современности не будут стремиться к ней самой по себе. Им нужно изобилие благ, а не абстрактная идея, вокруг которой фокусируются усилия общества. Таковую они, вероятно, найдут в чем-то западном, в собственной истории, например.

3. Становление общества потребления, или распространение идеологии потребления в западных странах

Остаются ли всё-таки признаки, понятные критерии, формы, которые выявляют распространение потребительства? Как можно определить степень развития потребительских интенций в обществе? Нельзя сказать, что потребительство совершенно не влияет на общественную форму материальной жизни западных стран. Несмотря на то, что уровень и характер развития производства определяют ее в большей степени, способ организации потребления также стимулирует производство. Важно понять, как происходит в западных странах синтез идеологических и материальных форм потребительства.

Воздействие распространения потребительской идеологии проявляется через три специфические локации: *место*, *среду* и *область потребления*. Термины введены Ж.Бодрийяром²⁵³. Изучая их, исследователь, собственно, и может понять, насколько произошло усвоение идеологии потребления.

Среда потребления – это физическое пространство крупного современного города, где реализуются суммарные институциональные усилия буржуазии, включающие материальную и идеологическую части. Во-первых, это физическое укрупнение форм – от магазинов и лавок к гигантским торговым центрам. Во-вторых, это замещение торговых центров торгово-развлекательными. Само появление развлекательной составляющей уже позволяет сделать вывод о выходе потребительского аппарата за рамки только предметной материальности. Теперь деятельностный аспект оказывается вовлечен в систему потребления. Здесь можно говорить о смешении атрибутивной и досуговой частей потребления. Происходит локализация в едином пространстве их обеих, в прошлом значительно расходившихся и во времени, и в пространстве. Для капиталистического способа производства «торгово-развлекательный» характер потребления является просто новым шагом в рационализации производства. Символическое измерение среды потребления возникает именно тогда, когда подготовлена пространственно-материальная среда крупного западного города.

Область потребления – это вертикальная стратифицирующая структура потребностей, в которой действуют механизмы социальной дифференциации. Материальные блага выступают здесь в качестве различительного материала. Важным признаком является наращивание вертикали потребностей. Внутри нее возникают потребительские ниши, переходы между которыми прозрачны, открыты. Эта открытость является искаженной мерой социальной свободы. Фактически в разрегулированном мире Третьей современности формирование области потребления является самым очевидным и действенным способом упорядочить социум. Западные страны выстроили свои общественные иерархии, и область потребления при переходе таких обществ в современность может складываться конфликтно, вступая с традиционным порядком в противоречия, которые им необходимо будет разрешить.

Наконец, *место потребления* – это сфера повседневности, фрагментирующей социальное пространство и время так, что в фокусе внимания человека оказываются краткосрочные, сиюминутные ожидания и планы. Утрачивается видение дальней перспективы, снижается степень влияния чувства долга, ответственности. Первая локация представлена в физическом, две остальные – в со-

циальном пространстве и времени. Место потребления оказывает сильное влияние на традиционные и модернизирующиеся общества. Пространство повседневности приглушает мироощущение человека как в западных, так и в незападных обществах. Традиционное чувство долга (аристократическое, религиозное, родительское), преодолевающее повседневность, может утрачиваться в ходе модернизации. Оно замещается структурами повседневности, краткосрочными планами, которые отрицают цель высшего порядка и уменьшают роль целеполагания как принципа. Коммерческие стратегии стремятся вытеснить не только конкурентные подходы внутри рынка, но и духовные, культурные, семейные и другие связи, находящиеся за пределами рынка и капитала, принципиально не сводимые к последнему.

Специалисты отмечают, что неопределенность будущего вследствие краткосрочного планирования, притом узкоспециализированного (экономического, маркетингового), ведет к многочисленным рискам. Насыщенное неопределенностью общество вынужденно обретает уверенность в предельно овеществленной форме, в материальных благах и капитале. Место потребления создает противоречивое пространство напряженной праздности, где эта напряженность устраняется в акте потребления. При этом человек не может существенно менять свою жизненную стратегию.

Таким образом, потребительские идеалы могут находить свое выражение в потребительских запросах не только развитых, но и развивающихся и даже бедных стран. Здесь потребительские ожидания и запросы, как представляется, подчинены желанию обладать материальными благами, которое эксплицируется из идеологии потребления. Незападное общество находится в состоянии специфической разделённости модернизации на сферы производства и потребления, развивает первую потребителемскими запросами, пытаясь одновременно их перенести в свое экономическое пространство. Здесь есть противоречия. Во-первых, потребительство Запада несет с собой идеологию потребления и потребительскую культуру. Это значит, что потребительские запросы Запада включаются как в экономическое, так и в культурное пространство незападных обществ. Во-вторых, производство и потребление не только находятся в тесной взаимосвязи, но она образует самые общие формы материальной жизни. Несоответствие способов произ-

водства, способов потребления и общих форм материальной жизни образуют позднесовременную динамику глобального консьюмеризма. Незападное общество, чтобы развивать современное производство, вынуждено принимать и современные потребительские стандарты. Последние усваиваются быстрее, особенно в верхней (элитарной) части общества. Однако чем больше становится разрыв в потреблении между верхними и нижними слоями общества, тем менее современным оно становится. Консьюмеризм оказывается ближе традиционной роскоши, а не позднесовременному потребительству. Развитие производства, и без того запаздывающее в незападных странах, может предельно замедлиться, даже остаться досовременным при таком положении дел. Общество в лучшем случае становится или остается индустриальным, в худшем – доиндустриальным, сырьевым, но не обществом потребителей.

В чем же именно модернизирующееся потребление с уклоном в традиционную роскошь в незападном обществе отличается от современного модернизированного консьюмеризма? В позднесовременной области потребления Запада, как и в традиционной роскоши, есть вертикальная структура (см. определение области потребления). В первой переход между слоями общества, притом многочисленными, прозрачен и лёгок. В последней же разрыв между верхами и низами огромен и непреодолим. П.Стирнс указывает, говоря о традиционном потреблении, что в этом случае «потребляются принципиально разные товары»²⁵⁴. Иначе говоря, незападному обществу нужно отличать признаки роскоши от признаков высоких потребительских стандартов. Или, другими словами, оно может ошибочно принять признаки традиционной роскоши за признаки высоких потребительских стандартов в обществе. Далее, отличия традиционного потребительского аппарата с его вечным базаром и лавками от позднесовременной среды потребления. Они находятся в одном и том же физическом пространстве города. Отличие в том, что в последнем потребление приравнивается к труду. Приходя на традиционный рынок, человек выступает только как потребитель. Посещая позднесовременный торгово-развлекательный центр, человек выступает и как потребитель, и как рабочий, прикладывая усилия для стимулирования производства. И последнее, к вопросу о месте потребления как о специфическом пространстве повседневности, наполненном социальной неопределенностью, рисками,

краткосрочными коммерческими планами. Для него характерно отличие от традиционных временных длительностей. Долг война, служба священника, призвание учителя или труд крестьянина – все это является более стратегической, преодолевающей повседневность деятельностью. Потребитель же может запланировать свой «труд» на несколько лет вперед, но все равно задачи, лежащей вне одного дня, не возникнет. Для позднесовременного потребителя важно, что он делает сегодня или завтра. Но как увязать это в пределах месяца, года, века, ему совершенно неясно. Это и порождает ситуацию отсутствия ценностей, нравственного занижения культуры и повышения статуса самих материальных благ, который и становится по-настоящему социальным, чуть ли не единственным понятным признаком общества.

4. Локальный консьюмеризм и антиконсьюмеризм

Для незападных обществ их локальная модель потребления в значительной степени будет выстраиваться как антиконсьюмеристская модель, противопоставленная западному консьюмеризму. Они, разумеется, могут находить основания для своих локальных консьюмеризмов в собственной истории. Так, в Китае в период Чжоу (X–VIII вв. до н. э.) социальный ранг определял всю «совокупность материальных благ, которыми мог пользоваться данный человек»²⁵⁵. Покрой одежды, количество еды, размеры жилища и характер внутреннего убранства дома – все потребляемые блага строго фиксировались за определенным слоем общества. Например, интерьер дома вана (правителя) отделялся тесаным, полированным и инкрустированным камнями материалом, дом чжухоу (главы наследственных владений) изнутри был тесаным и полированным, в доме дафу (главы племенной группы) были только тесаные балки. Четкая нисходящая последовательность была также и в остальных предметах потребления. Но такие модели не могут быть современными. Скорее они будут традиционными или архаичными.

Разобраться нужно вначале с антиконсьюмеризмом. Впервые, он возникает как в западных, так и в незападных странах. Локальный консьюмеризм пока, вероятно, может быть свойственен только для незападных обществ. Западный же сближается, но не отождествляется с глобальным консьюмеризмом.

Антиконсьюмеризм – понятие, не определенное строго. Это и личный отказ от материального (аскетизм), и бережное потребление («custodian consumption»), и добровольный упрощенный стиль («voluntary simplicity lifestyle») жизни, и политический механизм («political consumerism»), и общественное движение (например, экологическое, «green consumerism»). Производя социально-философский анализ, следует остановиться, во-первых, на личном, во-вторых, на религиозных и политических аспектах антиконсьюмеризма. И, наконец, на том, что представляет наибольший интерес – на классовом аспекте антиконсьюмеризма. И здесь находятся самые интересные противоречия.

1. Личностный аспект антиконсьюмеризма.

Здесь антиконсьюмеризм в пределе понимается как возможный отказ от некоторых аспектов материального. В духовных традициях такая практика называется аскезой. Австралийская исследовательница потребления Х.Шерье фиксирует, что гигантский разрыв между консьюмеризмом и отказом от материального можно преодолеть. Её позиция заключается в концепции бережного или охранительного потребления (custodian consumption). Дело в том, что в консьюмеризме она выделяет как главную черту не избыточность потребления (сверхнеобходимое), а потребительское ускоренное устаревание вещи. В связи с этим она предполагает, что охранительное потребление будет противостоять ложной новизне потребительства²⁵⁶. Или уже совсем кратко: «Сохранять старое вместо приобретения нового». Х.Шерье делает смелую попытку диалектически снять противоречие между потребительством и аскезой и использовать материальное как форму протеста против консьюмеристкой идеологии. Под бережным, охранительным потреблением понимается не только сохранение вещей, но и их коллекционирование, упорядочивание по определенному принципу, который также можно противопоставить более простому наслаждению индивидуального потребителя от постоянного отбрасывания недавно приобретенных вещей. Собственно, главной проблемой в этой сфере Шерье называет невозможность *выразить* антиконсьюмеристские ценности при простом отказе от покупок. Итак, индивидуальный потребитель может, конечно, в личном плане следовать некоторой аскезе, основанной на духовной традиции (христианской, исламской, буддистской или др.) или на научном

знании. Может он принять и идею бережного потребления. Но в этом случае (и здесь открывается уязвимость, слабость только личного измерения антиконсьюмеризма) он не может выразить свою позицию, поскольку в этом случае его действия не складываются с чьими-нибудь другими в коллективную силу. Он как бы оказывается за пределами системы потребления и игнорируется ею. Можно сказать, что если количество таких людей возрастет, то не будет и необходимости в том, чтобы выражать антиконсьюмеристские ценности. Это действительно так, только с той оговоркой, что идеология потребления продолжает выражать потребительские ценности в большом масштабе, и этому нужно что-то противопоставить. Отметим необходимость общественного, социального проявления антиконсьюмеризма.

2. Политический и религиозный аспекты антиконсьюмеризма.

В своей статье исследователи университета Бен-Гурион (Израиль) О.Шамир и Г.Бен-Порат ставят очень интересную проблему, анализируя переплетение двух понятий: религиозный и политический консьюмеризм. Можно сделать вывод о высокой степени религиозности израильского общества, поскольку потребительская культура входит в противоречие прежде всего с религиозным укладом, а не с другими ее видами. Интересным является тезис упомянутых авторов о том, что религиозная общественность использует бойкот. Для современного западного общества существует только светская общественность, а религиозный антиконсьюмеризм остается на индивидуальном уровне. В Израиле же религиозный характер общественности позволяет реагировать коллективно на такое современное явление, как консьюмеризм.

Кроме Израиля, можно отметить также исламское и индуистское антиконсьюмеристское движение. П.Стирнс, говоря об антиконсьюмеризме, выделяет три его основания, одно из которых – религиозное, но отделенное от политики. О.Шамир и Г.Бен-Порат не разделяют, а связывают эти две сферы: «Акт политического консьюмеризма включает участие группы людей в религиозно-секулярном противостоянии»²⁵⁷, которое в Израиле разворачивается и на поле консьюмеризма.

Итак, принципиальным основанием для различных антиконсьюмеризмов является религиозный или светский характер незападного общества. Западное является практически светским, хотя

слова: «В Бога мы верим» – ему присущи. В первом случае коллективный субъект антиконсьюмеризма складывается на религиозной основе, а задача политики состоит только в том, чтобы направить эти усилия против нежелательного «культурного» воздействия, идущего из глобальной потребительской культуры и идеологии потребления. Во-втором случае, основания антиконсьюмеризма нужно искать в чем-то еще. Для Запада можно выделить два источника: или в субкультуре (протестное движение молодежи шестидесятых, содержащее критику принципа «work-to-consume» – работать только для потребления), или в политической воле (движение за независимость США от Англии, предполагавшее отказ от ряда английских товаров).

3. Классовый аспект антиконсьюмеризма.

В эпоху поздней, «жидкой» (З.Бауман), подвижной, полной рисков современности новое подобие класса формируется на основе потребительских ценностей. Если пролетариат нуждался в материальных благах, то у нового «класса» потребителей (новая мелкая буржуазия) существует избыток материальных благ. Как и почему в таком случае они будут участвовать в антиконсьюмеризме? Ведь представители новой мелкой буржуазии образуются как класс именно в качестве потребителей, принимая и разделяя потребительские ценности²⁵⁸. *Если они выступают против консьюмеризма, то разрушатся как класс.* Между тем в обществе потребления самым действенным способом мог бы выступить именно антиконсьюмеристский протест. Это противоречие и является основной дилеммой для обществ как Запада, так и незападных, где уже в достаточной степени распространена идеология потребления. Представители новой мелкой буржуазии скорее будут отстаивать свое право на избыточное потребление, чем выступать против него. Они слишком много вкладывают в свой престижный образ жизни, чтобы отказываться от него и ограничивать консьюмеризм. К тому же сложность состоит в том, что новая мелкая буржуазия воспринимает собственный консьюмеризм как результат свободного выбора, а не как следование интересам системы капиталистического производства. Пока это противоречие классового антиконсьюмеризма остается неразрешенным, но в условиях экономического кризиса, безработицы антагонизмы консьюмеризма затрагивают не только классы, но и страны.

5. Выводы

Капиталистический способ производства претендует сегодня на свое понимание природы человека. Человек потребляющий должен относиться к потреблению так же, как первые протестанты относились к труду. Это теперь некая сверхзадача, которая ведет человека среди многочисленных неопределенностей современного общества. Последнее теперь выступает как трансцендентное человеку, как некий Другой. Одиночество, отчуждение, неопределенность, краткосрочность планов преобладают в нем. Человек воспринимает теперь потребление как труд, который возвышает его над массой. Это ложное представление не может существовать продолжительно без идеологического воздействия извне. Цели убеждения любого человека в потребительском превосходстве над каждым служат организованные в средствах массовой информации рекламные сообщения. Рекламный дискурс направляет противоречивый посыл, одновременно выделяющий человека из массы и обезличивающий его.

Система потребления, надстроенная над производством, информационно объемлет все общество. Она принципиально не может полностью манипулировать человеком, всегда остающимся свободным в том, чтобы не следовать ценностям, диктуемым идеологией потребления. Однако ему все труднее противостоять этой системе. Она усилена символическими структурами, которые чрезвычайно трудно распознать во всей множественности вещественного мира. Идеология потребления с помощью ярких и привлекательных средств рекламы соблазняет человека и в западных, и в незападных странах. В первых принуждение людей к потребительству вызвано необходимостью производства, которое вследствие НТР не нуждается в человеке в качестве рабочего. В незападных обществах он оказывается перед системой завышенных потребительских стандартов, следование которым, с одной стороны, заставляет его отличаться от принятых в его обществе норм и ценностей. С другой стороны, вынуждает его затрачивать значительные усилия для поддержания соответствующего образа жизни, что напоминает ситуацию с ранним модернизационным потреблением в США. Укажем, что именно там была сформирована модель возрастающего благосостояния, основанная на новом уровне достатка.

Сложное переплетение потребительства и потребительности в незападных обществах ведет к ряду противоречий, в общем отражающихся на переходе таких обществ в позднюю современность. Человек, испытывающий воздействие идеологии потребления, может только условно приравниваться к человеку, находящемуся в обществе потребления с той оговоркой, что первому приходится затрачивать значительно больше усилий для убеждения себя в «истинах» потребительской идеологии. Это происходит вследствие неразвитости производства в западных странах, где нет объективных, материально-формальных причин для возникновения общества потребления. Иначе говоря, человек там «торопится» стать потребителем тогда, когда он еще необходим системе производства только как рабочий. То же следует сказать и о социуме: западное общество «торопится» стать потребительским тогда, когда оно еще необходимо западному капитализму как индустриальное или доиндустриальное. Вопрос здесь в том, насколько эта модернизационная бессубъектность устраивает то или иное западное общество.

Ошибочно, может быть, целенаправленно «выращивать» потребителей в обществе, которое находится еще на индустриальной или доиндустриальной стадии развития, мотивируя это тем, что это будет способствовать становлению общества потребления. Позднесовременный потребитель появится только там, где развито производство, а не там, где остается традиционная роскошь и нехватка. В последнем случае Модерн будет поверхностным, для такого общества будет в большей мере характерна вестернизация, а не модернизация. Собственная модель консьюмеризма означает выработку определенного отношения к западному консьюмеризму. Скорее всего она будет строиться на основе критики последнего, то есть представлять в определенной степени антиконсьюмеристскую модель.

РАЗДЕЛ IV РИСКИ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Осознание рисков и проблема безопасности стали, пожалуй, единственной формой консенсуса в российском обществе, вызвали обеспокоенность в мире в целом и встали на повестку дня.

Глава XIII Безопасность как феномен социальной реальности

- 1. Безопасность на первом месте*
- 2. Безопасность в аспекте глобализации и научно-технического прогресса*
- 3. Проблемы национальной безопасности России*
- 4. Перспективы построения безопасного миропорядка*

Ознакомление с современной научной литературой и периодическими изданиями позволяет выявить, что одним из наиболее часто встречающихся и используемых терминов является понятие безопасности. Рассматривая 1990-е как время анархии в России, а «нулевые» как время апатии, В.Г.Федотова дала прогноз в книге «Хорошее общество», что ценностная деструкция – аномия – не может быть не преодолена в будущем, но что это преодоление произойдет через витальную ступень заботы о безопасности, формирования ценностей стабильности и безопасности²⁵⁹.

1. Безопасность на первом месте

Социологическими службами нескольких государств по заказу ООН были проведены опросы общественного мнения по вопросу о том, какие проблемы находятся сейчас в центре внимания, в наибольшей степени волнуют людей. При незначительных различиях, определяемых национальной и географической спецификой, ответ имел везде одинаковый характер: на первом месте оказались проблемы безопасности в самом широком ее значении. Граждане России и власти нашей страны относят обеспечение безопасности к главной задаче, стоящей перед обществом. Это, очевидно, объясняется тем, что человечество живет в бурный переходный исторический период, наполненный многообразными кризисными явлениями, обострением межгосударственных и межнациональных противоречий, конкурентной борьбой социумов за выживание и господство, поиском новых моделей мирового порядка. Реальной угрозой всеобщей безопасности стало нарастающее истощение природных ресурсов, сложившаяся демографическая ситуация. В условиях обостренной конфликтности и нестабильности, эскалации терроризма и разных форм насилия, умножения «горячих точек» во всех регионах мира проблема безопасности, естественно, выходит на передний план общественной теории и практики. От научной мысли ждут ответа на главный вопрос современности: возможно ли предотвратить военно-ядерную и экологическую катастрофу, найти ненасильственные средства разрешения возникающих конфликтов, обеспечить всеобщий справедливый мир.

«Ядерная эпоха внесла существенные изменения в определение целей национальной политики и средств ее осуществления», — пишет американский философ М.Рестон, полагая, что «только научные данные обладают здесь абсолютной ценностью и непревзойденным авторитетом. Только научный подход способен обеспечить рациональность принимаемых политических решений, исключить субъективную оценку обстоятельств и проявлений волюнтаризма, представляющих в условиях непрерывно возникающих конфликтных ситуаций и ядерного противостояния угрозу всему человечеству»²⁶⁰. Но возможности науки ограничены: сложность познавательного процесса обусловлена как закономерностями общественной практики, так и уровнем и логикой развития теории. Наука не

может гарантировать во всех случаях безошибочность целеполагающей деятельности. Имеет место столкновение социокультурных различий, противоборство интересов и устремлений разных социальных слоев и групп. Маятник истории колеблется то в одну, то в другую сторону, возможны альтернативные пути. Можно признать, что потребность в безопасности и забота об ее обеспечении относятся к основному «социальному инстинкту» человека и каждого общественного образования, выступает одним из основополагающих мотивов их деятельности. Именно стремление максимально обезопасить свое существование побуждало людей к объединению, стимулировало формирование первичных форм коллективности. Потребность в безопасности, считают многие ученые, лежит в основе процесса гомогенизации человечества. По мнению Г.Спенсера, общественное сотрудничество началось с объединения людей для защиты, а из этого возникли все остальные роды сотрудничества²⁶¹. Рост интереса к проблеме безопасности неизменно отмечается в периоды радикальных социальных трансформаций и масштабных модернизационных процессов, сопровождающихся ломкой традиционных устоев и столкновением противоборствующих сил. Переходный период переживает и современное человечество.

Значение проблемы безопасности возрастало прямо пропорционально темпам развития, которое носит внутренне противоречивый характер. Поступательное развитие общества создает, с одной стороны, все более широкие возможности для обеспечения человеческой безопасности, а с другой – создает новые опасности. Как заметил американский философ Л.Тайгер, общество, очевидно, не может иметь пенициллин и не иметь атомную бомбу. За удовлетворение «амбиций Прометея», то есть подчинение сил природы и достижение высокого уровня материального могущества, человечество, по мнению Р.Арона, «вынуждено расплачиваться дорогой ценой. В жертву приносятся не только главные ценности цивилизации, но под вопросом становится само ее существование»²⁶². Негативные стороны развития и его опасные проявления находят соответствующую рефлексию в общественном сознании, ведут к потере внутренней стабильности, порождают «экзистенциальные страхи». Состояние общей напряженности и неуверенности, боязни непредсказуемого будущего характерно сейчас не только для стран с нестабильной политикой и экономикой, но

и для, казалось бы, вполне благополучных социумов. Люди судят о своем времени не только по фактам окружающей их непосредственно действительности, но и по чувствам и настроениям, отображающим ее. В последние годы широкое распространение получили катастрофические настроения, в обществе витает ожидание некоего трагического конца цивилизации.

Безопасность – многоаспектное явление, зависящее от разнообразных факторов общественной жизни. Они не всегда лежат на поверхности, носят зачастую латентный характер, что затрудняет их выявление и предвидение. Для научного понимания и объяснения природы и роли феномена безопасности, выработки ее концепции, адекватной современным реалиям, требуются инновационные сдвиги в общественной теории и практике. Понятие безопасности определяется как состояние защищенности базовых материальных и духовных ценностей, интересов и прав личности, общества и государства. Безопасность – это деятельность людей, общества, государства, мирового сообщества по выявлению, предупреждению, устранению опасностей и угроз, способных погубить их, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый ущерб, закрыть путь для прогрессивного развития.

В реальной действительности не существует абсолютной безопасности. Она всегда носит относительный характер потому, что многие риски бывают трудно различимыми или являются непредсказуемыми. Гарантировать полную безопасность и недопущение каких-либо опасностей практически невозможно. Главное заключается лишь в наличии достаточно эффективной системы распознавания и предупреждения возможных угроз. В вопросе безопасности важно руководствоваться гуманистическими и демократическими принципами, установкой благоговения перед жизнью как естественной ценностью и неотъемлемым правом каждого индивида.

В ходе истории происходила эволюция форм и способов защитной деятельности, расширялась ее сфера и направленность, круг ее субъектов и объектов. Этот процесс определялся изменением характера существовавших угроз, возникновением новых видов опасностей. В рабовладельческом и феодальном обществах, где большая часть населения не обладала правами и свободами, речь о защите, безопасности могла идти только в отношении прав и собственности незначительных слоев свободных граждан. По-

нения «гражданская» или «национальная безопасность» могли носить лишь ограниченный характер. Формирование правового государства и гражданского общества обусловило создание качественно новой системы безопасности, предполагающей защиту прав и интересов всех граждан на равной институциональной основе. В идеальном виде государственная власть и все ее органы выступают гарантом безопасности всего общества и всех его членов. По вопросу о соотношении разных видов безопасности, возможности и степени сочетания безопасности граждан и государства ведутся дискуссии, в которых стороны нередко впадают в крайности, ведущие не только к неверным теоретическим суждениям, но и ошибочным практическим действиям, представляющим угрозу потери управляемости общественными процессами, подрывающим безопасность всех субъектов. Угрозу представляет любой максимализм в этом вопросе: как абсолютизация индивидуальных свобод и прав, так и неоправданное и бесконтрольное вмешательство государства в жизнь общества и индивидов, проявления авторитаризма.

Проблема безопасности не может трактоваться абстрактно, вне зависимости от конкретно-исторической обстановки и уровня развития общественных отношений, национальных и культурных традиций. На разных этапах развития общества происходит выдвигание определенных целей и задач в качестве наиболее важных и приоритетных. В периоды революционных трансформаций общество находится в состоянии нестабильности и борьбы и вынуждено прилагать максимум усилий для своей защиты и выживания. На первый план при этих обстоятельствах неизбежно выходит безопасность государства. Его защита осуществляется всеми возможными средствами и подчас за счет ограничения индивидуальных прав и свобод. Это подтверждается практикой всех великих революций в мировой истории. Ограничение в той или иной мере гражданских прав и свобод становится в этом случае необходимой платой за обеспечение государственной безопасности, защиту страны от внутренних и внешних угроз. Аналогичные ограничения могут иметь место при введении чрезвычайного положения в пределах какой-либо территории, в условиях военных действий, специальных операций. Абсолютизация государственной безопасности, введение неоправданных мер тотального контроля над частной жизнью граждан, образом их мышления часто ведет не

к укреплению, а к подрыву безопасности существующего общественного строя. Мировая история дает тому немало примеров. Еще Ш.Монтескье отмечал, анализируя судьбу Рима и Карфагена, что «чем более увеличивается безопасность этих государств, тем более они, как застоявшиеся воды, подвергаются порче»²⁶³. Аналогичное положение наблюдалось и в СССР в 1960–1970-е гг., когда закрытость от внешнего мира в целях защиты от буржуазного влияния сочеталась с подавлением критической и оппозиционной деятельности, игнорированием властью опасных тенденций, искаженной информацией о реальном состоянии дел в стране. Такая «защитная» политика привела к массовому недовольству, социальному упадку и моральному разложению. Мировой опыт цивилизованных наций показывает, что государственное управление и регулирование общественными процессами, осуществляемое на демократической основе, наличие оптимального соотношения между государственными, общественными и частными интересами является залогом всеобщей безопасности и стабильности.

2. Безопасность в аспекте глобализации и научно-технического прогресса

Отличительной особенностью проблемы безопасности в современную эпоху является то, что она перешла в разряд глобальных проблем. Этот качественно новый момент обусловлен, во-первых, превращением истории человечества в действительно всемирную, формированием мирового сообщества наций и, во-вторых, появлением неизвестных ранее масштабных и общезначимых для всего человечества угроз, противостоять которым каждый социум в отдельности уже не в состоянии. Если в прошлом речь могла идти об угрозе безопасности отдельных национальных и государственных образований, о защите интересов какой-либо одной социальной общности, то теперь встал уже вопрос о безопасности и выживании всего человечества, всех составляющих его частей. Основные виды безопасности носят отныне не только национальный, но и общепланетарный характер, они напрямую связаны с теми глобальными процессами, которые происходят в мировой политике, экономике, культуре, экологии. Например, на-

циональные и региональные финансово-экономические кризисы, возникающие в тех или иных частях мира, оказывают непосредственное влияние на всю мировую экономику, потрясают финансовые биржи и рынки акций всех без исключения государств. Не менее тесная связь существует между экологической ситуацией, складывающейся в отдельных государствах, происходящими там экологическими катастрофами, и глобальным состоянием природной среды, здоровьем населения всей планеты. Политическая и военная безопасность каждого члена мирового сообщества теперь, как никогда раньше, находится в зависимости от всеобщей безопасности, обеспечения всем странам равных прав и возможностей. Нарушение суверенитета, посягательства на независимость и свободу какого-либо государства и народа влекут нарушение международной системы безопасности, создают угрозу возникновения политических и военных конфликтов в глобальном масштабе.

Несмотря на важность вопроса о ценностной иерархии различных видов безопасности, их приоритетности, главным является то, что все они взаимообусловлены, взаимосвязаны друг с другом. По предметному содержанию безопасность подразделяется на военно-стратегическую, политическую, экономическую, технологическую, культурную, демографическую, экологическую. Внутренняя безопасность государства тесно связана с внешней, зависима от состояния международной безопасности. Политическая нестабильность ведет к подрыву экономической безопасности общества. Отдельные виды безопасности и средства их обеспечения могут меняться местами в ценностной иерархии, приобретать в отдельные периоды разное значение и приоритетность. При наличии военной угрозы или начале военных действий на первый план, естественно, выходят проблемы обороны, государственной безопасности. В вопросах обеспечения безопасности атомной энергетики прежде всего принимаются во внимание научно-технологические и экологические факторы, уровень профессиональной подготовки специалистов. Одной из главных предпосылок обеспечения безопасности является прогнозирование возникновения возможных опасностей, рисков, угроз. Насколько своевременно будет выявлена опасность, проведен анализ ее природы и источников, настолько действеннее могут быть меры, предпринятые для ее предотвращения, ограничения и ликвидации последствий. Весьма негативные, а подчас и

трагические результаты может иметь политика игнорирования поступающих сигналов специальных информационных и аналитических служб. Необходимо иметь в виду и возможность дезинформационной деятельности противника, направленной на сознательный обман и сокрытие реального положения дел. Известно, например, какую роль сыграли немецкие дезинформационные материалы, направленные по разным каналам И.В.Сталину, в принятии советским руководством ошибочных решений по вопросам обороны страны и военной стратегии накануне Великой Отечественной войны и на ее первоначальном этапе. Цена этой дезинформации исчислялась миллионами человеческих жертв и колоссальными материальными потерями.

В силу известной «хитрости» истории, сама деятельность по обеспечению безопасности может стать при определенных условиях источником опасности, порождать возникновение угроз. Каждый субъект международных отношений, стремясь полнее обезопасить себя, добивается разными путями максимального усиления своего военно-стратегического потенциала и геополитических позиций, что представляет угрозу для других государств, вынуждает их действовать соответственно. Изобретение и применение США атомной бомбы заставили СССР в качестве ответной меры создать свое ядерное оружие, формирующее безопасность как баланс сил. Но ведущаяся двумя сверхдержавами в течение нескольких десятилетий гонка вооружений негативно отразилась в конечном счете на их собственной безопасности, а также и всего мира. В XX в., несмотря на потрясшие его многочисленные военные и социальные катаклизмы, происходили позитивные сдвиги в обеспечении безопасности во всех областях жизни общества.

Выработка концепции глобальной безопасности и практических мер по ее реализации началась с появления Лиги Наций (1919–1920 гг.), Организации Объединенных Наций (1945 г.). Создание этих и ряда других международных организаций было направлено на поддержание всеобщего мира и сотрудничества между народами, явилось антимилитаристской реакцией мирового сообщества на кровопролития Первой и Второй мировых войн, попыткой предотвратить их повторение, поставить под контроль возникновение противоречий и конфликтов между государствами. Стратегической задачей ООН провозглашено избавление живущих и грядущих по-

колений от бедствий войны, утверждение принципов международного права. Человечеству удастся уже более полувека не допускать новой мировой войны, наращивать потенциал взаимопонимания и толерантности. Современная система мировой безопасности базируется на достигнутых международных соглашениях. Среди них: Договор о запрете на производство ядерного оружия не имеющими его государствами, запрет на передачу информации об оборудовании ядерных устройств, способных быть использованными в военных целях; Договор о контроле за хранением и уничтожением средств массового поражения, в том числе химических и биологических; Договор о противоракетной обороне (2011 г.) и др. В целях снижения риска возникновения военных конфликтов и несанкционированного применения ядерного оружия достигнуто соглашение об установлении прямой связи между главами мировых держав для обсуждения и разрешения возникающих чрезвычайных ситуаций, уведомления о проводимых военных учениях. Имеется ряд других международных и региональных соглашений: об обеспечении безопасности в разных сферах, на воздушном и морском транспорте, о контроле за производством и распространением наркотиков, за финансово-банковскими операциями, о борьбе с международным терроризмом. Существующие международные договоры призваны быть гарантами национальной и всеобщей безопасности. Но, как показывает практика, не обладают достаточной надежностью, далеко не всегда срабатывают.

Материальное и интеллектуальное развитие общества создаст более широкие возможности безопасного существования, но, с другой стороны, человечество испытывает беспомощность перед вызовами созданной им самой социальной стихии. На место старой рухнувшей колониальной системы, обрекавшей многие народы на жесткое угнетение и эксплуатацию, пришли новые формы глобальной зависимости и подчинения, информационный и культурный неокOLONIALИЗМ. Религиозное насилие над умами и душами людей сменилось духовным и моральным насилием средств массовой информации. Благодаря достижениям в области медицины человечеству удалось практически избавиться от таких болезней, как чума, холера и ряд других, уносящих миллионы жизней, но возникли новые – СПИД, атипичная пневмония, от которых не найдены средства лечения.

Неоднородность мира, разделенного не только государственными границами, но и различиями национального, идеологического, религиозного свойства, наличием противоположных интересов, является источником непрерывно возникающих конфликтов и столкновений, создает почву для международной напряженности и нестабильности. Найти общий язык для выработки согласия и компромиссов по спорным вопросам чрезвычайно трудно. Поэтому столь часто конфликтующие стороны прибегают к силовому решению. Применение оружия до сих пор является последним и самым веским «аргументом».

За безопасность надо платить, и она в наше время стоит дорого. Если в эпоху Средневековья можно было обходиться крепостными стенами и водными рвами, то современная система противоракетной обороны требует огромных затрат и непрерывного усовершенствования. Такой возможностью обладают лишь несколько развитых государств. На вопрос о том, какая из существующих угроз представляет сейчас наибольшую опасность для человечества, трудно дать однозначный ответ. Но если отвлечься от предсказаний фантастов о грядущих космических войнах и нашествии инопланетян, то в качестве ведущей реальной угрозы можно назвать войну с применением ядерного оружия или других средств массового поражения, жертвой которой станет все человечество. Оснований для столь мрачного прогноза более чем достаточно. Если люди не могут жить друг без друга и в то же время не могут мирно сосуществовать друг с другом, их ждет взаимное истребление. Согласно сценическим законам, если в первом акте пьесы на стене висит ружье, то в последнем оно должно выстрелить. История – это тоже своеобразная пьеса, авторами и участниками которой выступают люди, чье сознание и поведение подчинено логике исторического процесса. Пока в мире господствует идеология и политика милитаризма, культ силы и тяга к гегемонизму, гонка вооружений и непрекращающиеся локальные вооруженные конфликты, обостряются и принимают характер цивилизационного противостояния противоречия между развитыми богатыми и отсталыми бедными частями человечества, финалом может стать всеобщая гибель.

Создание ядерного оружия с потенциально необратимыми последствиями его применения по сравнению с традиционным вооружением прошлых войн, наносившим ущерб обратимого ха-

рактера, придало проблеме безопасности новое звучание и драматическую окраску. Появление оружия массового поражения привело к пересмотру параметров исторического времени и самого человеческого бытия, означало качественный сдвиг в осознании возможностей и пределов существования человеческого рода как биологического вида. Впервые его бессмертие практически оказалось под вопросом.

Нельзя исключать и несанкционированного применения ядерного оружия в результате случайностей объективного или субъективного свойства, технических ошибок и сбоев боевых систем, ложных тревог или неверных восприятий обстановки, психических расстройств у людей, обслуживающих ядерные установки. В мире насчитывается свыше 400 блоков атомных реакторов, удары по которым даже обычными средствами поражения способны вызвать путем цепной реакции общепланетарную ядерную катастрофу. Со стороны ряда экстремистских групп поступают угрозы захвата ядерного оружия, диверсий на атомных объектах. Известны факты хищения расщепляющихся материалов и других компонентов производства ядерного оружия. Не исключено, что в этом могут быть замешаны и террористические организации.

Не меньшую опасность, чем атомное оружие, представляет угроза разного рода техногенных катастроф, особенно на ядерных объектах. «Бомбы замедленного действия» – так характеризуют некоторые западные эксперты действующие атомные электростанции, сравнивая опасность, которую они представляют, с атомными бомбами «прямого назначения». Особенностью ядерных катастроф, как показал опыт Хиросимы и Чернобыля, является чрезвычайно длительный характер их губительного действия на природу и живые организмы, превращение на многие столетия в непригодные значительных территорий, где становится невозможным проживание и хозяйственная деятельность. По прогнозам экспертов, произошедшее в 2011 г. в Японии сильнейшее землетрясение, приведшее к разрушению атомной электростанции в Фукусиме, будет иметь длительные негативные последствия для многих регионов мира, неизбежно увеличит количество жертв. Проявлением ответственности за будущее является сегодня решение Германии об отказе использования атомных электростанций к 2022 году, замещении их альтернативными видами энергии и

правительства Японии о закрытии ядерных реакторов, последний из которых перестал работать весной 2012 года. Надежды на то, что научно-техническая революция сможет решить все проблемы безопасности человечества, не оправдались. Отмечая, что освоение человеком тайн природы посредством научно-технических средств содержит риск в экзистенциальном смысле, М.Хайдеггер писал, что тотальная технизация чревата угрозой подмены человеческой сущности общественного развития технологической диктатурой²⁶⁴. Он показал, что человек из властелина техники превращается в ее жертву, анархически погружаясь в технологическую среду без перспективы адаптироваться в ней.

Столкновение человечества с глобальными вызовами, порожденными масштабным распространением экстремальных технологий, привело на уровне философской рефлексии к новому пониманию смысла и целей научно-производственной деятельности, актуализировало проблему этики, ответственности человека не только перед настоящим, но и перед будущим. Стало очевидным, что стратегия научно-технической и природоохранительной политики должна строиться на основе перспективного анализа ее возможных последствий, то есть в долгосрочном и комплексном плане. **С этим связана практика перехода от «реактивной» оценки научно-технических достижений, касающейся результатов уже получивших распространение технологий, к «инновативной», ориентированной на упреждающий прогноз последствий внедряемых технологий или находящихся в стадии разработки, выдвижения альтернатив имеющимся моделям.**

К общезначимой угрозе безопасности человечества следует отнести катастрофическое состояние экологии земного и водного пространства Земли. Особенность борьбы человечества за выживание в условиях техногенной цивилизации состоит в том, что людям противостоят объективированные результаты их собственной деятельности, превратившей окружающую среду в фактор, враждебный их естественной природе. Человечество слишком долго перекладывало на плечи будущих поколений решение вопроса об издержках индустриального развития, связанных с выбросом вредных отходов и образованием обширных территорий, практически непригодных для проживания. Но время расплаты уже наступило. Загрязнение природной среды, которое во многих регионах значи-

тельно превышает допустимую норму, оказывает разрушающее воздействие на иммунную и генную систему человека, ведет к росту различных опасных заболеваний, рождению детей с наследственными дефектами, сокращению продолжительности жизни у жителей пораженных районов. Возросло количество физических и психических патологий, стрессовых состояний, самоубийств, случаев мутации живых организмов. Общество столкнулось и с серьезной проблемой хранения и переработки радиоактивных отходов, образующихся на предприятиях ядерно-топливного цикла. Пока она решается в основном путем их захоронения в Мировом океане и вывоза в бедные страны, готовые за финансовую помощь выполнять роль «ядерных кладбищ». Экологическую опасность представляет увеличивающееся загрязнение не только земного, но и космического пространства. Производимые в течение многих лет наземные и подземные ядерные взрывы привели к дезинтеграции земной коры, в результате чего происходит изменение частоты и периодов радиальных колебаний планеты, углов скорости ее вращения. Отсюда наблюдающиеся признаки глобальных изменений геодинамической активности недр, разного рода климатические аномалии.

Одна из дилемм, стоящих сейчас перед человечеством, заключается в том, как обеспечить снабжение энергетическими ресурсами и рост их потребления всеми странами в количестве, достаточном для их устойчивого развития, и вместе с тем не допустить губельного для всех загрязнения природной среды, нарушения термического равновесия атмосферы. Выход видится только один: найти адекватную замену традиционным источникам питания энергетических систем, создать новые виды и технологии выработки энергетических ресурсов. Ставка делается на такие альтернативные источники энергии, как солнечная и энергия ветра, использование водных ресурсов, глубинного тепла земли и энергии космоса. Все эти виды предположительно признаются экологически чистыми, экономичными и легко возобновляемыми.

Вызывает тревогу положение с продовольственной безопасностью человечества. По ряду причин рост производства продуктов питания в мировом масштабе не поспевает за темпами прироста населения Земли. При недостатке и даже избытке продовольствия в развитых государствах, на долю которых приходится 60 % произ-

водимого в мире продовольствия, слаборазвитые страны испытывают его острую нехватку. По данным ООН, более 1,5 млрд человек хронически недоедает, а миллионы ежегодно погибают от голода. Для повсеместного обеспечения жизненно необходимого стандарта потребления продовольствия, по оценкам специалистов, требуется экстренное увеличение сельскохозяйственного производства примерно в 4 раза. Иначе, учитывая ускоряющийся рост населения планеты и оскудение природной среды под воздействием различных антропогенных факторов, возможно наступление эпохи голода. Решить проблему продовольственного дефицита пытаются за счет массового производства искусственных пищевых веществ и продуктов, а также интенсификации сельскохозяйственного производства путем расширения применения минеральных удобрений. Но внедрение в пищевую промышленность и сельское хозяйство различных новых методов и технологий выявило их недостаточную научную обоснованность и во многих случаях опасность для здоровья людей. Чрезмерное использование химических консервантов и добавок в пищевой технологии, как и несбалансированное применение химических средств и белковых соединений в аграрном производстве, оказывает отрицательное воздействие на организм человека и животных. И в данном случае научно-технический прогресс проявляет свой двойственный характер.

3. Проблемы национальной безопасности России

Проблема безопасности каждого социума имеет как общие, так и особенные характеристики, обладает своей спецификой. Специфика национальной безопасности сегодняшней России связана во многом с трудностями и противоречиями происходящего модернизационного процесса, с тем, что она обременена проблемами как сугубо национального, так и общецивилизационного характера. Существующие внешние угрозы переплетаются с внутренними, обостряют их и затрудняют возможность преодоления. Безопасность России в контексте ее внутренних проблем определяется прежде всего социально-экономическими и производственно-технологическими факторами. За годы реформирования Россия в силу объективных и субъективных причин оказалась отброшенной

в своем экономическом развитии на несколько десятилетий назад. Приватизация общенародной собственности, как и конверсионная и разоруженческая кампании, привели к развалу производственно-экономической базы страны, военно-промышленного комплекса. Общий объем ВВП за период с 1990 по 1999 гг. упал более чем на 50%. Для сравнения можно указать, что даже за годы Великой Отечественной войны национальный доход СССР уменьшался только на 36 %. Объем государственного внешнего долга России на 2003 г. составил 140,8 млрд долларов, тогда как в советское время он был практически равен нулю. Обладая огромными природными богатствами, значительными материальными и интеллектуальными ресурсами, Россия тем не менее отстает от других государств по основным социально-экономическим и технологическим показателям, по качеству и продолжительности жизни своих граждан, их медицинскому и пенсионному обслуживанию, состоянию экологии. Российское общество вновь столкнулось с такими забытыми за годы советской власти проблемами, как безработица, беспризорность, бездомность, нищенство.

В эпоху информационной цивилизации на передний план в мировом развитии выходят государства с высоким уровнем науки и образования, компьютеризации и доступа к глобальным информационным сетям. Россия по этим показателям не относится к разряду развитых стран. Утечка мозгов из России приняла в 1990-е гг. массовый характер, в результате чего страна лишилась наиболее способных и перспективных научных кадров, значительной части своего интеллектуального потенциала, который до сих пор не восстановлен. Это создает угрозу серьезного отставания не только в настоящий момент, но еще в большей степени в перспективе в ведущих областях науки, техники, культуры. С каждым годом растет количество техногенных катастроф и аварий, связанных с несовершенством производимой техники и изъянами ее эксплуатации, устарелостью и изношенностью промышленной инфраструктуры, низким профессиональным уровнем работников. Экономия на технике безопасности приводит к росту не только аварийных ситуаций, но и человеческих жертв.

Реальной угрозой национальной безопасности России стал разгул преступности, коррупции. Материальная необеспеченность, некачественное питание, неблагоприятная экологическая обста-

новка, негативное влияние всевозможных стрессовых ситуаций, наркомания и алкоголизм – все это, вместе взятое, наносит столь сильный вред здоровью нации, что ставит под угрозу ее выживание, питает тенденции депопуляции. Национальная безопасность России во все исторические эпохи тесно связана с геополитическим фактором, с определенными историческими корнями и традициями. Российское государство, раскинувшееся на просторах двух континентов – европейского и азиатского, имеет самую большую в мире протяженность внешних границ. Всю свою многовековую историю Россия вынуждена была отражать вторжения иностранных агрессоров, защищать свою целостность и национальный суверенитет. По признанию А.Тойнби, «Запад традиционно испытывал иррациональный страх перед могущественной и таинственной страной, которая не укладывалась в общепринятые рамки западного мышления и бытия, не позволяла подчинить себя и ценой любых жертв отстаивала свою независимость»²⁶⁵. И сегодня перед обновляющейся Россией опять встают традиционные проблемы национальной безопасности. В новых исторических условиях ей приходится по-прежнему противостоять агрессивным поползновениям и территориальным притязаниям некоторых государств, переживать центробежные тенденции и вести борьбу с проявлениями сепаратизма. Россия сейчас не представляет угрозу кому-либо. Другой вопрос, что она все еще является достаточно сильной и авторитетной, чтобы служить препятствием для осуществления гегемонистских притязаний любых претендентов на мировое господство. На общем тревожном фоне международной обстановки со всей остротой встает вопрос о гарантиях нашей национальной безопасности, наличии возможностей и средств противостоять внешней экспансии и давлению извне, обеспечить надежную защиту российских границ и интересов, избежать здесь любых неожиданностей. В последнее время активизировалась военно-разведывательная деятельность натовских государств на восточном направлении.

В принятой в 1999 г. «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» указывалось, что существующие в настоящий момент угрозы носят преимущественно внутренний характер и сосредоточены во внутривнутриполитической, экономической, социальной, экологической и духовной сферах. Но нельзя исключать и возможных угроз извне, особенно учитывая международную об-

становку, складывающуюся в последние годы. Россией было официально объявлено о возможности в случае возникновения военного конфликта применения для своей защиты всех находящихся в ее распоряжении видов вооружения.

В качестве потенциальной угрозы национальной безопасности России выступает то обстоятельство, что она как крупнейшая евроазиатская держава обладает наибольшим в мире количеством недостаточно культурно освоенных территорий. Особенно мало внимания и ресурсов уделяется освоению и обустройству восточных областей страны, в то время как они граничат с государствами, имеющими чрезмерную и быстро увеличивающуюся перенаселенность, испытывающими недостаток природных ресурсов (Китай, Япония и др.). Значение национальной безопасности отдельных субъектов международных отношений не равнозначно стабильности и миру в глобальном масштабе. Но подрыв безопасности и нарушение национальных интересов представляет всеобщую угрозу.

Для социально-экономического и технологического развития России необходимо наличие благоприятных с точки зрения безопасности не только внутренних, но и внешних условий, проведение взвешенной и последовательной международной политики. Отказавшись от неоправданно завышенных внешнеполитических амбиций и нереальных геополитических притязаний, Россия должна подчинить свою политику и экономику социально-экономическим императивам. Вместе с тем нельзя согласиться и с бытующим мнением, будто бы у сегодняшней ослабленной России не может быть каких-либо особых геополитических интересов и что она должна вообще замыкаться только на своих внутренних проблемах. Геополитические интересы – это объективная реальность, и с ними необходимо считаться. Россия как самая крупная и обладающая ядерным арсеналом евразийская держава продолжает и теперь играть одну из ключевых ролей в мировой политике. В условиях, когда международная политика строится в основном «по Гоббсу» как война всех против всех, а не «по Канту» с позиций вечного мира, иного миропорядка не предвидится.

В условиях сложного и затянувшегося перехода России к демократическому гражданскому обществу важное значение для сохранения ее духовной и культурной безопасности имеет нравственное состояние общества, психологический настрой различных слоев

населения, уровень их сознательности, социальной активности и гражданской ответственности. Происходящие за последние годы процессы и наметившиеся тенденции носят в этом отношении противоречивый характер, отличаются контрастностью, отражающей происшедшую резкую социальную дифференциацию общества. **С одной стороны, становление рыночных отношений и демократических свобод сопровождается формированием нового типа личности с такими ярко выраженными качествами, как инициативность, независимость, ответственность, самостоятельность.** Многие люди обрели веру в собственные силы и возможности, оптимистически оценивают жизненную перспективу. **С другой стороны, наблюдается социальная пассивность и иждивенческие настроения у определенной части общества, распространились упадочнические взгляды.** По данным социологических опросов, значительная часть российского населения страдает чувством собственной приниженности и утратой веры в лучшее будущее. Отмечается деморализация массового сознания, люди все больше становятся индифферентными к происходящим событиям, национальным проблемам и историческим судьбам страны. Возникшая атрофия воли и политическая усталость, дух всеобщего безразличия и социальная апатия представляются большей угрозой для безопасности российского государства, чем все экономические неурядицы и материальные потери. Россия за свою многовековую историю пережила немало «смутных времен», периодов раздора и упадка, оказывалась подчас на краю гибели и исчезновения как независимое государство. Но каждый раз она восстанавливалась, выходила обновленной и обретшей новый импульс для прогрессивного развития, умножения своих материальных и духовных богатств. Как прозорливо подметил Ф.Тютчев, истинный защитник России – ее история. Она в течение многих столетий неустанно преодолевает на благо России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу.

4. Перспективы построения безопасного миропорядка

Прогнозы исторической перспективы, исходящие из наличной действительности, не выглядят слишком радужными и успокаивающими. По мере усиления негативного влияния антропогенной

деятельности общества на окружающую среду, истощения ресурсов планеты, нарушения демографического равновесия борьба за выживание будет неизбежно обостряться. Пока нет реальных надежд на то, что военный арсенал не будет по-прежнему пополняться новыми все более мощными и разрушительными видами оружия, а соблазн использовать его в глобальном соперничестве и стремлении к доминированию станет меньшим. Продолжение силовой политики и повышение уровня конфронтационности способно привести к тому, что XXI в. может превзойти все предшествующие по проявлениям насилия и агрессии.

Коренного перелома в политическом сознании и практике по большому счету не произошло. Силовая политика и утилитарно-эгоистический подход к решению межгосударственных противоречий превалируют и препятствуют достижению всеобщего согласия. Люди в какой-то мере смирились с тем, что от них ничего не зависит в большой политике и они могут быть только ее объектом и жертвой. Безучастное отношение масс к чужой смерти и разрушениям, наблюдающийся процесс моральной инфляции и атрофия чувства сострадания обозначается западными специалистами как «нравственное онемение», потеря естественного качества сопереживания.

Парадоксальность современной международной обстановки с точки зрения безопасности человечества состоит в том, что сейчас никто не решается открыто проповедовать милитаризм, выступать с откровенно агрессивными и гегемонистскими заявлениями. Все политические лидеры декларируют мирные намерения и ратуют в защиту всеобщей безопасности, отстаивают свободу и права человека, признают принцип равенства всех наций. Но за внешним фасадом цивилизованных международных отношений существуют политика двойных стандартов, культ силы и стремление к доминированию, попирающие суверенности и независимости, игнорирование норм политической морали. Поэтому главным является соблюдение норм международного права, недопустимость их нарушения под теми или иными предлогами. Необходимо совершенствование и демократизация политической практики и превращение в жизненную реальность принципов нравственности. Война должна быть исключена из жизни живущих и будущих поколений. Убивает не оружие, а человек, владеющий им и приме-

няющий его во вред другим людям. Никакие меры безопасности, мирные договоры и соглашения о разоружении не смогут положить конец войнам без реконструкции человеческого сознания, выработки новых парадигм мышления и поведения. Выживание человечества, как никогда раньше, зависит от способности к инновационному мышлению, к кардинально новому подходу к решению проблем безопасности.

Построение безопасного миропорядка диктует необходимость создания качественно новых технологических и организационных структур производства. Требуется новый виток научно-технической революции, который означал бы прорыв человечества на такой уровень цивилизационного развития, который гарантировал бы всеобщее устойчивое развитие, безопасное и обеспеченное бытие для каждого человека и народа. «XXI век будет веком гуманитарного знания или его вообще не будет»²⁶⁶. В этом заявлении К.Леви-Стросса выражена мысль, что в настоящих условиях для выживания человечества важнее становится овладение знаниями об общественной жизни и человеке, чем информацией узко технического характера. На первый план философии жизни выходит проблема гуманизации человеческих отношений. Разумность и ценность научного развития должна определяться мерой морали, в нем заложенной. Наука и политика должны соединиться с нравственностью, стать ей тождественными. Глобальные угрозы безопасности человечества требуют от него и глобального единства действий для их предотвращения. Человечество должно внять призыву мирового содружества ученых научиться мыслить по-новому, чтобы сохранить жизнь на Земле.

Глава XIV

Какое будущее ожидает человечество в связи с нарастанием угрозы климатической и экологической катастрофы?

Согласно современным социально-экономическим и климатологическим моделям, в период 2030–2050 гг. в результате истощения минерального сырья, загрязнения окружающей среды, глобального потепления и нарастания массы других негативных явлений, усиления различного рода опасностей во всех сферах жизнедеятельности для существования человеческой цивилизации возможна планетарная климатическая и экологическая катастрофа²⁶⁷. Научные доказательства глобального изменения климата и его антропогенного происхождения представила Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), которая была создана в соответствии с Рамочной конвенцией ООН по изменению климата в 1992 г. и подготовила ряд научно обоснованных докладов²⁶⁸.

Климатические изменения являются одной из глобальных экологических проблем, порожденных совместным действием природообусловленных и антропогенных причин. «Климатические изменения вызывают особую озабоченность мирового сообщества в связи с тем, – пишет В.И.Данилов-Данильян, – что для преодоления их последствий понадобятся колоссальные экономические затраты, которые могут оказаться непосильными для цивилизации. В этом случае стартуют социальные и политические процессы, способные дестабилизировать ее, привести в состояние хаоса и в конечном счете к гибели»²⁶⁹. Нынешние темпы климатических изменений, на которые оказывают влияние скорости роста численности населения Земли, экономического и научно-технического развития, характеризуют разбалансировку климатической системы, выведенной из стационарного состояния. Дело в том, что до конца XIX в. масштабы воздействия человечества на окружающую среду не превышали пределы экологической емкости биосферы. Это не исключало возникновения локальных и региональных экологических кризисов, но не вызывало глобальных катастроф. Хозяйственная деятельность человека с давних времен приводи-

ла к тем или иным нарушениям локальных экосистем. Однако серьезные последствия для биосферного равновесия в планетарном масштабе наступили лишь в Новое и Новейшее время. По мнению А.Б.Вебера, это произошло под воздействием двух фундаментальных факторов. Во-первых, вследствие значительного ускорения темпов роста населения сначала в Европе в XVIII–XIX вв., а затем в Азии, Африке и Латинской Америке в XX в. (так называемый демографический переход). Во-вторых, в результате промышленной революции XIX в., благодаря которой в частности ускорились темпы роста мирового населения и его концентрации в городах. «Росту населения, производства и потребления сопутствовали соответствующее увеличение массы промышленных и бытовых отходов, в том числе токсичных, загрязнение и деградация окружающей среды в глобальных масштабах»²⁷⁰.

В результате на рубеже XIX–XX вв. эти воздействия по своим масштабам стали сравнимы (по словам В.И.Вернадского) с геологическими силами, что не могло не повлиять на климатические изменения. Нередко не только в отдельных публикациях, но и в официальных документах происходящие климатические изменения сводят исключительно к потеплению, что представляется ошибочным, поскольку регистрируются и другие явления, типичные для разбалансированной системы: «рост количества и силы стихийных бедствий и погодно-климатических аномалий; засух, наводнений, ураганов, смерчей, резких выбросов температуры как вверх, так и вниз (их количество за последние 20 лет XX в. увеличилось на 40 % в сравнении с несколькими предшествующими десятилетиями)»²⁷¹. Так, с 1975 по 2006 гг. число произошедших стихийных бедствий в мире выросло в четыре раза. За 2003–2004 гг. зарегистрировано около 326 климатических катастроф, от которых пострадало 262 млн человек, что почти в три раза больше, чем во второй половине 1980-х гг. Причем до 98 % пострадавших в результате климатических изменений – это население беднейших стран²⁷².

Специалисты пытаются прогнозировать возможные негативные последствия глобальных климатических изменений для различных стран. Так, согласно имеющимся прогнозам, таяние материковых льдов Антарктиды и Гренландии вызовет подъем уровня Мирового океана и затопление низменных прибрежных территорий, особенно многих островных государств. Обширные террито-

рии вечной мерзлоты превратятся в топкие болота, в результате чего всем расположенным на них сооружениям: нефтяным и газовым скважинам, трубопроводам и пр. (в том числе и в России) – грозит разрушение. Значительным территориям, включая Россию, грозит опустынивание, что нанесет огромный ущерб сельскому хозяйству и продовольственной безопасности. Такие же проблемы возникнут в лесном хозяйстве. Все это может привести к неконтролируемым потокам миграции и к колоссальным экономическим потерям для большинства стран мира.

Нарастание угрозы климатической и экологической катастрофы воспринимается как вполне реальная и серьезная проблема как развитых, так и развивающихся стран, значительно более уязвимых перед лицом природных катаклизмов.

Примечательно, что некоторые аналитики, в частности американский социолог П.Рей, на основе многолетних исследований установили появление в США нового культурного типа, который был обозначен как «новатор в культуре» (Cultural Creatives). «Это люди, в большей мере озабоченные социальными, экологическими и гуманитарными проблемами, чем основная масса обывателей; больше приверженные духовным ценностям, чувству солидарности, более восприимчивые к новым идеям “на острие культурного изменения”, более открытые созиданию позитивного будущего»²⁷³. По оценке П.Рея, это представители по существу новой субкультуры в американском обществе, которые в 1999 г. составляли около 26 % взрослого населения, а в 2008 г. – уже до 30 %.

Речь идет фактически о той части американской общественности, которая еще в 1960-е гг. принимала активное участие в так называемых «движениях совести» – антивоенных, студенческих, женских, в защиту окружающей среды, за гражданские права, за социальную справедливость, право на труд и др. В современных условиях носители этой новой ценностной парадигмы становятся не только серьезной политической, но и экономической силой, оказывают значительное воздействие на поведение рынка, побуждая многих производителей отказываться от «грязных» технологий, переходить на производство экологически чистых продуктов, соблюдать нормы экологической безопасности соответственно законодательству. «Хотя бизнес-сообщество в основной своей массе не является большим энтузиастом экологических

ограничений, многие его представители разделяют озабоченность по поводу ухудшения состояния окружающей среды и глобального изменения климата»²⁷⁴.

Если говорить о России, то приходится констатировать, что с начала 1990-х гг. экологические движения стали сворачиваться, что привело в дальнейшем, по словам О.Н.Яницкого, к «деэкологизации менталитета»²⁷⁵. Более того, представители власти, крупного бизнеса и средств массовой информации начали обвинять экологов в экстремизме, называя их главным тормозом для экономического роста. Как справедливо пишет А.Б.Вебер, научному сообществу стали приписывать «создание “хорошо оплаченных” заказных “страшилок” (прямо называя таковыми изменение климата, истощение озонового слоя, инфекционные пандемии), намеренное развязывание “апокалиптической истерии”. Говорят об “экофобии” как болезни, присущей российской интеллигенции, об “экологическом рэжете”, даже об “экологическом терроризме”. Напекают на “огромные бабки”, будто бы получаемые защитниками окружающей среды. За этими инвективами явно или неявно стоит “меркантильный” мотив: “нам” экологические ограничения “невыгодны”, это “дорогое удовольствие” и т. п. Особенно показательное обострение антиэкологического синдрома в связи с феноменом глобального потепления»²⁷⁶.

Однако климатические изменения уже происходят. Поэтому практическая задача состоит в том, чтобы сократить негативные воздействия на биосферу, уменьшая таким образом их опасность. Но «мировое сообщество... не готово к этому. Все социальные, экономические и демографические процессы, обуславливающие антропогенные факторы климатических изменений, весьма инерционны, так что при любых реалистичных сценариях развития цивилизации еще несколько десятилетий будут продолжаться не только негативные воздействия на климатическую систему, но и накопление их потенциала»²⁷⁷. А это лишь приближает наступление глобальной климатической и экологической катастрофы на планете. «Мы находимся в совершенно новых условиях, отмеченных беспрецедентной ответственностью, и что по незнанию, по неосторожности или по неопределенности, если не по глупости, мы можем вызвать наступление катастрофического будущего... – писал А.Печчеи. – Проектирование будущего – самый важный и са-

мый трудный из человеческих замыслов... он может быть только творческим актом. И будущее или станет великим культурным возрождением, или не настанет вовсе»²⁷⁸. Это предостережение становится особенно актуальным в связи с тем, что катастрофа надвигается гораздо быстрее, чем наше сознание осознает глобальные изменения. Считалось, что понимание перспектив дальнейшего развития человечества является принципиально необходимым условием общественного развития. Поэтому будущее стремились не только «предвидеть, предсказать, программировать, проектировать и т. д.», вплоть до создания «конкретных образов будущего, конкретных деталей разработанных программ»²⁷⁹. При этом различают краткосрочные прогнозы (охватывающие всего два-три года), среднесрочные (рассчитанные лет на пять) и долгосрочные (которые могут охватывать от 5 до 15 и более лет), предсказывающие достаточно отдаленное будущее общества или человечества в целом. «Что касается краткосрочных и среднесрочных прогнозов, то они более или менее оправданы в научном отношении, например, в сфере государственного планирования или в демографических исследованиях, – пишет академик РАН Т.И.Ойзерман. – ...Эти прогнозы весьма приближительны, нередко оказываются ошибочными, но они, безусловно, необходимы»²⁸⁰. Практика показывает, что такие научные прогнозы в значительной степени оправдываются. Что же касается долгосрочных прогнозов, то «всякие попытки предсказать грядущую историю через 50 или, скажем, 100 лет являются не только чуждыми науке, – считает Т.И.Ойзерман, – но и выражающими определенные отнюдь не прогрессивные политические установки»²⁸¹. Однако проблема будущего, в том числе и отдаленного, не может не волновать человечество.

Очевидно, что в XX в. после столкновения с природными ограничениями фактически закончился период стихийного развития цивилизации. Отныне все, что не согласуется с требованиями законов устойчивости биосферы, неизбежно ведет к усилению глобальных угроз и повышению риска планетарной климатической и экологической катастрофы. Поэтому глобальные цивилизационные процессы: политический, социальный, экономический, технологический, демографический, культурный и др. – должны быть согласованы с требованиями этих законов в пределах коридора хозяйственной емкости биосферы, а в локальном и региональном

случаях – хозяйственной емкости соответствующих экосистем, а в тех направлениях, которые не соответствуют им – кардинально изменены. Общей целью для человечества должно стать сохранение стабильности биосферы, поскольку уже сейчас допустимый уровень воздействия на нее превышен, по оценкам специалистов, примерно десятикратно.

Осознание серьезности экологических проблем на международном уровне началось в непосредственной связи с тревожными результатами, выявившимися в ходе реализации Международной биологической программы ЮНЕСКО и специальной конференции по окружающей среде, прошедшей под эгидой ЮНЕСКО в Париже в 1968 г. В 1972 г. на Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде была принята рекомендация о создании комплексной программы по исследованию глобальных проблем, прежде всего экологической, и поиску выхода из кризиса современной цивилизации. Именно в этот период крупнейшими представителями интеллектуального мира на Западе были использованы возможности системного анализа, математических методов и вычислительной техники для моделирования и прогнозирования различных сценариев намечающихся кризисов в развитии человечества в глобальном масштабе. Несмотря на различия в подходах, большинство ученых указывало на неизбежное и неразрешимое в своей основе противоречие между ростом материального производства и численности населения и принципиально ограниченными природными ресурсами планеты. В связи с этим наибольшую известность в мире получили доклады Римскому клубу (президентом был А.Печчеи), в которых было показано, что при сохранении существующей ориентации промышленно развитых стран весь мир неминуемо ждет глобальная экологическая катастрофа.

Речь шла фактически о пределах роста – одном из основных понятий глобалистики. Представление о пределах роста приобрело особую актуальность в начале 1970-х годов в рамках компьютерного моделирования и впервые нашло отражение в работе Дж. Форрестера «Мировая динамика» (1971). Широкое обсуждение этой проблемы началось после опубликования первого доклада Римскому клубу «Пределы роста» (1972), подготовленного многонациональной группой известных ученых из Массачусетского технологического института (США) во главе с Д.Медоузом²⁸². Было

сделано заключение, что при сохранении существовавших в то время тенденций роста народонаселения, промышленности и сельскохозяйственного производства истощение природных ресурсов и загрязнение окружающей среды достигнут критических пределов, угрожающих глобальной катастрофой в начале XXI в. Предотвращение ее представлялось возможным лишь в случае принятия соответствующих мер по достижению «глобального равновесия в мире». В 1992 г. Д.Медоуз во втором издании своей книги под названием «За пределами роста» сделал вывод, что современная цивилизация уже находится за физическими пределами, налагаемыми на мировое производство и потребление конечностью земных ресурсов, и, возможно, не имеет достаточного времени для предотвращения надвигающейся опасности²⁸³. Через 12 лет в третьем издании новые научные данные подтвердили, что по многим параметрам допустимые пределы давно уже превышены²⁸⁴. Фактически проведение работ в сфере глобального моделирования, построение первых компьютерных моделей мира, математических расчетов пределов роста, несмотря на многие недостатки первого доклада, способствовало развенчанию широко распространенного мифа о беспредельном экономическом росте как средстве решения всех проблем. Наряду с этим внимание широкой общественности было привлечено к кризисным процессам, связанным с пределами роста, что послужило толчком к переосмыслению сложившихся ранее представлений о прогрессе общества и человечества.

Исходя из этого, на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. было указано, что модель развития, которую использует десяток западных стран, а также идея «американского мира», направленная на безудержный рост и максимальное потребление ресурсов планеты, полностью исчерпала себя. Подчеркивалось, что если в мире утвердится модель развития «потребительского общества», а значит, образ жизни и метод мышления господствующей ныне евроамериканской цивилизации, то это ускорит наступление глобальной климатической и экологической катастрофы на планете. Несмотря на очевидную необходимость кардинального изменения ценностных ориентаций, стиля потребления и жизни развитых стран, «неустойчивая» «ресурсопотребительская» евроамериканская модель развития стремительно распространяется сегодня в мире, в том числе и в

России, что может только приблизить наступление катастрофического будущего. Это фактически меняет перспективы формирования нового мирового порядка: «На сегодняшней фазе своей эволюции произошло усложнение проблемы в связи с активной потребностью в ресурсах новых стран индустриального развития в Азии, Латинской Америке и посткоммунистическом мире. Это поднимает проблему убывания ресурсов до уровня угрозы человечеству. Речь идет уже не только об убывании ресурсов и конкуренции в сфере обеспечения ресурсами, которые усилились активной устремленностью не только западных, но и незападных стран к экономическому процветанию. Некоторые исследователи... говорят о начале новой эры – “эры энергии и климата”»²⁸⁵. В связи с этим многими учеными рассматривается как чрезвычайно опасный для мира в целом опыт незападных стран, стремящихся к быстрому экономическому росту, что угрожает стремительным исчерпанием невозобновляемых природных ресурсов и нарастанием остроты экологических и климатических проблем. Как писал немецкий философ В.Хесле, катастрофа «давно бы уже наступила, если бы жители планеты потребляли столько же энергии, сколько жители развитых стран Запада, а в атмосферу выбрасывалось столько же вредных веществ. Вряд ли кто ныне решится спорить о том, что западные индустриальные общества таким образом далее развиваться не могут. Иначе мы провалимся в бездну»²⁸⁶. Речь идет по существу о необходимости значительных изменений в ценностных ориентациях, сфере потребления, стиле жизни не только западных, но и незападных стран, без чего вряд ли будет достигнута мировая стабильность «В конечном итоге гонка за богатством в форме экономического роста привела, как это ни парадоксально, к победе в глобальном масштабе бедности над богатством. Происходит усиление контраста между бедными и богатыми странами»²⁸⁷. А это в условиях глобализации ведет к нестабильности и «взрывоопасности» в современном мире.

Еще в конце 1970-х гг. о необходимости коренного изменения ориентации развития писал Ф.Сен-Марк: «Невозможно избежать кризиса окружающей среды, если не будет изменена экономическая система, либерализм должен уступить место гуманизму, культ золотого тельца – идеалу прогресса человека, система “laissez-faire” – государственному управлению, национализм – единству

наций»²⁸⁸. К новому гуманизму призывал и А.Печчеи в своей книге «Человеческие качества»: «...Я настаиваю на необходимости как можно скорее перейти от концепции, ориентированной на человеческие потребности и их удовлетворение, к другому понятию, в основе которого лежало бы человеческое развитие, а главной целью стало бы самовыражение и полное раскрытие возможностей и способностей человеческой личности»²⁸⁹. Речь фактически шла о человеческой революции, главная цель которой – социальное равенство, социальная справедливость. А.Печчеи считал, что в условиях обострения глобальных проблем и нарастания угрозы экологического кризиса необходимо прежде всего более равноправное общество на всех без исключения уровнях его организации. Создание последнего, по мнению основателя Римского клуба, является основной предпосылкой для решения всех остальных человеческих проблем, как в рамках отдельных стран, так и на глобальном уровне: «Ведь, в сущности, если смотреть на будущее в долгосрочной перспективе, без справедливости нет и не может быть никакого стабильного мира или безопасности, никакого социального развития, никакой свободы личности, человеческого или приемлемого качества жизни для всех. Справедливость становится, таким образом, в новую эпоху условием *sint qua non* (лат.) – (непрерывным условием) самого существования человеческого общества»²⁹⁰. По мнению Печчеи, неотъемлемым правом любого родившегося на свет гражданина должен стать некий социальный минимум, исходящий из учета человеческой потребности в пище, жилье, медицинском обслуживании, образовании, информации, коммуникациях, средствах передвижения и пр. Причем этот социальный минимум должен быть оправданным как с физиологической точки зрения, так и способствовать культурному развитию личности. «Думаю, что право на такой социальный минимум станет главным пунктом нашего будущего общественного договора – основой общественных отношений, – и гарантом этого права должно стать мировое сообщество или его члены, все вместе и каждый в отдельности»²⁹¹. При этом ставился вопрос и о социальном максимуме – о тех верхних пределах, за которыми потребление и расточительство становятся предосудительными, более того, преступными и должны наказываться и пресекаться. В первую очередь это касается со-

временных обществ потребления, которые способствуют формированию ложных ценностей и их насаждению в мире в невиданных ранее масштабах.

В конце 1970-х гг. под эгидой Римского клуба проводились специальные исследования, в частности, проект «Альтернативное будущее человечества», целью которого была подготовка научно обоснованного ответа на вопрос, в состоянии ли современное человечество гарантировать определенный социальный минимум всему мировому сообществу. Ответ был в принципе положительным, но при одном условии – жестком самоограничении запросов «потребительского общества», основанного на ненасытном стремлении обладать все большим и большим количеством благ. Таким образом, в эпоху обострения глобальных проблем и жестких экологических ограничений концепция социальной справедливости приобрела более широкое толкование, требующее более равномерного распределения власти и доходов между всеми гражданами, группами и странами в мире.

В результате человечество в конце XX столетия оказалось перед дилеммой: или обеспечить всем жителям планеты скромный, но необходимый для достойной жизни исходный уровень благосостояния, или оно рискует быть разорванным на части в результате нерегулируемых и не поддающихся контролю внутренних противоречий и социальных взрывов. В XXI в. в условиях глобализации «по-американски» в мире стремительно нарастает экономическое и социальное неравенство, что может стать источником мировых социальных потрясений. Примечательно, что в 2007 г. Министерство обороны Великобритании опубликовало доклад о глобальных тенденциях развития, где в качестве одной из возможных угроз современному обществу отмечено появление нового революционного класса. Это – «пролетариат среднего класса цифровой эпохи», который включает в себя работников сферы духовного производства: науки и НИОКР, сферы образования, СМИ и коммуникаций, в том числе информационных сетей и услуг, маркетинга, рекламы, шоу-бизнеса, кинематографа, индустрии развлечений, операторов и программистов ЭВМ, специалистов обработки и анализа информации и др.

Нежелание политической элиты «проводить сбалансированную политику в области заработной платы, – справедливо пишет В.К.Левашов, – привело к возникновению растущих социальных

противоречий между средним классом и остальными слоями общества... Очевидно, что потенциал среднего класса коррелирует с интеллектуальным потенциалом общества, уровень которого в современных странах указывает на степень зрелости и готовности к изменению социально-политических отношений»²⁹². Это относится и к российскому среднему классу, который недоволен не только уровнем сверхдоходов новых богатых, но и своим дискриминированным положением внутри среднего класса. Поэтому существует реальная угроза «социального взрыва» как в странах Запада, переживающих глубочайший экономический и финансовый кризис и кризис «социального государства», так и в России.

В связи с этим, вероятно, знаковым событием может считаться обращение в «Wall Street Journal» от 17 июня 2010 г. основателя «Microsoft» Била Гейтса и инвестора Уоррена Баффета к наиболее богатым представителям мирового сообщества с призывом пожертвовать хотя бы половину своего состояния на благотворительность, на которое откликнулось значительное количество миллиардеров планеты. «Я до сих пор непомерно счастлив принятым мною в 2006 году решением – передать 99 % (почти 50 млрд. долларов) своего состояния в Фонд Билла и Мелинды Гейтс, – говорится в обращении Уоррена Баффета. – Теперь с похожей просьбой я и Фонд Гейтс обращаемся к людям, чье состояние исчисляется миллиардами долларов». По словам Баффета, вся прибыль, полученная с принадлежащих ему ценных бумаг американского инвестиционного Холдинга **Berkshire Hathaway**, крупнейшим акционером которой он является, будет направлена на благотворительность во имя социальной справедливости. Это событие оказалось незамеченным только в России, которая вышла на первое место в мире по количеству долларовых миллиардеров (за 2009 г. их количество выросло в стране в два раза). Показательно, что властные структуры не только не выразили своей озабоченности по поводу того, что количество миллиардеров за 2009 г. увеличилось в два раза, но, напротив, данный факт в отечественных СМИ назывался главным показателем выхода России из экономического и финансового кризиса.

Однако события 15 октября 2011 г., произошедший социальный взрыв населения в США и большинстве стран Евросоюза, выражающего недовольство своим экономическим положением

ем, призыв ко всем трудящимся планеты объединиться против засилья финансовых олигархов и «сильных мира сего» ради социальной справедливости являются наглядным подтверждением того, что глобальный капитализм изжил себя как социально-экономическая система.

В современных дискуссиях о будущем человечества много говорится о глобальном капитализме, о неокapитализме как новой меняющейся социальности XXI столетия²⁹³. Наряду с этим существуют и другие точки зрения как среди западных, так и среди российских авторов. Примечательно, что разразившийся экономический и финансовый кризис на Западе вызвал новую волну критики капитализма. Так, французский президент Н.Саркози на форуме «Давос-2010» выступил с резкой критикой современного капитализма: «Мы спасем капитализм и рыночную экономику, если преобразуем их, сделав их нравственными». И далее: «Капитализм всегда был неотделим от некоторой системы ценностей, от проекта цивилизации, от определенной идеи человека»²⁹⁴. Речь идет по существу о новом, «обновленном капитализме».

Показательно, что многочисленные социологические опросы европейцев об их отношении к капитализму также показывают, что во времена кризисов люди подвергают сомнению перспективу ориентации преимущественно на экономический рост, фиксируя негативные стороны капитализма, прежде всего в сфере угроз окружающей среде и социальной поляризации населения. Более того, девять из десяти выражают желание «улучшить» существующий экономический порядок: готовы изменить свои привычки, образ жизни и др.²⁹⁵.

Современная действительность свидетельствует, однако, о неустранимости недостатков капитализма в условиях глобализации. «При ней национальные правительства потеряли многие рычаги сдерживания агрессивного эгоизма (личного и группового), т. к. в сферу влияния транснациональных компаний вовлечены многие другие страны, не имеющие возможностей влиять на агрессивный монополизм этих международных компаний, – пишет Ф.М.Райзенман. – Таким образом, на новом витке спирали развития происходит возврат к условиям раннего (дикого) капитализма с его лозунгом: “максимальная прибыль – любой ценой!”. Именно о таком капитализме писал К.Маркс: “При 10 % прибыли капитал

становится активным, при 100 % – агрессивным, а при 300 % прибыли готов на любое преступление в мире, даже под страхом виселицы!»²⁹⁶. Отсюда прогнозируется, что разразившийся в 2008 г. мировой финансовый кризис является лишь началом более мощного кризиса, связанного с грядущей в 2015–2025 гг. очередной сменой общественно-экономической формации, которую предлагается назвать «солидаризм», где будут гармонично решены экономические, нравственные и социальные вопросы. Поднимаются вновь вопросы о социализме как об альтернативе капитализма. Отечественные исследователи, в частности философы, полагают, что в обстановке нарастания угрозы климатической и экологической катастрофы будущее за социализмом²⁹⁷. Высказывается мнение, что жизнеспособное мироустройство возможно лишь на основе управляемой, плановой социально-экономической системы типа «экологического социализма»²⁹⁸. При этом экологическое общество рассматривается как наиболее вероятная альтернатива будущего развития²⁹⁹. Что касается непосредственно России, то многие ученые, например В.Э.Багдасарян, считают совершенно неизбежной смену современной российской социально-экономической модели как нежизнеспособной, которая может привести страну к гибели: «Страна продолжает системно деградировать... Обвал 1990 г. перешел в плавное скольжение вниз по наклонной плоскости... Либо тренд деградации будет продолжен, и тогда Россию ждет неизбежная гибель, либо целевым образом будет изменена парадигма государственной политики, и тогда мы можем рассчитывать на возрождение страны»³⁰⁰. В.Н.Шевченко считает тупиковым капиталистический путь развития для России: «он с неизбежностью ведет к катастрофе, я уже не говорю о том, что насаждаемое желание жить, как Европа, не выдержит и наша самая богатая природа на Земле»³⁰¹. Очевидно, что в силу ограниченности природных ресурсов не все народы смогут жить так, как живут на Западе. Да и Запад вряд ли позволит всем странам жить по его образцам и стандартам потребления, сам будет вынужден изменить свое отношение к природе и к проблемам социальной справедливости.

Сегодня экономисты всех стран задаются вопросом: является ли мировой финансовый и экономический кризис внутренним кризисом рыночной системы или свидетельством ее деградации как таковой? Означает ли конец экономики роста или смену пара-

дигмы развития? По мнению одних специалистов, мировой кризис свидетельствует о необходимости последней, а также разработки целого комплекса новых экономико-математических моделей, которые в значительно большей мере, чем прежние, учитывали бы институциональные факторы, в частности, воздействие на экономические процессы государственных регулятивных механизмов³⁰². Другие аргументом в пользу признания необходимости кардинальной трансформации сложившейся экономической модели считают нарастание угрозы экологической, полное фиаско концепции устойчивого развития и весьма слабую чувствительность экономической системы к экологической деградации³⁰³. Речь идет о необходимости создания иной теоретической базы, увязывающей экономический рост, технологический переход и снижение указанных рисков в единую стратегию относительно глобального изменения климата. При этом необходимо исследовать важнейшие вопросы, которые предстоит решить в процессе модернизации и трансформации мировой экономики: о роли климатического фактора как общественного блага, у которого нет цены, что делает его весьма уязвимым при принятии конкретных экономических решений; о справедливости учета интересов разных поколений; о рассмотрении климатических изменений и их возможных как положительных, так и отрицательных последствий для экономик различных стран; о недооценке выгод и издержек экологических услуг и пр. По мнению Б.Н.Порфирьева, переход к устойчивому экономическому развитию, когда учитываются и экологические риски, может иметь два направления: «превентивное», ориентированное на снижение антропогенного техногенного риска изменений климата; адаптационное, предусматривающее постоянное приспособление экономики и общества к последствиям климатических изменений. В целом речь должна идти о выборе моделей и способов перехода национальных хозяйств и всей мировой экономики к новому технологическому укладу, обеспечивающему их устойчивое развитие в меняющихся климатических условиях. Такой выбор должен основываться на эволюции общественных предпочтений и учете социальных издержек перехода к новому укладу³⁰⁴.

В условиях нарастания угрозы планетарной климатической и экологической катастрофы во имя выживания человечества требуется следующее: отказ от «ресурсопотребительной» модели раз-

вития; ускоренная выработка экологически обоснованной стратегии социально-экономического и научно-технического развития, а также разумной концепции потребления современной цивилизации; приспособление нужд человечества к быстро изменяющимся условиям жизни на планете; поддержание целесообразного экологического равновесия и таких параметров окружающей среды, в рамках которых может быть обеспечено существование мирового сообщества, нормальная жизнедеятельность и здоровье людей. А для этого в свою очередь необходим всесторонний учет экологической перспективы как в повседневной жизни и поведении людей, так и во всех видах человеческой деятельности: политике, экономике, производстве, науке, образовании и т. д. В конечном счете речь идет о том, чтобы в рамках жестких экологических ограничений найти совершенно новые – альтернативные пути развития мира как целого. «Критерием и индикатором успешности социально-экономического развития в рамках жестких экологических ограничений должны выступать показатели здоровья населения и продолжительности его жизни, а также природные предпосылки обеспечения этих показателей, – писал Н.Н.Реймерс. – Экономическое богатство как таковое следует считать устаревшим мериллом национального достояния. Богатство страны, прежде всего, в здоровье населения, в интеллектуальном потенциале людей и в достаточном природно-ресурсном потенциале для их сохранения и развития»³⁰⁵.

Естественно, это предполагает формирование нового типа общества, основанного не только на коренном изменении отношений человека с человеком, но и с природой. Это требует принципиально новых представлений о том, что считать критерием развития в новом столетии. Очевидно, что этим критерием не могут быть ни наука, ни техника, ни экономический рост сами по себе. Необходимо общество, в котором материальное производство более не будет являться самоцелью одного, нескольких или всех людей. Таким должно стать общество, основанное на экологических принципах. Речь идет об обеспечении тех требований к деятельности людей, которые налагаются экологическим императивом, что возможно лишь при становлении экологической культуры и экологически воспитанного и образованного человека. Основным средством построения такого общества должен стать механизм самоограни-

чения, переход от потребительской к новому типу цивилизации, базирующейся на сознательном самоограничении потребностей в рамках жестких экологических ограничений ради выживания в новом столетии. «Но есть немало скептиков, которые подвергают сомнению способность человечества подчинить свое существование экологическим ограничениям, – справедливо пишет А.Б.Вебер. – Ссылаются на опыт прошлого, на исторические примеры истребления человеком флоры и фауны, на разрушение локальных экосистем, действительно погубившее некоторые цветущие когда-то цивилизации... Прошлое изменить нельзя, но будущее открыто... и альтернатива возможна...»³⁰⁶. Она возможна при условии отказа от признания экономического роста в качестве главного и единственного показателя развития цивилизации. «Решение социальных проблем, сохранность природы, здоровье населения, воспитание детей, состояние молодежи, образование, благосостояние могли бы стать в этом проекте факторами, не уступающими экономическому росту»³⁰⁷.

Разумеется, во многом это будет зависеть от политической воли и коллективной деятельности мирового сообщества. Как писал Н.Н.Моисеев, «общей целью человечества вне зависимости от социального строя государств, их географического положения, исторических традиций является сохранение стабильности биосферы, ее основных свойств. Существование общих целей может оказаться причиной, которая побудит народы искать приемлемые компромиссы в стратегии своего развития, во взаимоотношениях между народами»³⁰⁸.

Будущее общество в условиях глобализации и жестких экологических ограничений может быть построено на основе таких общечеловеческих ценностей, которых придерживаются все народы мира. Таковой является ныне социальная справедливость – один из общечеловеческих идеалов, которым вдохновлялись великие мыслители на протяжении всего существования человечества. По существу, это «представление о том, что все люди, относящиеся к разным классам и социальным группам, нациям и национальностям, должны быть равными в своих жизненных возможностях, о соответствующем распределении между ними общественного материального и духовного богатства»³⁰⁹. Конечно, социальная справедливость не является абсолютом в том смысле, что ее понима-

ние всегда было обусловлено исторически. В каждую из эпох оно наполнялось классовым, экономическим, социальным, политическим содержанием, было тесно связано с уровнем развития производительных сил и производственных отношений. В то же время вопрос об общественном устройстве, организованном на справедливых началах, являлся и является центральным во все времена.

Таким образом, в новом столетии в условиях жестких экологических ограничений на развитие социальная справедливость может стать не только стержневой, объединительной идеей для всех народов мира, но императивом эпохи и основным условием самого существования человечества.

Глава XV

Человечество на распутье: тенденции эволюции

В преддверии 80-летнего юбилея Ученый совет Института философии РАН провел публичный конкурс работ на тему: «Человечество на распутье: образы будущего». Поскольку первое место в конкурсе оказалось вакантным, можно предположить две версии случившегося: либо ни одно из представленных произведений в должной мере не вскрыло сущность и содержание происходящей трансформации бытия человечества, либо эксперты конкурсной комиссии оказались не готовы увидеть действительно новую трактовку важнейшей научно-практической проблемы. Не секрет ведь: сформулировать проблему и организовать ее обсуждение – это полдела. Главное – быть субъективно готовым к восприятию принципиально нового. Очень часто не укладывающееся в рамки принятой теоретической парадигмы новое рассматривается как нечто далекое от «правильного» научного понимания и воспринимается как заблуждение. Эту особенность развития науки заметил еще Гегель, который утверждал, что истина рождается как ересь и умирает как предрассудок.

Скорее всего непростой путь к утверждению уготован и принципиально новой трактовке сущности современной коренной трансформации бытия социоприродного Универсума, т. к. она может быть выработана только в рамках совершенно новой мировоззренческой парадигмы³¹⁰, хотя для ее формирования уже имеются определенные предпосылки. В последнее время появилось довольно много публикаций, ярко иллюстрирующих и в какой-то мере объясняющих новые явления в бытии человечества и всего планетарного социоприродного Универсума. Беда в том, что из-за узкой специализации современных ученых, идеологических и других соображений их исследования носят довольно частный, фрагментарный характер и пока нет работы, дающей описание и анализ тенденций целостного процесса коренных трансформаций современного бытия человечества, а характерным атрибутом подобных работ стал термин «непонятно»³¹¹. Непонятны движущие силы трансформации социоприродного Универсума, причины рассогласования темпов научно-технического и социального развития, тренд социальной эволюции, причины деградации человеческих качеств и т. п.

В силу непонимания происходящего возникают необоснованно оптимистические либо катастрофические прогнозы эволюции социоприродного Универсума в целом, его конкретных природных и социальных систем, представления о нарастающем хаосе бытия, что, однако, не лишено основания, поскольку нельзя однозначно прогнозировать эволюцию сложных многофакторных процессов и управлять трансформацией тех или иных объектов, если нет четкого представления о бытии целого, в котором они имеют место. Есть много реальных подтверждений, свидетельствующих о том, что независимо от того, на каком этапе социального и научно-технического развития находится конкретный социум, человечество в целом вступило в качественно новый этап своего исторического бытия. Задача философии – сформулировать целостную мировоззренческую концепцию современного этапа и перспективы эволюции планетарного социоприродного Универсума, т. е. выработать систему взглядов и представлений о качественном изменении всего материального бытия современного человечества, обусловленном этим коренным изменением места и роли человека в мире и представлений о нем³¹². Как известно, в середине XX в. началась *научно-техническая революция (НТР) – коренной переворот в материальных средствах преобразования человеком окружающего мира, обусловленный широким использованием в качестве орудий иницируемых человеком процессов на молекулярном, атомном и субатомном уровне*. В ходе НТР человек и общество вступили в новую эру своего воздействия на окружающий мир. Чем это обусловлено? В начале эволюции человек в своей деятельности опирался только на энергию своего собственного тела и фактически влиял на природу, как всякий другой живой организм: не изменял естественные биохимические процессы на Земле. Позднее, когда человек стал черпать энергетические ресурсы вне его непосредственных трофических цепей – из ископаемых биогенных источников энергии (уголь, сланцы, нефть и т. п.), он на много порядков увеличил масштаб и интенсивность своего воздействия на окружающую природную среду, превратившись в силу, способную существенно влиять на протекание планетарных геологических процессов. В ходе НТР человек овладевает безграничными энергетическими ресурсами абиогенной природы. Перед ним открылась возможность в целях удовлетворения материально-энергетических потребностей

безграничного развития социальной формы движения материи изменять естественно сложившуюся структуру вещества и миграцию химических элементов материального мира в масштабах планетарного социоприродного Универсума³¹³. Согласно материалистической теории естественноисторического процесса развития общества, такой переворот в производительных силах должен привести к изменению господствовавших экономических и всей совокупности остальных социальных отношений: политических, нравственных, религиозных, идеологических и т. п., к **коренной трансформации** системы ценностей и приоритетов бытия человека и общества, способов воспитания и образования граждан, образа жизни людей и в конечном счете к изменению мировоззрения – системы взглядов и представлений человека о его месте и роли в природе и обществе. Ясно, что в такой интерпретации процесс развертывания НТР должен обуславливать коренную ломку общественного способа производства, основанного на частной форме собственности на средства производства, включая и государственную как высшую стадию проявления монополистического капитализма. Если быть до конца последовательным, то теоретики НТР обязаны были однозначно констатировать неизбежность краха как классического капитализма, так и «реального социализма», который на самом деле был не чем иным, как государственно-монополистическим капитализмом, базировавшимся на материально-технической базе индустриального общества – системе механических машин. При «реальном социализме» собственником средств производства фактически являлись государство или сельские кооперативы, которые Ленин рассматривал как определенный вид госкапитализма³¹⁴, а не коллективный собственник – народ или общество, как это провозглашалось в пропагандистских лозунгах. Человек в таком обществе, как и при классическом капиталистическом способе производства, являлся по существу средством производства прибавочного продукта, но не целью жизнедеятельности общества. Средства на развитие человека выделялись в СССР и в других странах социалистического лагеря по остаточному принципу, т. е. в последнюю очередь, после развития всех других сторон жизнедеятельности социума. Неслучайно сами классики марксизма неоднократно высказывались о том, что общество с государственной формой собственности не имеет ничего общего с коммунизмом и что провоз-

глашенный в России «государственный социализм» есть на самом деле «вульгарный социализм»³¹⁵, а «социалистическая республика» является таковой только как цель дальнейших гуманистических преобразований общества³¹⁶.

Однако апологеты капитализма, как и адепты «перестройки социализма», которая по сути дела вылилась в разгосударствление и приватизацию госсобственности, пытаясь выхолостить социальное содержимое научно-технической революции и теоретически оправдать статус-кво и незыблемость капитализма, свели понимание сущности и революционных социальных последствий развертывания НТР к очередной модернизации исключительно техники и технологии. С этой целью в 1990-е и последующие годы они отказались от самого термина и понятия «НТР». Для обозначения современной технико-технологической модернизации стали использовать термины: постиндустриальная модернизация, постиндустриальная, техногенная, электронная, компьютерная и т. п. революция. Идеологически нейтральный термин «нанотехнология» стал применяться для обозначения специфики постиндустриальной модернизации техники и технологии, функционирующих как средства манипуляции наночастицами – материальными объектами размером от 1 до 100 нанометров (1 нанометр = 10^{-9} метра). Рассматривая происходящую модернизацию как переход классической индустриальной модели капитализма в стадию постиндустриального общества, они вынуждены были реанимировать гегелевскую идею «конца истории», отрицающую в дальнейшей эволюции человечества коренные социально-экономические перевороты как необходимые моменты развития человеческого общества³¹⁷. Тем самым они выхолостили социальную компоненту развертывания современной революции в материальных средствах преобразования окружающего мира. В результате исследования социальных последствий НТР фактически были сведены на нет и остались предметом рассмотрения отдельных энтузиастов. Однако практика осуществления НТР и развития общества во второй половине XX – начале XXI вв. дали массу чувственно-эмпирических свидетельств коренного изменения всех сторон бытия человечества, обусловленных НТР. Какие же принципиально новые изменения в бытии природы, общества и в системе мировоззрения вызвала НТР, какие коренные трансформации бытия социоприродного Универсума она обуславливает?

Прежде всего, использование в качестве средств преобразования мира процессов молекулярного, атомного и субатомного уровней коренным образом изменило процесс труда, превратив человека из агента, непосредственно изменяющего предмет труда с помощью своих физических сил, ручных орудий или управляющего механическими машинами или их системой, в субъекта, иницирующего и контролирующего естественные и искусственно созданные процессы наноуровня. С использованием нанотехнологий изменились не только место и роль человека в процессе производства, но и характер преобразований окружающего мира. При всех прежних технологических способах производства человек в качестве орудий использовал в основном измененные по форме предметы природы (молот, пила, резец, топор и т. п.) и мог с их помощью изменять только форму вещества природы, поступившего в процесс производства. Таковыми – измененными лишь по форме – были и готовые изделия, и отходы материальной деятельности. Производство и воздействие человека на окружающие природные объекты было по существу формопреобразующим.

Правда, испокон веков человек в качестве орудий использовал и естественные процессы природы: движение воды и воздуха, плодородие почв, процессы горения, гниения и брожения, некоторые другие. В аграрном производстве, в быту и энергетике такие средства преобразования природы имели место, однако это были в основном естественные процессы природы, использование которых не меняло глубинную, естественно сложившуюся в процессе геологической эволюции планеты и ее биосферы структуру косной материи и живого вещества – биоты. Изменялись лишь количественные характеристики состава естественной и «очеловеченной» (измененной человеческой деятельностью) природы. Материальная основа бытия – элементарный состав и структура материи планетарного социоприродного целого – оставалась практически константной, сохраняла свою качественную неизменную определенность³¹⁸. Экологические проблемы в силу этого имели ограниченный определенной территорией региональный масштаб и были связаны с антропогенным изменением количественного соотношения естественных для той или иной локальной экосистемы природы Земли веществ.

Планетарные биогенные константы – фундаментальные экологические условия существования биосферы, сложившиеся в результате самой жизнедеятельности скоррелированных сообществ живых организмов планетарной экосистемы: химический состав и среднегодовая температура атмосферного воздуха, мощность озонового слоя, кислотность природных вод, естественный уровень радиационного фона, масса биоты, хиральная частота (асимметричная структура живого вещества планеты) и т. п. – **являясь производными жизнедеятельности самих живых организмов, оставались практически неизменными**³¹⁹, находились в динамическом равновесии, колеблясь в пределах определенных границ.

Естественные природные условия бытия человека и общества и сам планетарный социоприродный Универсум стали качественно изменяться в ходе НТР. Использование нанотехнологий – процессов микроуровня – позволяет с помощью незначительных энергетических затрат возбуждать процессы колоссальной мощности, приводить в движение громадные массы материи, способные оказывать глобальное по масштабам воздействие на миграцию вещества и энергии живой и неживой природы планеты, т. е. инициировать различные процессы макроуровня: провоцировать землетрясения, цунами, проливные дожди, электромагнитные эффекты в атмосфере, появление «озоновых дыр», что влечет за собой повышение уровня радиационного фона Земли, влияет на химический состав атмосферы и как следствие изменяет температуру атмосферного воздуха и климат планеты в целом. Подобные влияния на природу Земли оказывают испытания и использование ядерного, химического и бактериологического оружия, техногенные аварии на атомных, химических и фармакологических, нефтедобывающих и перерабатывающих предприятиях и т. п.³²⁰. Использование нанотехнологий в производстве различных медикаментов, биологических добавок, пищевых продуктов, средств их консервации и хранения, защиты растений и животных, борьбы с вредителями сельского хозяйства и бытовыми насекомыми и т. д. и т. п. связано с производством искусственных – не встречающихся в естественной природе – органических соединений, которые, попадая в живой организм, нарушают фундаментальную биогенную константу биосферы – хиральную чистоту живого вещества планеты, т. е. нарушают его асимметричную структуру, которая слож-

лась в ходе естественной эволюции жизни на Земле. Раз попавшие в живые организмы несвойственные для живого вещества органические изомеры, циркулируя в цепочках питания, практически не выводятся из круговорота органических веществ в биосфере и постоянно накапливаясь, создают реальную угрозу уничтожения жизни на Земле³²¹. Многие авторитетные ученые указывают на нарушение эндэкологии конкретных живых организмов, биоты как важнейшую экологическую угрозу бытию планетарного социо-природного Универсума³²².

Несвойственные для живого вещества органические изомеры, накапливаясь в живых организмах, нарушают нормальное функционирование последних, провоцируют генетические трансформации, болезни, гибель живых организмов, словом, качественно изменяют естественные основы бытия биологической формы движения материи планеты. С освоением нанотехнологий реальностью стала геновая инженерия – свободное манипулирование с генетическим материалом биоты. С ее помощью уже создано большое количество генномодифицированных растений и животных. Процесс генетической трансформации живого вещества планеты существенно увеличивается за счет неконтролируемого накопления в окружающей среде антропогенных веществ и процессов, обладающих мутагенными свойствами – способностью вызывать стойкое изменение наследственных структур, т. е. влиять на процессы глубинной трансформации живых организмов. Новые генномодифицированные живые организмы, появляющиеся с быстротой, невиданной в прошлые эпохи эволюции жизни на планете, замещают естественно возникших или полученных путем долгой традиционной селекции животных и растения, хорошо адаптированные к определенным биогеоценозам. В результате этого *происходит стремительное существенное изменение генофонда планеты.* В настоящее время деятельность по производству, внедрению, переработке и реализации генномодифицированных организмов и продуктов из них, а также практика, сопровождающаяся попаданием в окружающую среду мутагенов, осуществляется, большей частью, на средства частных инвесторов и частными производителями. Преследуя конкретные, как правило, коммерческие цели, эта деятельность породила массу глобальных, судьбоносных для бытия человечества проблем.

Любой генномодифицированный организм или продукт с их использованием оказывает определенное воздействие на другие живые организмы. Эти влияния по отдельности могут быть в определенном смысле полезны для человека. Но в своей совокупности их воздействие на биоту дает синергийный эффект. К примеру, вблизи посевов генномодифицированных сельскохозяйственных культур ускоряется процесс мутаций и изменение генофонда аборигенных живых организмов. С увеличением количества таких организмов и продуктов с ГМО утрачивается практическая возможность учесть все возможные последствия генномодификационного процесса. Но уже для многих ученых очевидно: происходит существенное качественное изменение генома живого вещества, трансформируется генофонд планеты. *Этот процесс выходит из-под контроля и становится неуправляемым*³²³.

В настоящее время качественное изменение структуры бытия живого и косного вещества планеты, а по существу естественно сложившихся материальных условий жизни на Земле стало причиной глобального антропогенного экологического кризиса – быстрого изменения планетарных биогенных констант. Сохранение биогенных условий существования человека в определенных границах их естественных колебаний обеспечивалось на протяжении всей истории существования вида **Homo Sapiens жизнедеятельностью** скоррелированных сообществ живого вещества планеты. С завершением индустриальной революции коренным образом изменились объем и интенсивность воздействия человечества на природу Земли. Они стали превосходить по масштабам своего суммарного воздействия естественные геологические процессы миграции вещества и энергии. *С развертыванием НТР началось качественное изменение самой структуры живой и неживой материи планеты.* Все это обусловило быстрое изменение экологических условий существования живых организмов на планете, сокращение массы ее живого вещества – основной биогенной константы планеты – фактора, определяющего сохранение других планетарных биогенных констант. Неспособность биоты восстанавливать себя в прежнем объеме ведет к сокращению ее массы, нарушению процессов воспроизводства других биогенных констант и в конечном счете к глобальной экологической катастрофе – коренному изменению естественно сложившегося состава живого

вещества планеты, т. е. планетарной экосистемы как определенной целостности, в которой каждый вид и каждый отдельный живой организм выполняют определенную функцию по воспроизводству бытия биосферы.

В прежние времена такой проблемы не существовало. Естественная природа Земли сама была в состоянии нейтрализовать последствия влияния человечества на экосистему планеты. Теперь *человечество становится субъектом эволюции планетарной экосистемы, а вместе с этим и обеспечения экологических условий своего дальнейшего бытия*. Оно вступило в фазу коренного преобразования взаимодействия общества с природой Земли.

Бытие человечества имеет абсолютные ограничения своей природопреобразовательной деятельности. Его существование и развитие возможно только при условии сохранения планетарных биогенных констант как фундаментальных экологических условий нормальной физической жизнедеятельности человека. Существование человечества в пространстве и времени обусловлено неизменностью планетарных постоянных. Их изменение недопустимо³²⁴. НТР открыла эру качественного преобразования естественно сложившихся форм движения материи планетарного Универсума, т. е. творение человеком принципиально иного – искусственного материального мира. Экспансия последнего ставит перед обществом чрезвычайно сложные проблемы управления технопагенными, техногенными и шире социоплагенными и социогенными процессами эволюции планетарного целого³²⁵. Такие изменения могут иметь положительный результат только при условии обеспечения этой объективной трансформации другой формой данного объективного процесса – соответствующим уровнем целеполагающей деятельности людей, наличием зрелого субъективного фактора (зрелого общества зрелых людей), ориентирующего преобразование социоприродного Универсума на достижение гуманистической цели всестороннего развития человека и общества³²⁶.

К примеру, залп одной современной атомной субмарины, осуществленный по команде отдельного человека нажатием кнопки на пульте управления оператора ракетного комплекса, может привести к глобальной экологической катастрофе в результате изменения биогенных констант планеты в силу антропогенной инициа-

ции естественных процессов, описанных в сценарии концепции «ядерной зимы». Аварии последних лет на атомных электростанциях в Чернобыле и на Фукусиме, катастрофа на нефтебуровой вышке в Мексиканском заливе, другие техногенные и техноплангенные катастрофы, произошедшие по вине ряда принимающих решение конкретных людей в силу их профессиональной некомпетентности, плохого самочувствия, халатности или каких-либо других субъективных причин, наглядно демонстрируют коренное изменение места и роли отдельного конкретного человека в бытии социоприродного Универсума. *Овладевая техникой и технологией НТР, отдельный человек впервые в истории человечества становится силой, способной существенно влиять на эволюцию социоприродного Универсума, вплоть до полного качественного изменения его бытия*³²⁷. Отдельный человек может стать антропоплангенным фактором, провоцирующим множество техногенных и натурогенных процессов, которые в своей совокупности приведут к последствиям, губительным для существования человечества. Таковыми могут быть отдельные политические деятели, ученые-экспериментаторы, практики, эксплуатирующие современную сложную технику и технологические комплексы, отдельные террористы и просто безответственные люди, так или иначе обладающие возможностью влиять на инициирование процессов, способных оказать глобальное воздействие на социоприродный Универсум. С развитием НТР людей, способных влиять на его эволюцию, становится все больше и больше. Контролировать деятельность человека, владеющего современными электронными системами связи, управления и вмешательства в сложные технологические системы, становится все труднее. Известны случаи проникновения малолетних хакеров в компьютерные сети Пентагона, распоряжающегося колоссальными боевыми средствами. Всем памятны веерные отключения электроэнергии в России, когда из-за произвола энергетиков происходили сбои в функционировании электронных систем Министерства обороны. Подобных примеров можно назвать бесконечно много³²⁸.

Сейчас бытие человечества все больше зависит от физического, психического, интеллектуального, нравственного и в целом социального развития каждого конкретного человека. Такое положение дел требует пересмотра следующей мировоззренческой максимы, оставшейся незабытой на всем протяжении истории

человечества: «Один в поле не воин», «отдельный человек – песчинка, винтик мировоззрения: он не может существенно влиять на бытие планетарного социоприродного целого». С развитием НТР общество в целом становится творцом качественно новых, неизвестных в естественном мире веществ, объектов, процессов и живых организмов и становится эволюции всех известных форм движения материи, а отдельный конкретный человек – существенным фактором эволюции всего планетарного Универсума, субъектом изменения социоприродного бытия человечества³²⁹.

В условиях господства частной собственности на средства производства конкуренция в погоне за прибылью стимулирует ускоренное совершенствование и модернизацию техники и технологии, базирующихся на достижениях стремительно развивающейся науки. Новая техника уже теперь позволяет в принципе обеспечить довольно высокий уровень жизни и благоприятные экологические условия существования для всех людей на планете. Например, всего лишь 15% населения, проживающего в наиболее развитых странах («золотой миллиард»), производит 85 % мировой продукции³³⁰. Сегодня в развитых странах 2/3 трудоспособного населения обеспечивают весьма высокие запросы всех граждан, включая 1/3 живущих на ренту, пособия, стипендии, пенсии и прочих не занятых непосредственно в материальном производстве людей. Причем среди большей части современных работников – представители сферы обслуживания, непосредственно не создающие материальные блага. По подсчетам авторитетных исследователей, в ближайшие десятилетия пропорция изменится. Доля занятых в общественно полезном труде сократится до 1/3. Две трети окажутся на содержании работающих, будут иждивенцами.

В обществе, где ценность человека определяется его способностью выполнять определенную производительную функцию, быть средством производства прибыли, не занятые трудом индивиды – бремя, обуза. Это лишние люди, затраты на содержание которых нецелесообразны, расточительны. До эпохи НТР общество в известной мере мирилось с наличием определенной доли не занятых производственным трудом людей, так называемой «резервной армии», поскольку в условиях стихийно меняющейся экономической (кризисы, спады производства, рост конъюнктуры и т. д.) и политической ситуации оно должно было иметь некоторый резерв потен-

циальной рабочей силы разной квалификации и подготовленных в военном отношении резервистов. На их содержание и подготовку общество готово было затрачивать определенные средства. Сейчас ситуация меняется. Высокотехнологичные армии контрактников и производство вполне в состоянии, используя незначительный контингент профессионалов, выполнять задачи, которые раньше могли решаться с помощью привлечения живой силы большого количества людей. Поэтому содержание «резервной армии» практически становится излишним. Лишними становятся и люди, которые потенциально не могут быть использованы. Получается, что при наличии высокопроизводительных средств труда эпохи НТР обществу с капиталистическим способом общественного производства оказался ненужным как массовый производитель прибавочного продукта (основы бытия индустриального общества), так и массовый производящий потребитель, поскольку последний существует за счет перераспределения средств, заработанных первым, следовательно, недопотребления самого производителя и снижения доходов собственников средств производства. Кроме того, содержание и обеспечение производящей массы людей предметами потребления обуславливает увеличение объема перерабатываемых ресурсов природы и ухудшение экологических условий существования на планете, что вызывает естественное недовольство производящего слоя. В связи с этим в развитых странах наметилась тенденция сокращения различных социальных программ поддержки незанятого в производстве населения³³¹. Более того, под разными предлогами все настойчивее пропагандируются идеи необходимости и программы сокращения народонаселения планеты (концепция «золотого миллиарда») вплоть до прямого насильственного уничтожения непроизводительной части населения – «лишних людей», «нахлебников».

Обрисованная ситуация вскрывает суть коренного изменения ценности человека в обществе. *В массовом обществе человек перестает рассматриваться не только как личность, но и как человеческий индивид.* Отчужденный от природы, власти, от себя самого, частичный индивид, способный к выполнению определенных простых функций в жизнедеятельности целого – социума – сводится в своей совокупности до уровня аморфной биомассы, в отношении к которой неприменимы категории и институты морали. В филосо-

фии и идеологии трансформация отношения к человеку проявляется в замене модернистского лозунга «Бог умер», и, следовательно, человеку все позволено, постмодернистским «Человек умер»³³², т. е. остался биологический организм. Это свидетельство полной дегуманизации, расчеловечивания общества³³³, а по существу фактическое отрицание самой сути его бытия как способа существования сознательных существ – человека, людей. Создается парадоксальная ситуация. *В эпоху НТР человечество в принципе способно обеспечить каждому человеку все необходимые условия для его физического, психического, интеллектуального, нравственного и в целом социального развития.* Оно способно всех накормить, обуть, одеть, дать образование и определенным образом воспитать, т. е. обеспечить всестороннее развитие и существование человека в благоприятных экологических условиях и, опираясь на достижения НТР и неисчерпаемый потенциал высокоразвитого человека, безграничное бытие человечества в пространстве и времени. Однако этого не происходит. Почему? Дело в том, что социальная организация, адекватная эпохе промышленной революции и индустриального общества, базировавшегося на системе механических машин, в условиях качественного изменения материальных производительных сил и средств преобразования мира – НТР, коренного изменения места и роли отдельного человека в природе и обществе обуславливает неадекватные цели их развития и функционирования: сведение человека к элементу биомассы или простому средству производства прибыли. Если же он не полностью исключается из бытия социума, то как частичный – отчужденный – человек необходим обществу только как исполнитель определенной социальной функции – средства производства прибыли.

Это обуславливает ограничение затрат на воспроизводство человека только как определенным образом выдрессированной рабочей силы. Поэтому сейчас в мире около 5 из 7 млрд человек, проживающих на Земле, получают на поддержание своей жизни не более двух долларов в день. На эти средства в принципе человек не может иметь все необходимое для его полноценного физического, психического, интеллектуального, нравственного и социального развития. Прежде всего люди ограничены в удовлетворении элементарных потребностей своего физического существования. Не секрет, что большинство этих людей не получает сбалансирован-

ное по жирам, белкам и углеродам, витаминам и минеральным веществам питание. Отсюда отставание в физическом и психическом развитии, что затрудняет процесс их образования, воспитания и в целом социализации. В результате люди в течение своей жизни не достигают уровня зрелости, соответствующего их возрасту и требованиям развития социума, остаются незрелыми – инфантильными. Те же люди, которые имеют достаточно средств к существованию и развитию, часто не достигают уровня социальной зрелости в силу целенаправленной политики, проводимой «хозяевами жизни», заинтересованными в культивировании социально незрелых людей, которыми легче управлять с помощью различных средств манипуляции сознанием. Для этих целей разработаны соответствующие системы образования, воспитания, организации досуга и потребления, электронные и печатные СМИ, мобилизована массовая культура и искусство и др. В силу этого инфантильные люди – это не только представители бедных и беднейших слоев. Это основная масса народонаселения планеты³³⁴.

В настоящее время главная угроза существованию планетарного социоприродного Универсума – инфантильный человек. В чем эта опасность? Инфантильный (незрелый) человек опасен тем, что он может быть психически неуравновешенным и неадекватно реагировать на различные жизненные ситуации. Часто это человек, неспособный логично рассуждать, у него ограничены возможности абстрактного мышления и способности к умозаключениям. Он испытывает трудности при анализе конкретных ситуаций, не может критически относиться к собственным поступкам. В целом социально незрелый человек не всегда четко понимает, что хорошо, а что плохо. Он неадекватно осознает свое место и роль в природе и обществе, не готов к самостоятельной творческой деятельности, а потому нуждается в постоянной опеке, руководящей, направляющей силе.

На разных этапах существования человеческого социума не было недостатка в инфантильных людях, однако прежде они не представляли угрозу для бытия общества. Оно в своем историческом развитии выработало множество социальных институтов и механизмов, с помощью которых ему удавалось стимулировать, организовывать и контролировать бытие инфантильных людей во всех сферах их жизнедеятельности. Этому способствовали

семья, община, государство, церковь, различные общественные и неформальные организации и т. п. Кроме того, несанкционированная, спонтанная деятельность людей в прежние эпохи не могла оказывать существенное влияние на бытие природы и общества, поскольку собственные силы и техника, которыми располагался любой конкретный человек, не обладали достаточной для этого мощностью.

Ситуация коренным образом меняется на наших глазах, во временном интервале существования одного поколения, в течение каких-то 40–50 лет. *Отдельный человек стал силой, способной изменять бытие социоприродного Универсума.* От деятельности одного зависит существование всего человечества, эволюция планетарного целого. И таким человеком может быть инфантильный субъект, распоряжающийся современной высокосложной техникой. От его психического здоровья, профессиональной компетенции, нравственного и социального развития теперь зависит бытие всех.

С развертыванием НТР таких людей становится все больше. Ситуация усугубляется тем, что сейчас с разукрупнением производства и все большей индивидуализацией труда и быта, мобильностью людей в пространстве, различием их интересов и устремлений становится все труднее контролировать их индивидуальное поведение и деятельность традиционными способами. Отсюда рост угрозы несанкционированной активности инфантильных индивидов с непредвиденными последствиями глобального масштаба.

С другой стороны, электронная техника позволяет с помощью различных визуальных и аудиосистем наблюдения отслеживать деятельность практически каждого человека в масштабе реального времени, что и делается в быту, на транспорте, в общественных местах, на производстве и т. п. Однако эти средства позволяют лишь наблюдать за происходящим, но не предвидеть и пресекать возможные действия. Для этой цели разрабатываются другие средства, которые призваны контролировать и программировать не только конкретные действия, но и психическое состояние, мысли и намерения людей. Путем вживления микрочипов человеческое поведение можно будет полностью поставить под контроль и подчинить выполнению заданной извне программы. М.Хоркхаймер полагал, что предотвратить превращение человека в объект тотальной манипуляции нельзя и человечество неми-

нуемо движется к внушаемому страх манипулируемому миру³³⁵. К такому пути предотвращения угрозы человечеству со стороны инфантильного человека склоняются нынешние политическая и хозяйственная «элита», большинство обывателей, мечтающих о своей безопасности и спокойной, обеспеченной жизни. Это тот массовый среднестатистический и, следовательно, *нормальный*, в понимании большинства, человек, который гениально изображен Ф.М.Достоевским в его «Легенде об Инквизиторе». Там «хозяева жизни» представлены в роли Инквизитора – сатаны – как истинные благодетели человечества, взявшие на себя ответственность за бытие инфантильных людей. Названный путь сейчас наиболее реальный. Для его осуществления нет технических препятствий. Дело за политическим решением «благодетелей»³³⁶.

Подобная стратегия и средства тотального контроля фактически превратят большинство людей в биороботов, в киборгов. «Homo sapiens» окончательно утратит свободу самостоятельного бытия и перестанет быть человеком. С его ликвидацией исчезнет человечество, прекратится эволюция социоприродного Универсума. Это будет началом конца эволюции земного типа бытия социальной формы движения материи.

Несоответствие социального развития человечества темпам научно-технического прогресса не позволяет коренным образом изменить взаимодействие человека и общества с природой, преодолеть углубление глобального антропогенного экологического кризиса и предотвратить угрозу планетарной экологической катастрофы, решить многие другие рожденные НТР глобальные проблемы.

В качестве примера обратимся к экологической проблеме. Как известно, индикатором современного экологического кризиса является изменение планетарных биогенных констант. Отсюда логически следует: преодоление экологического кризиса требует восстановление последних в прежних границах их динамического равновесия. Сама природа в силу перепотребления человеком массы ее биоты³³⁷ не в состоянии воспроизводить себя в прежнем объеме. Антропогенное воздействие на биогенную среду увеличивается, и кризисные процессы нарастают. Кардинально изменить ситуацию может только общество, взяв на себя функцию целенаправленного, планомерного производства и воспроизводства планетарных биогенных констант, т. е. функцию поддержания в

благоприятном состоянии для существования человека и других живых организмов биосферы параметров биогенной среды: химического состава и среднегодовой температуры атмосферного воздуха, мощности озонового экрана, радиационного фона на планете и т. п. Речь идет, таким образом, о принципиально новой области целесообразной деятельности человека – производстве и воспроизводстве планетарных биогенных констант.

Господствующий в современном мире способ общественного производства представляет собой экономическую систему, стержнем которой является товарное производство, т. е. производство таких предметов потребления, которые можно продать и для которых имеется покупатель. Экологическое производство осуществляется во множестве локальных экосистем, где человек с помощью технических средств и технологических процессов поддерживает биогенные константы определенной экосистемы. Экологическое производство функционирует, например, при разведении рыбы в прудах и аквариумах, где человек поддерживает определенную температуру воды и химический состав растворенного в ней воздуха. Аналогичные действия совершаются в тепличных хозяйствах, в биологических лабораториях и многих других местах, результаты чего могут быть реализованы на рынке, т. е. в конечном счете стать товаром и принести прибыль.

В планетарном же масштабе экологического производства как не было, так и нет. Дело в том, что планетарные биогенные константы, как всеобщие фундаментальные биогенные условия жизни живых организмов биосферы, в принципе не могут быть товаром – предметами купли-продажи. Они необходимы для жизнедеятельности всей биоты. В них нуждается все, но их невыгодно производить частными собственникам или государственным предприятиям отдельных стран, поскольку их в принципе никто не будет покупать. Нельзя и заставить людей платить за пользование ими налоги, поскольку нет действенных мер принуждения к выполнению этой повинности. Поэтому никто и не занимается производством и воспроизводством планетарных биогенных констант. Это в принципе невозможно в условиях товарного производства, целью которого является получение прибыли. Экологическое производство в глобальном масштабе может стать реальностью только в обществе, целью бытия которого станет человек, его все-

стороннее развитие, тогда производство и воспроизводство благоприятных для жизнедеятельности человека экологических условий существования – планетарных биогенных констант – станет целью деятельности людей независимо от необходимых для этого затрат, ибо необходимость такого производства будет определяться не прибылью, а общественной полезностью. Следовательно, преодоление экологической катастрофы – обеспечение экологических условий физического существования человека и возможности дальнейшего развития человечества – связано с коренным изменением социального способа жизнедеятельности общества³³⁸.

Несостоятельность господствующей социальной системы бытия человечества демонстрируют и масштабные социо-, техно- и натуроплагенные катастрофы, современный мировой экономический кризис, с последствиями которых не в состоянии справиться ни отдельные частные или государственные компании, ни порой и довольно богатые страны. Такие катаклизмы, иногда спровоцированные корыстными интересами погони за прибылью частных компаний, преодолеваются усилиями многих людей, стран и народов и, как правило, благодаря вмешательству всей мощи государств, путем национализации частных корпораций и в целом за счет снижения уровня благосостояния налогоплательщиков и ухудшения условий для развития человека. В исторической ретроспективе было много попыток изменить несоответствующую потребностям развития современного человечества социальную организацию его жизнедеятельности.

На заключительном этапе индустриализации во многих странах Европы возникли фашистские режимы и система «социалистических» государств, пытавшихся путем жесткой централизации и механизмов редистрибуции смягчить социальные противоречия и направить социальное и технологическое развитие своих стран в определенное, контролируемое русло, сохраняя в принципе основы своей общественно-экономической организации. Но ни одна из тоталитарных систем не выдержала испытание временем. Фашизм был побежден силой оружия коалиции стран с разными политическими системами (капитализм и «реальный социализм»). «Вульгарный социализм» оказался не в состоянии реформироваться соответственно требованиям развертывания НТР – переориентировать цели жизнедеятельности общества, политики и практики

индустриализации и примата государства на задачи превращения человека из средства производства в цель жизнедеятельности общества. Большинство стран классического индустриального капитализма нашли выход из ситуации несоответствия общественного способа жизнедеятельности новым средствам производства, возникшим в ходе НТР и все больше замещающим традиционную механическую машинную технику индустриального общества. Они смогли при поддержке массивной пропаганды переориентировать ценности капиталистического общества с целей накопления капитала на экономику потребления. Повышение доходов работников позволило создать так называемый «средний класс», который оказался способен к массовому потреблению, что стимулировало повышение производительности труда и производства предметов потребления, развитие науки, техники, ускорение их внедрения в производство, увеличение предложения новых товаров и их использования. Это в свою очередь ускорило оборот капиталов и способствовало улучшению экономической конъюнктуры, ослаблению социальных противоречий, привело к временной стабилизации социальной системы и породило иллюзию «конца истории». На самом деле общество потребления не преодолело давно назревший конфликт – противоречие между двумя основными «сторонами развития общественного индивида»³³⁹: уровнем развития производительных сил и производственных общественных отношений, а глубже – проблему несоответствия средств и целей жизнедеятельности общества. Это несоответствие – основное противоречие бытия современного общества.

Предотвращение негативного сценария эволюции социоприродного Универсума и обеспечение безграничного бытия человечества в пространстве и времени возможно только с превращением человека из средства производства прибыли и достижения корыстных целей отдельных людей в цель жизнедеятельности общества, т. е. с практической реализацией всеобъемлющего нравственного закона, сформулированного И.Кантом в виде максимы «категорического императива»: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем, и в лице всякого другого как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»³⁴⁰. Надо сказать, что суть «категорического императива» была сформулирована задолго до Канта в учении Конфуция, в Священном

Писании христиан и других источниках как общечеловеческий идеал социальных связей и отношений. Однако реализация нравственного «категорического императива» станет возможной только тогда, когда общество сумеет преодолеть стихийный характер своего естественноисторического бытия, когда коренным образом изменится роль субъективного фактора в последнем и оно сможет целенаправленно управлять процессом эволюции человека и социальной формы движения в целом³⁴¹. Тогда человек действительно станет «мерой всех вещей» (Протагор) и реализуется принцип «возлюби ближнего, как себя самого». Тогда общество в целом и каждый конкретный субъект будут ориентированы на создание условий для реализаций всех потенций развития человека, т. е. становление человека зрелого, осознающего свои место и роль в природе и обществе, способного самостоятельно контролировать свои действия во благо общества и каждого отдельного конкретного индивидуума. Тогда сможет реализоваться социальный идеал человечества, отраженный в представлениях о «золотом веке», Царстве Божием на Земле, в концепции ноосферы³⁴² или в идее коммунизма. Это будет *зрелое общество зрелых людей, способное обеспечить свое безграничное существование в пространстве и времени*, что адекватно достижению зрелой стадии бытия земного типа социальной формы движения материи.

Однако теоретически незрелое состояние бытия человечества в конечном счете может быть преодолено в ходе объективного естественноисторического развития материальных средств преобразования мира и соответствующего закономерного изменения социальных форм человеческой жизнедеятельности и развития индивидов, т. е. стихийного создания предпосылок возникновения зрелого общества, при условии, что человечество не уничтожит себя раньше в силу названных выше причин – рассогласования темпов технического и социального развития общества. Следовательно, проблема становления зрелого общества зрелых людей упирается в дефицит времени, необходимого для преодоления инфантильного бытия человечества. Созданию «критической массы» зрелых людей, способных изменить вектор эволюции социоприродного целого, препятствуют традиционные социальные институты и структуры. Чтобы зрелое общество зрелых людей стало реальностью, необходимо, чтобы научно-техническая рево-

люция, изменяющая место и роль человека и общества в бытии социоприродного Универсума, осуществлялась в контексте глобальной гуманистической социальной трансформации³⁴³. Гуманистический сценарий развития «человека в человеке»³⁴⁴ и всего человечества может быть реализован в условиях качественно иного способа общественного производства как долговременный проект целесообразной деятельности объединившегося человечества, направленный на формирование всесторонне развитых людей, численность которых должна составить критическую величину, необходимую для преодоления социальной инерции инфантильного большинства. Коренной переворот в средствах изменения мира (технико-технологическая модернизация) и превращение отдельного человека в фактор эволюции социоприродного Универсума при наличии большого количества незрелых, инфантильных людей предполагает глубокие социально-экономические и культурные преобразования, гарантирующие такое социальное развитие общества, которое позволит ему преодолеть рассогласование темпов научно-технического и социального прогресса человека и общества и обеспечить будущее человечества. *Только в контексте целенаправленной проективной деятельности по преодолению инфантильного бытия социума можно обрести надежду на оптимистический сценарий эволюции человечества. У инфантильного общества будущего нет*³⁴⁵. И здесь нельзя не согласиться с К.Марксом, развивавшим идею о том, что общественный способ жизнедеятельности может быть коренным образом изменен и ориентирован на осуществление реального гуманизма «только при условии всестороннего развития индивидов, потому что наличные формы общения и производительные силы всесторонни, и только всесторонне развивающиеся индивиды могут их присвоить, т. е. превратить в свою свободную жизнедеятельность»³⁴⁶. В этом свете перспективным представляется предложение американского физика М.Зальцберга рассматривать в качестве важного фактора, определяющего прогрессивность социально-политического типа общества, «качество человеческого материала»³⁴⁷. В этом же ключе размышлял еще П.Я.Лавров, полагавший, что именно «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении... вот краткая формула, обнимающая все, что можно считать прогрессом»³⁴⁸. В обществе, утратившем великую идею,

направлявшую усилия человечества на достижение большой цели, идея «зрелого общества зрелых людей» может стать стимулом, консолидирующим усилия людей для преодоления кризиса современной цивилизации и практической реализации гуманистического идеала – превращения человека в цель бытия общества. Тогда созданная и создаваемая современным человеком культура может превратиться из орудия самоотрицания человечества в средство обеспечения его безграничного бытия в пространстве и времени, и его эволюция станет осуществляться не за счет деградации природной среды и всех проявлений отчуждения человека (как от природы, так и от себя самого и своей человеческой сущности), а как процесс коэволюции природы и общества – взаимообусловленное прогрессивное развитие всего жизненного мира человека и человечества – «очеловеченного» социоприродного Универсума.

Примечания

Введение

- ¹ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-филос. анализ взаимоотношений экономики и о-ва. М., 2008.
- ² *Wagner P.* A History and Theory of the Social Sciences. Not All that is Solid Melt into Air. L.–New Delhi, 1981.
- ³ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000.
- ⁴ Там же. С. 13–20.
- ⁵ Там же. С. 73–74.
- ⁶ Там же. С. 77.
- ⁷ Там же. С. 82–83.
- ⁸ Там же. С. 90–91.
- ⁹ Там же. С. 92–93.
- ¹⁰ Там же. С. 95–96.
- ¹¹ *Tourain A.* The End of the «Social» // Comparing Modernities. Pluralism and Homogeneity. Essays in Homage to Shmuel N.Eisenstadt / Ed. by E.Ben-Rafael and Y.Sternberg. Leiden–Boston, 2005. P. 236.
- ¹² Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998. С. 7.
- ¹³ *Tourain A.* The End of the «Social». P. 230.
- ¹⁴ *Latour B.* Reassembling the Social. An Introduction of Actor-Network-Theory. Oxford–N.Y., 2007.

РАЗДЕЛ I

Глава I

- ¹⁵ *Searle J.* Making the Social World. The Structure of Human Civilization. Oxford, 2010. P. 5.
- ¹⁶ Ibid. P. 6.
- ¹⁷ *Helmer O.* Social Technology. N.Y., 1966.
- ¹⁸ Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание. Венский кружок // Erkenntnis / Пер. с нем. Я.В.Шрамко; Под ред. О.А.Назаровой. М., 2007. С. 74.
- ¹⁹ *Wartofsky M.* Positivism and Politics: The Vienna Circle as a Social Movement // Schlick und Neurath. Ein Simposion / Ed. R.Haller. Amsterdam, 1982. P. 79–101; Wissenschaftliche Weltauffassung – Der Wiener Kreis. Wien, 1929.
- ²⁰ *Howard D.* Two Left Turns Make a Right: on the Curious Political Career of North American Philosophy of Science at Midcentury // *Hardcastle G., Richardson A.* Logical Empiricism in North America. Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Minnesota, 2003. P. 25–93; *Rescher N.* Collected Papers. Studies in 20th Century Philosophy. Vol. 1. Piscataway (NJ), 2005.
- ²¹ *Helmer O.* Op. cit. P. 3.
- ²² Ibid. P. 5.
- ²³ Ibid. P. 6.

- 24 *Harre R. Modeling: Gateway to the Unknown // Studies in Multidisciplinary / Ed. by D.Rothbart. San Diego, 2004.*
- 25 *Helmer O. Op. cit. P. 8.*
- 26 См.: Конструктивный подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В.А.Лекторский. М., 2009.
- 27 *Helmer O. Op. cit. P. 18.*
- 28 *Ibid. P. 48.*
- 29 См.: *Global Trends 2025: A Transformed World, NIC. 2009. (www.dni.gov/nic/NIC_2025_project)* Проект подготовлен в США в 2009 г. в рамках программы ЦРУ по долгосрочному предсказанию развития событий в мире. Используется как аналитический источник долгосрочной политики США. Подготовка долгосрочных проектов началась в 1950 г., одним из разработчиков методологии был О.Хелмер. См.: *Уткин А.И., Федотова В.Г. Будущее глазами Национального совета по разведке США: глобальные тенденции до 2025 года. Изменившийся мир. М., 2009.*
- 30 См.: *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. С. 234–276.*
- 31 *Feenberg A. Alternative Modernity. The Technical Turn in Philosophy and Social Theory. L., 1995. P. 21; Федотова В.Г. Критика социокультурных ориентаций современной буржуазной философии: сциентизм и антисциентизм. М., 1981.*
- 32 *Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., СПб., 1998. С. 40–41.*
- 33 *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Указ. соч.*
- 34 *Шелер М. Избр. произведения. М., 1994. С. 100–101.*
- 35 Там же. С. 111.
- 36 Там же. С. 110.
- 37 Там же. С. 119.
- 38 *Feenberg A. Alternative Modernity. P. 169–220.*
- 39 *Федотова В.Г. Штарнбергская группа (ФРГ) о закономерностях развития науки // Вopr. философии. 1984. № 3. С. 125–133.*

Глава II

- 40 *Стёпин В.С. Основания науки и их социокультурная соразмерность // Наука в культуре. М., 1998. С. 71.*
- 41 *Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. М.–СПб., 2001. С. 14.*
- 42 См.: *Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1: Прологомены. М., 2002.*
- 43 *Декарт Р. Рассуждения о методе // Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 250.*
- 44 *Шюц А. Формирование понятия и теории в социальных науках // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 1994. С. 66.*
- 45 *Куайн У. Онтологическая относительность // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М., 1996.*
- 46 *Шюц А. Формирование понятия и теории в социальных науках. С. 64–65.*
- 47 *Кант И. Критика чистого разума. М., 2007. С. 300.*
- 48 Там же. С. 297.
- 49 Там же.

- 50 *Rorty R.* Against Unity // *The Wilson Quarterly*. 1998. Vol. 22(1). P. 28–38.
- 51 См.: *Улановский А.М.* «Новая парадигма» социальных наук: линии развития современного конструктивизма // *Социальная эпистемология: идеи, методы, программы*. М., 2010. С. 279–298.
- 52 *Касавин И.Т.* Конструктивизм как идея и направление // *Конструктивизм в теории познания*. М., 2008. С. 63.
- 53 *Розин В.М.* Природа и особенности гуманитарного познания и науки // *Наука глазами гуманитария*. М., 2005. С. 60.
- 54 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. М., 1968. С. 38.
- 55 См.: *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000. С. 619–636.
- 56 *Хьюбнер К.* Истина мифа. М., 1996. С. 84.
- 57 *Стёпин В.С.* Генезис социально-гуманитарных наук (филос. и методол. аспекты) // *Вопр. философии*. 2004. № 3. С. 41.
- 58 *Федотова В.Г.* Классическое и неклассическое в социальном познании // *Социальные знания и социальные изменения* / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2001. С. 5–19.
- 59 *Окладной В.А.* Возникновение и соперничество научных теорий. Свердловск, 1990. С. 65.
- 60 *БурдыеП.* Зарационалистический историзм // *Социо-Логос постмодернизма '97*. Альманах Рос.-франц. центра социол. исслед. М., 1996. С. 12.
- 61 *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 36.
- 62 *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Теоретическая психология. М., 2001 С. 8.
- 63 *Лотман Ю.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 154.
- 64 *Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003. С. 63–78.
- 65 Этот постулат разделяется не всеми социологами.
- 66 *Здравомыслов А.Г.* О принципах социологического мышления (http://www.jourssa.ru/2009/3/16_Zdravomyslov.pdf).
- 67 *Ядов В.А.* Стратегии социологического исследования. М., 2000.
- 68 *Латур Б.* Когда вещи дают отпор: возможный вклад исследований науки в общественные науки // *Социология вещей*. М., 2006. С. 342–364.
- 69 *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 25–30.
- 70 См.: *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000.
- 71 *Кнорр-Цетина К.* Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // *Журн. социологии и соц. антропологии*. 2002. Т. VI. С. 109.
- 72 Там же. С. 101–124.
- 73 *Kopytoff I.* The Cultural Biography of Things: Commodization as Process // *The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective* / Ed. by A.Appaduray. Cambridge, 1986.
- 74 *Mäki U.* Ontology: What? Why? Where? // *The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics*. Cambridge, 2001. P. 4.

- 75 См.: *Kincaid H.* The Empirical Presuppositions of Metaphysical Explanations in Economics // *The Economic World View*. P. 15.
- 76 *Ананьин О.И.* Структура экономико-теоретического знания: Методол. анализ. М., 2005. С. 46–47.
- 77 *Mäki U.* Op. cit. P. 3–15.
- 78 *Buchanan J.* The Economics and The Ethics of Constitutional Order. An Arbor, 1991. Цит. по: *Mäki U.* Ontology: What? Why? Where? P. 5.
- 79 См.: *Hahn F.* The Next Hundred Years // *Economic Journal*. 1991. Vol. 101. № 404. P. 50.
- 80 *Лоусон Т.* «Экономическая теория» в свете реализма // *Вопр. экономики*. 2006. № 2. С. 92.
- 81 Там же. С. 80.
- 82 *Мяки У.* Модели и эксперименты – одно и то же (<http://institutiones.com/strategies/986-modeli-i-eksperimenty.html>).
- 83 См. подробнее: *Farrell H., Finnemore M.* Ontology, Methodology and Causation in the American School of International Political Economy // *Review of International Political Economy*. 2009. № 2. P. 58–71.
- 84 *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001. С. 12–15.
- 85 *Dogan M.* Sociology Among The Social Sciences. *Encyclopedia of Sociology* / Ed. by E.Borgatta, R.Montgomery. Vol. 5. N.Y.–L., 2000. P. 2913–2927.
- 86 <http://www.unesco.org/new/en/social-and-human-sciences/resources/reports/world-social-science-report>.

Глава III

- 87 *Королев С.А.* Модернизация и демодернизация в российской истории. Ч. I–II // *Философия и культура*. 2009. №№ 1, 2.
- 88 Приведу одно весьма характерное высказывание А.С.Ахиезера: «Для Петра, – пишет он, – характерно стремление выдвинуть труд в качестве человеческой ценности в протестантском духе, обращение к идее человеческого блага. Историческое значение петровских реформ заключается в том, что они были попытками, хотя и слабо отрефлексированными, в определенной степени сдвинуть культурные основы государственной политики ближе к полюсу либерализма» (*Ахиезер А.С.* Труды. М., 2006. С. 107).
- 89 *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
- 90 *Королев С.А.* Псевдоморфоза как тип развития: случай России // *Философия и культура*. 2009. № 6.
- 91 См.: *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М., 1998. С. 192.
- 92 Там же.
- 93 *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 56.
- 94 Там же. С. 68.
- 95 *Цымбурский В.* Новый возраст России // *Русский журнал* (интернет-издание). – 4 октября 2007 г. (<http://www.russ.ru/Mirovaya-vestka/Novyj-vozrast-Rossii>).
- 96 Там же.

- ⁹⁷ См.: *Кантор В.К.* Второе норманнское влияние // Человек между Царством и Империей: Сб. материалов междунар. конф. М., 2003.
- ⁹⁸ *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. С. 17.
- ⁹⁹ *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: Три великие трансформации. (Отметим, что наша книга целиком посвящена критике эконоцентризма глобализации. Но этот эконоцентризм является реальностью, которую мы обсуждаем, разделяя при этом интенции расширения ее гуманитарных социокультурных функций. Мы отрицаем лишь признание желаемого за действительность.)
- ¹⁰⁰ Там же. С. 225 и далее.
- ¹⁰¹ См.: *Кола Д.* Фуко и Советский Союз // Мишель Фуко и Россия. Сб. ст. СПб.–М., 2000. С. 227–228.
- ¹⁰² См.: *Королев С.А.* От «Апостола» до «Архипелага»: социокультурные трансформации в России // *Философия и культура*. 2010. № 1.
- ¹⁰³ Саудовская Аравия в системе международного движения капитала (http://catalog.fmb.ru/saudi_arabia6.shtml).
- ¹⁰⁴ Заметим, кстати, что протестное женское движение в Саудовской Аравии возымело определенные результаты: осенью 2011 г. король Абдалла объявил, что отныне женщины будут участвовать в местных выборах и даже иметь право избираться в муниципальные органы власти.
- ¹⁰⁵ Подробнее см.: *Королев С.А.* Соблазн дисциплины // *Досье на цензуру*, 29/2008; *Королев С.А.* Дисциплинарные технологии в современной России // *Досье на цензуру*, 30/2009.

РАЗДЕЛ II

Глава IV

- ¹⁰⁶ *Бергер П.* Капиталистическая революция. 50 тез. о процветании, равенстве и свободе. М., 1986.
- ¹⁰⁷ *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. Париж, 1939. С. 173.
- ¹⁰⁸ *Бунге М.* Холотехнодемократия: альтернативы капитализму и социализму // *Вопр. философии*. 1994. № 6. С. 42.
- ¹⁰⁹ *Гидденс Э.* Постмодерн // *Философия истории: Антология*. М., 1995. С. 40.
- ¹¹⁰ См.: *Философия истории: Антология*. М., С. 340.
- ¹¹¹ *Соловьев В.* Оправдание добра. М., 1996. С. 379.
- ¹¹² *Аристотель.* Соч. Т. 4. М., 1984. С. 379.

Глава V

- ¹¹³ *Гринспен А.* Эпоха потрясений. Пробл. и перспективы мировой финансовой системы. М., 2008.
- ¹¹⁴ *Розе А.* Капитализм под ударом. Больше немцев и австрийцев не верят в рыночные механизмы // *Рос. газ*. 2010. 20 авг.
- ¹¹⁵ Neun von zehn Deutschen fordern neue Wirtschaftsordnung // *Spiegel*. 2010. 18 August.
- ¹¹⁶ *Уткин А.И.* Подъем и падение Запада. М., 2008.

- ¹¹⁷ *Turner B.S.* For Weber: Essays on the Sociology of Fate. L., 1997. P. 280.
- ¹¹⁸ *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995. С. 110.
- ¹¹⁹ *Неклесса А.И.* Люди воздуха, или кто строит мир? М., 2005.
- ¹²⁰ *Томас В., Знанецкий Ф.* Три типа личности // *Общая социология: Хрестоматия.* М., 2006. С. 176.
- ¹²¹ *Landreth H., Colander D.C.* History of Economic Thought. Boston–Toronto, 2002. P. 77.
- ¹²² *Аникин А.В.* Шотландский мудрец: Адам Смит // *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007. С. 889.
- ¹²³ *Горц А.* Нематериальное знание, стоимость и капитал. М., 2010. С. 6–152.
- ¹²⁴ *Туроу Л.* Указ. соч.
- ¹²⁵ *Бродель Ф.* Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм I–XVIII вв. т. 2. М., 2008. С. 229.

РАЗДЕЛ III

Глава VI

- ¹²⁶ *Сигеле С.* Преступная толпа (1892). М., 2011; *Тард Г.* Законы подражания (1892). М., 2011; *Лебон Г.* Психология народов и масс (1895). СПб., 1996; *Михайловский Н.К.* Герои и толпа (1882) // *Михайловский Н.К.* Избр. тр. по социологии: В 2 т. Т. 2. СПб., 1998. После этой работы Михайловский опубликует ещё четыре статьи на эту же тему (последнюю в 1893 г.), которые как единый цикл войдут в посмертное издание сочинений автора 1906 г. Важен тот факт, что первая статья Михайловского выйдет за несколько лет до работ французских исследователей, в ней внимание будет обращено прежде всего на социальные механизмы образования масс (толп). См. об этом: *Белинская Е.П.* Концепция «героев и толпы» Н.К.Михайловского и «психология масс» Г.Лебона: переключки идей // *Современная социальная психология. Теоретические подходы и прикладные исследования.* М., 2010. № 3(8); *Райх В.* Психология масс и фашизм (1933). СПб., 1997; *Московичи С.* Век толп. Ист. трактат по психологии масс (1981). М., 1996.
- ¹²⁷ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс (1929). М., 2008. Отечественная философско-социологическая мысль советского периода обратилась к этой теме в связи с актуализацией интереса к проблеме массового сознания. См.: *Ашин Г.К.* Доктрина «массового общества». М., 1971; *Овчинников Г.К.* Массовое сознание как объект социологического анализа. М., 1974; *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1980; *Грушин Б.А.* Массовое сознание. М., 1987; *Хевеши М.А.* Толпа. Массы. Политика. Историко-филос. очерк. М., 2001 и др.
- ¹²⁸ *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1996. С. 160.
- ¹²⁹ Вспомним, именно эти слова были начертаны на скульптурном изваянии императора Нерона. Одним смыслом они связаны и с другим известным афоризмом: «Сталин – отец всех народов».

- ¹³⁰ Именно преобладающим, но не единственным. Э.Тоффлер считает, что человечество с выходом за пределы индустриального общества становится в социально-культурном отношении более разносторонним, чем было раньше. Этим наступающая цивилизация бросает вызов утвердившемуся господству стереотипов массового сознания. См.: *Тоффлер А.* Шок будущего. М., 2003.
- ¹³¹ Большой энциклопедический словарь М., 1997. С. 863.
- ¹³² Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 327.
- ¹³³ См.: Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. Т. 43. СПб., 1897. С. 495.
- ¹³⁴ См.: *Шпак Л.Л.* Власть толпы. М., 1993; *Цуладзе А.М.* Политические манипуляции или покорение толпы. М., 1999; *Тощенко Ж.Т.* Три особенных лика власти. М., 2003.
- ¹³⁵ См.: *Тощенко Ж.Т.* Охлократия: возрождающийся феномен ([http // Tochenko. ru./publication/41](http://Tochenko.ru/publication/41). С. 3).
- ¹³⁶ *Грушин Б.А.* Массовое сознание. М., 1987. С. 15.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ *Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. М., 1997. С. 154.
- ¹⁴⁰ *Юдин Б.Г.* Интеллектуальный потенциал личности // Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерения. М., 2002. С. 16.
- ¹⁴¹ *Якунин В.Я., Багдасарян В.Э., Сулашкин С.С.* Новые технологии борьбы с российской государственностью. М., 2009. С. 252.
- ¹⁴² См.: *Крылова И.А.* Роль науки в модернизации России // Филос. науки. 2011. № 10. С. 34.
- ¹⁴³ *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб., 2002. С. 139.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 185.
- ¹⁴⁵ См.: *Райх В.* Психология масс и фашизм. СПб., 1997. Напомню, книга написана в период экономического кризиса в Германии (1930–1933 гг.), что называется, по горячим следам утверждавшегося фашистского режима.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 13.
- ¹⁴⁷ «Фюрер, – утверждает Райх, – может творить историю только тогда, когда структура его личности соответствует личностным структурам широких групп» (Там же. С. 60).
- ¹⁴⁸ Там же. С. 14.
- ¹⁴⁹ См.: Россия и Европа. По материалам международного проекта «Европейское социальное исследование». М., 2009. С. 68.
- ¹⁵⁰ См.: *Беляева Л.А.* Воспроизводство культурного капитала и проблемы социального неравенства в России // Филос. науки. 2011. № 10. С. 6–21.
- ¹⁵¹ Западный опыт иной, там чётко прослеживается соотношение уровня образования и величины заработной платы: человек, окончивший лишь общеобразовательное учебное заведение, зарабатывает в 1,5 раза меньше, чем бакалавр, и в три раза меньше, чем магистр, при этом разница в оплате достигается сразу же с момента получения работником соответствующего диплома. См.: *Вульфсон Б.П.* Стратегия развития образования на Западе на пороге XXI в. М., 1999. С. 21.

- ¹⁵² Вот некоторые цифры: в США каждый третий доктор наук, работающий в промышленности, и каждый четвертый аспирант, обучающийся в области естественных наук и техники, родился за пределами США (в инженерных дисциплинах их доля составляет 45 %, в компьютерных – 43 %, в математических – 30 %) . Здесь проходят обучение 500 тысяч иностранных студентов. Кстати сказать, это приносит ежегодный доход в 10 миллиардов долларов, Россия же получает от экспорта образования в 35 раз меньше. См.: *Якунин В.Я., Багдасарян В.Э., Сулашкин С.С.* Указ. соч. С. 267.
- ¹⁵³ См.: Регионы в России: социокультурные портреты в общеевропейском контексте. М., 2009. С. 714.

Глава VII

- ¹⁵⁴ Мы опираемся на естественнонаучную характерологию германских и российских (советских) авторов: Э.Кречмера, П.Б.Ганнушкина, М.Е.Бурно.
- ¹⁵⁵ Такое определение национально-психологических особенностей дает, в частности, М.Е.Бурно (см.: *Бурно М.Е.* О характерах людей (психо-терапевтическая книга). М., 2008. С. 352–353).
- ¹⁵⁶ Существует и другое мнение относительно особенностей русского национального характера, также опирающееся на естественно-научную характерологию. Так, социолог К.Касьянова в своей известной книге (см.: *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1991) утверждает, что среди русских распространен т. н. эпилептоидный (в современном наименовании – авторитарно-напряженный) характерологический тип, но определенным образом скомпенсированный (смягченный, социально адаптированный) культурным развитием. Мы в данном случае придерживаемся точки зрения М.Е.Бурно, поскольку представление об эпилептоидности русских «стирает» различия между ними и, например, многими кочевыми и горскими народами, в среде которых, действительно, авторитарно-напряженный характерологический радикал является ведущим.
- ¹⁵⁷ См., например: Одна философия дополняет другую. Марк Бурно о дефензивных людях, характерологии и творческом самовыражении (URL: http://exlibris.ng.ru/person/2010-07-08/2_bruno.html).
- ¹⁵⁸ Нельзя не отметить, что традиционная российская идентичность активно разрушалась и ранее, например, в советское время (пресловутый «кодекс строителя коммунизма»), однако именно в СССР удалось воплотить многое, что являлось предметом чаяний простого русского человека на протяжении столетий (мечта о *социальной справедливости*).
- ¹⁵⁹ *Хайек Ф.* Либерализм // Фридмен, Милтон и Хайек, Фридрих о свободе. М., 2003. С. 148.
- ¹⁶⁰ См.: *Канарш Г.Ю.* Демократия и особенности российского национального характера (к политико-психологическим аспектам имиджа России) // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3.
- ¹⁶¹ *Фридмен М.* Свобода, равенство и эгалитаризм // Фридмен, Милтон и Хайек, Фридрих о свободе. С. 79.

- ¹⁶² *Хайек Ф.А. фон.* Рынок, социальная справедливость и солидарность // *Хайек Ф.А. фон.* Познание, конкуренция и свобода / Пер., сост. и предисл. С.Мальцевой. СПб., 1999. С. 92.
- ¹⁶³ См.: *Хайек Ф.* Либерализм С. 156.
- ¹⁶⁴ Об американской картине мира см., например: *Гачев Г.Д.* Американский образ мира, или Америка глазами человека, который ее не видел // *Гачев Г.Д.* Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М., 2007. С. 448–458.
- ¹⁶⁵ См.: *Бурно М.Е.* О характерах людей. С. 157–162; 352–354. Важно, что дефензивные особенности русской души (жалостливость, скромность, отзывчивость, непрактичность) отчетливо звучат уже в русских народных сказках (см.: *Павловская А.В.* Народные сказки и русский характер // *Павловская А.В.* Русский мир: характер, быт и нравы: В 2 т. Т. 1. М., 2009. С. 48–51).
- ¹⁶⁶ *Федотова В.Г.* О причинах неудач реформ 1991–1998 гг. в России // Социальные знания и социальные изменения / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2001. С. 233.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 239.
- ¹⁶⁸ *Федотова В.Г.* Основные образы и сценарии российского развития // Модернизация и глобализация: образы России в XXI в. / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2003. С. 104.
- ¹⁶⁹ Отметим, что подобное положение дел коренным образом противоречит постулатам самой неолиберальной теории. Неолиберализм отрицает лишь дистрибутивную (распределительную) справедливость, но далек от отрицания справедливости вообще. Справедливое поведение, честность в исполнении взятых обязательств, соблюдение общих для всех норм (формальная справедливость) считаются главной гарантией свободы и необходимым условием рациональной экономической деятельности. Свобода – это прежде всего свобода внутри определенных границ, налагаемых свободой других людей, утверждает вслед за классиками либерализма Ф. фон Хайек (*Хайек Ф.* Либерализм. С. 146–147).
- ¹⁷⁰ См.: *Буров В., Федотова В.* Золотые правила реформ (URL: http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg042006/Polosy/11_1.htm); *Федотова В.Г.* Прогресс в контексте реальных глобальных трансформаций // Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2010. С. 140–146; *Буров В.Г.* Человеческий фактор в политике государства (Россия и Китай: сравнительный анализ) // Антропологическое измерение российского государства / Отв. ред. В.Н.Шевченко. М., 2009. С. 145–193.
- ¹⁷¹ *Фридмен М.* Свобода, равенство и эгалитаризм. С. 90–92.
- ¹⁷² Подробно о традициях русского предпринимательства см.: *Павловская А.В.* Предпринимательство в России // Русский мир: характер, быт и нравы. В 2 т. Т. 2. М., 2009. С. 233–312.
- ¹⁷³ *Зарубина Н.Н.* Этика служения и этика ответственности в культуре русского предпринимательства // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 101.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 101. На тот же феномен обращают внимание и другие авторитетные исследователи. Так, В.Г.Федотова считает, что в России, для которой чувство сострадания, справедливости наряду с чувством патриотизма

- являлось одной из святынь, в лице «новых русских» сформировался новый антропологический тип, «в котором возобладал мотив хорошей жизни здесь и теперь... вместо мотива равенства и справедливости» (*Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1998. С. 219.*)
- ¹⁷⁵ «Культуре богатства обществ, в которых доминируют его денежные формы (т. е. обществ современного типа. – *Авт.*) присуща специфическая этика успеха, которая признает в качестве доминанты поведения стремление к максимальной самореализации, проявляющейся в первую очередь в карьерном и статусном росте и соответствующей материальной денежной прибыли. Этика успеха предписывает добиваться поставленной цели всеми доступными средствами по принципу “что не запрещено, то разрешено”. На этой основе легко развиваются социал-дарвинистские комплексы культа силы и презрения к слабым, неудачливым, аутсайдерам, проигравшим соревнование. Формируется представление о том, что каждый человек сам несет ответственность за свою судьбу и соответственно сам виноват в своих неудачах и бедствиях. Из этого следует и отказ от практик милосердной поддержки слабых и нуждающихся» (См.: *Зарубина Н.Н. Деньги и культура богатства: перспективы социальной ответственности бизнеса в условиях глобализации // СОЦИС. 2008. № 10. С. 16.*)
- ¹⁷⁶ *Бурно М.Е. Богу или мамоне // Бурно М.Е. О характерах людей. С. 332–333.*
- ¹⁷⁷ Там же. С. 354–355. См. также: *Бурно М.Е. О психотерапии пациентов с дефензивными расстройствами из «страны бедняков» // Практическое руководство по Терапии творческим самовыражением / Под ред. М.Е.Бурно, Е.А.Добролюбовой. М., 2003.*
- ¹⁷⁸ *Юревич А.В. Нравственное состояние современного российского общества // Социол. исслед. 2009. № 10. С. 72.*
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 73–75.
- ¹⁸¹ Там же. С. 77.
- ¹⁸² Такую цифру, названную писателем Б.Акуниным (из телепередачи), в целом считает верной профессор М.Е.Бурно.
- ¹⁸³ Цит. по: Типологическая модель А.Е.Личко // Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров / Ред.-сост. Д.Я.Райгородский. Самара, 2009. С. 490. В отечественной психиатрии конформный тип рассматривался также российским советским психиатром П.Б.Ганнушкиным, который обозначил его как тип «конституционально-глупых» (см.: Типологическая модель П.Б.Ганнушкина // Психология и психоанализ характера. С. 557–560). Однако на что обращает внимание А.Е.Личко (*Личко А.Е. Указ. соч. С. 489*), в эту группу Ганнушкин включает как собственно конформных людей, так и людей с врожденной патологической слабостью способности к умственному обобщению (олигофренов, дебилов) (см. *Ганнушкин П.Б. Указ. соч.. С. 557*).
- ¹⁸⁴ *Личко А.Е. Указ. соч. С. 490.*
- ¹⁸⁵ Там же.

- ¹⁸⁶ Как пишет отечественный исследователь Б.С.Братусь: «Русская культура при всех ее издержках стремилась к образованию и реализации в человеке духовного, эсхатологического уровня как главного и определяющего его нравственный облик. Любое дело, чтобы быть признанным, благим, нужным, должно было быть оправдано, соотнесено с христианским намерением, с Христом. Все остальные деяния, пусть и приносящие внешнюю, материальную пользу, рассматривались как зло. Советская культура всей мощью тоталитарной системы формировала (можно сказать грубее и точнее – формовала, прессовала) *иной тип личности – группоцентрический* (читай, конформный) (Курсив наш. – Авт.). Главными были класс, партия, коммунистическое общество, а все, что вокруг, – враги, против которых возможны любые средства борьбы. Все было направлено именно к такой, по сути дела, донравственной позиции». Цит. по: Типологическая модель Б.С.Братуся // *Райгородский Д.Я.* Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров. С. 162.
- ¹⁸⁷ *Федотова В.Г.* Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // Человек в экономике и других социальных средах / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2008. С. 18.
- ¹⁸⁸ См.: *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Концептуальные основы психологического исследования нравственной элиты в российском обществе // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 3. С. 75–82.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 75–76.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 77.
- ¹⁹¹ Там же. С. 78–79.
- ¹⁹² Там же. С. 80.
- ¹⁹³ См.: *Бурно М.Е., Бурно А.А.* О здоровой российской дефензивности (психастеничности, психастеноподобности) // Профессиональная психотерапевтическая газета. 2010. № 8. С. 2–3 (http://characterology.ru/characterology/nation-psychologic/item_4127.html). Справедливости ради следует отметить, что не только интеллигенция выполняла в России роль нравственного служения: по-своему, в рамках религиозной (православной) традиции служили народу Сергей Радонежский, Серафим Саровский, другие великие русские святые и подвижники.
- ¹⁹⁴ Отметим, что многим авторитетным исследователям, например В.Г.Федотовой, такой путь общества представляется утопией.
- ¹⁹⁵ См.: *Рывкина Р.В.* Интеллигенция в постсоветской России: исчерпание социальной роли // Социол. исслед. 2006. № 6. С. 138–146.
- ¹⁹⁶ Хотя в целом мы рассматриваем такой путь в качестве вполне реального и даже необходимого наряду с функционированием морали общественных институтов, но в иных, более стабильных и менее драматичных социальных обстоятельствах.
- ¹⁹⁷ Как пишет в связи с этим М.Е.Бурно: «На Земле довольно много незрелых, душевно-безликих и агрессивных людей, для которых выше всего материальное благополучие, чувственные удовольствия, власть. При известных обстоятельствах они, не способные разумно-критически рассматривать себя

со стороны, охватываются коротким, мощным эмоциональным мышлением и, веря в то, во что хочется верить, могут стать послушными толпами – стадами в руках безнравственных вождей. Пожалуй, только нравственное религиозное воспитание и строгое, тщательное исполнение государством законов с неперменным-неизбежным наказанием преступника могут здесь как-то помочь предотвратить многие несчастья в тяжелое, весеннее-грязноватое, переходное время нашего еще не развитого капитализма» (*Бурно М.Е.* О характерах людей. С. 79.)

- ¹⁹⁸ См.: Морали много, ума – мало (беседа с А.А.Гусейновым О.Назарова) // *Гусейнов А.А.* Философия, мораль, политика. С. 184.
- ¹⁹⁹ См.: *Пантин И.К.* Проблемы и противоречия становления демократии в России // *Демократия и суверенитет: Многообразие исторического опыта.* М., 2010. С. 37. (Заметим, что в советский период роль контролирующей инстанции в отношении бюрократического аппарата выполняла КПСС.)

Глава VIII

- ²⁰⁰ Здесь и далее слово «культура» употребляется не в узко-бюрократическом значении исключительно специализированной деятельности (художественной, эстетической практики общественного субъекта), а в более широком, философском смысле, связанном с социальными признаками деятельности человека как такового в отличие от биологической активности животных (см. об этом подробнее: *Власова В.Б.* Человек как творец социальной сферы // *Филос. науки.* 2009. № 4. С. 114–123).
- ²⁰¹ См.: *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990.
- ²⁰² См.: *Библер В.С.* Культура. Диалог культур (Опыт определения) // *Вопр. философии.* 1989. № 6. С. 31–43.
- ²⁰³ См.: *Марк К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 461–508.

Глава IX

- ²⁰⁴ *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М., 2010. С. 138.
- ²⁰⁵ *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000; *Гидденс Э.* Ускользающий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004; *Гидденс Э.* Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004; *Штомпка П.* Социология: анализ современного общества. М., 2005; *Штомпка П.* В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии // *Социол. исслед.* 2009. № 3; *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
- ²⁰⁶ *Гидденс Э.* Социология. М., 2005. С. 585.
- ²⁰⁷ *Штомпка П.* Социология: Анализ соврем. о-ва. М., 2005. С. 593.
- ²⁰⁸ *Валлерстайн И.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М., 2008. С. 169.
- ²⁰⁹ *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну.
- ²¹⁰ Там же. С. 10.
- ²¹¹ Там же. С. 109.

- 212 Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопр. философии. 2005. № 11. С. 3.
- 213 «Хорошее общество»: социальное конструирование приемлемого для жизни общества / Отв. ред. В.Г.Федотова М., 2005. С. 20.
- 214 Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России. С. 3.
- 215 Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
- 216 Примечание: дезаффеляция – от понятия аффеляция: стремление принадлежать к какой-либо социальной группе, быть интегрированным в нее, иметь связи с членами данной группы. Мотив аффеляции – один из основных (наряду с мотивами достижения и власти) мотивов человеческого поведения. Дезаффеляция, таким образом, есть разрыв связи с группой, утрата чувства принадлежности.
- 217 Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Общ. ред., пер. с фр. Н.А.Шматко. СПб., 2009. С. 474–475.
- 218 Там же. С. 478.
- 219 Там же. С. 543.
- 220 Там же. С. 541.
- 221 Там же. С. 573–574.
- 222 Доклад о развитии человека 2010. 20-е юбилейное издание. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. ПРООН. М., 2010.
- 223 Там же. С. 143–144.
- 224 Там же.
- 225 Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К.Горшкова, Р.Крумма, Н.Е.Тихоновой. М., 2010. С. 325–326.
- 226 Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М., 2010. С. 70.
- 227 Федотова В.Г. Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // Вопр. философии. 2007. № 9. С. 30.

Глава X

- 228 Олескин А.В. Биополитика: Полит. потенциал соврем. биологии: филос., политол. и практ. аспекты. М., 2007. С. 11.
- 229 Агамбен Дж. Номо Сасер. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 10.
- 230 См.: Негри А. Труд множества и ткань биополитики // Синий диван. 2008. № 12. С. 79–81.
- 231 См.: Негри А., Хардт М. Империя. М., 2004. С. 63.
- 232 Польрэ Б. Двусмысленности когнитивного капитализма // Логос. 2007. № 4(61). С. 72.
- 233 Кастель Р. Указ. соч. С. 465.
- 234 Там же. С. 469.
- 235 Федотова В.Г., Колтаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. С. 464.

Глава XI

- 236 См.: Уилсон Д. История будущего. М., 2007.
- 237 Там же. С. 10.

- 238 См.: *Штопка П.* Социальное изменение как травма // Социол. исслед. 2001. № 1.
- 239 *Уилсон Д.* Указ. соч. С. 32.
- 240 *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М., 2006. С. 214–215.
- 241 Там же. С. 230.
- 242 Там же. С. 245.
- 243 *Рэнд А.* Добродетель эгоизма. М., 2011. С. 59.
- 244 Там же. С. 61.
- 245 См.: *Нисбет Р.* Прогресс: история идеи. М., 2007.
- 246 См.: *Кастель Р.* Указ. соч.

Глава XII

- 247 *Кармазина Т.П.* Человек среди вещей. Минск, 1987. С. 32.
- 248 *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М., 2004. С. 86.
- 249 Там же. С. 85.
- 250 *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. С. 74.
- 251 См.: *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Указ. соч.
- 252 Там же. С. 556.
- 253 *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. С. 92, 16.
- 254 *Stearns P.* Consumerism in World History: The Global Transformation of Desire. Wiltshire, 2006. P. 12.
- 255 История Древнего Востока / Под ред. В.И.Кузищина. М., 2007. С. 379.
- 256 *Cherrier H.* Custodian Behavior: A Material Expression of Anti-consumerism // Consumption, Market & Culture. September. 2010. № 3. P. 260.
- 257 *Shamir O., Ben-Porat G.* Boycotting Sabbath: Religious Consumerism as a Political Strategy // Contemporary Politics. 2007. Vol 13. № 1. March. P. 75.
- 258 *Featherstone M.* Consumer Culture and Postmodernism. L., 2007. P. 87.

РАЗДЕЛ IV

Глава XIII

- 259 *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005. С. 96–148.
- 260 *Reston M.* International Policy in New Epoch. Stanford, 1997. P. 186.
- 261 *Спенсер Г.* Развитие политических учений. СПб., 1882. С. 15.
- 262 *Aron R.* Progress and Disillusion. The Dialectics of Modern Society. N.Y., 1986. P. 216.
- 263 *Монтескье Ш.* Избр. произведения. М., 1955. С. 258.
- 264 *Heidegger M.* Über den Humanismus. Fr. a/M., 1947. S. 22.
- 265 *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 106.
- 266 *Левин-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1995. С. 170.

Глава XIV

- 267 См.: *Привалов Н.Г.* О возможной катастрофе 2030–2050 гг. // Век глобализации. Исслед. соврем. глобал. процессов. 2009. № 1. С. 63–69.

- 268 *Climat Change 2007. Fourth Assesment Report. Summary for Policymakers.* URL. www.ipcc.ch.
- 269 *Данилов-Данильян В.И.* Климатические изменения // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003. С. 446.
- 270 *Вебер А.Б.* Человечество перед глобальным экологическим вызовом // Век глобализации. Исслед. соврем. глобал. процессов. 2011. № 1. С. 111.
- 271 *Данилов-Данильян В.И.* Указ. соч. С. 448.
- 272 См.: Доклад о развитии человека 2007/2008. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделенном мире. М., 2007. С. 75.
- 273 Там же. С. 113–114.
- 274 *Вебер А.Б.* Указ. соч. С. 115.
- 275 *Яницкий О.Н.* Россия: Экологический вызов (общественное движение, наука, политика). Новосибирск, 2002. С. 19.
- 276 *Вебер А.Б.* Указ. соч. С. 117–118.
- 277 *Данилов-Данильян В.И.* Указ. соч. С. 448.
- 278 *Печчеи А.* Сто страниц для будущего // Будущее в настоящем. М., 1984. С. 32.
- 279 Рабочая книга по прогнозированию. М., 1982. С. 6, 8.
- 280 *Ойзерман Т.И.* Возможно ли предвидение отдаленного будущего? // Вестн. Рос. акад. наук. 2005. Т. 75. № 8. С. 720.
- 281 Там же. С. 725, 726.
- 282 *Медоуз Д.* (и др.) Пределы роста. М., 1991.
- 283 *Медоуз Д.* За пределами роста // Системные исследования. Методол. пробл. Ежегодник. 1992–1994. М., 1996.
- 284 *Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L.* Limits to Growth: the 30-year Update. Vermont, 2004.
- 285 *Уткин А.И., Федотова В.Г., Федотов Л.Н.* Экологополитический и эколого-социологический дискурсы // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 64.
- 286 *Хесле В.* Философия и экология. М., 1993. С. 17.
- 287 *Привалов Н.Г.* Указ. соч. С. 66.
- 288 *Сен-Марк Ф.* Социализация природы. М., 1977. С. 82.
- 289 *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1980. С. 233.
- 290 Там же. С. 217.
- 291 Там же. С. 218.
- 292 *Левашов В.К.* Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование // Социс. 2008. № 2. С. 28–29 .
- 293 См.: *Круглый стол «Меняющаяся социальность: контуры будущего»* // Полис. 2010. № 1. С. 97–121.
- 294 Цит. по: *Шевченко В.Н.* Национальный путь развития России в контексте нового этапа модернизации страны // Национальная идея России: материалы Всерос. науч. конф., г. Москва, 12 нояб. 2010 г. М., 2010. С. 153.
- 295 *Федотова В.Г.* Будущее капитализма и социализма. Круглый стол: «Меняющаяся социальность: контуры будущего» // Полис. 2010. № 1. С. 99–100.
- 296 *Райзенман Ф.И.* Грядущая в 2015–2025 годах новая общественно-экономическая формация «солидаризм»: модель и стратегии ее построения // Футурологический конгресс: будущее России и мира: материалы Всерос. научн. конф., г. Москва, 4 июня 2010 г. М., 2010. С. 211.

- 297 Плетников Ю.К. Будущее – социализм. М., 2000.
- 298 Федотов А.П. Глобалистика: начала науки о современном мире. 2-е изд. М., 2002.
- 299 Горелов А.А. Социальная экология. М., 1997. С. 178–181.
- 300 Багдасарян В.Э. О неизбежности смены современной российской социально-экономической модели // Футурологический конгресс: будущее России и мира: материалы Всерос. научн. конф., г. Москва, 4 июня 2010 г. М., 2010. С. 103.
- 301 Шевченко В.Н. Указ. соч. С. 154.
- 302 Извлекая уроки из кризиса // Вестн. РАН. 2011. Т. 81. № 7. С. 601.
- 303 См.: Порфирьев Б.Н. Экономика климатических изменений. М., 2008.
- 304 См.: Вестн. рос. акад. наук. 2009. Т. 79. № 9. С. 853.
- 305 Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. М., 1992. С. 333.
- 306 Вебер А.Б. Человечество перед глобальным экологическим вызовом. С. 110–111.
- 307 Уткин А.И., Федотова В.Г., Федотов Л.Н. Экологополитический и экологосоциологический дискурсы. С. 69.
- 308 Моисеев Н.Н., Александров В.В., Тарко А.М. Человек и биосфера. М., 1985. С. 241.
- 309 Лопатников Л. Социальная справедливость // Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 530.

Глава XV

- 310 См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 2009.
- 311 См.: Деягин М.Г. Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте? М.–Владимир, 2010.
- 312 См. об этом: Ойзерман Т.И. Метафилософия. Теория историко-филос. процесса. М., 2009. С. 419.
- 313 См. об этом: Вернадский В.И. Химическое строение Земли и ее окружения. М., 1985. С. 273; Олейников Ю.В., Борзова Т.В. Экологическое взаимодействие общества с природой (филос. анализ). М., 2008. С. 358–363.
- 314 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 225; См. об этом: Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М., 2003.
- 315 См. Маркс К., Энгельс Ф. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 114–115; Ойзерман Т.И. Возникновение марксизма. М., 2011. С. 466.
- 316 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 9, 255.
- 317 См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.
- 318 См.: Олейников Ю.В. Экологические альтернативы НТР. М., 1987.
- 319 См.: Гориков В.Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М., 1995; Олейников Ю.В., Борзова Т.В. Экологическое взаимодействие общества с природой (филос. анализ). М., 2010.
- 320 Олейников Ю.В. Экологические альтернативы НТР. М., 1987.

- 321 См.: *Гольданский В.И.* Возникновение жизни с точки зрения физики // Коммунист. 1986. № 1; *Гольданский В.И., Кузьмин.* Спонтанное нарушение зеркальной симметрии в природе и происхождение жизни // УФН. 1989. Т. 157. № 1.
- 322 См.: *Левин Ю.М.* Эндозкологическая медицина. Наука и практика лечения и оздоровления в условиях экологического неблагополучия. М., 2002; *Казначеев В.П. и др.* Выживание населения России. Пробл. сфинкса XXI в. Новосибирск, 2002.
- 323 См.: *Спирин А.С.* Современная биология и человек: надежды и опасения // Комплексное междисциплинарное исследование человека. М., 2001. С. 74–81; *Энгдаль У.Ф.* Семена разрушения. Тайная подоплека генетических манипуляций. СПб., 2009.
- 324 См.: *Олейников Ю.В.* Экологические ограничения бытия общества // Философия и общество. 2008. № 3.
- 325 См.: *Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. С. 273; *Олейников Ю.В., Борзова Т.В.* Экологическое взаимодействие общества с природой. С. 359–361.
- 326 См. об этом: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 170; *Олейников Ю.В.* Экологические альтернативы НТР. М., 1987.
- 327 См.: *Олейников Ю.В.* Трансформация мировоззренческих представлений о месте и роли отдельного человека в эволюции социоприродного Универсума // Наука о человеке и современная философия. М., 2010.
- 328 См.: *Олейников Ю.В.* Социальный аспект современной техноконтехнологической модернизации // Филос. науки. 2010. № 9.
- 329 См.: *Олейников Ю.В.* Экологическая обусловленность мировоззренческих трансформаций // Философия экологического образования. М., 2001.
- 330 См. об этом: *Федотова В.Г., Колтаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: Три великие трансформации. С. 369.
- 331 См.: *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
- 332 См.: *Дугин А.Г.* Социология русского общества. Россия между Хаосом и Логосом. М., 2011. С. 48–49.
- 333 См.: *Деягин М.Г.* Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте? С. 130–141.
- 334 См. об этом: *Олейников Ю.В.* Инфантильный социум? (аналитическое эссе). М., 2007; *он же:* Зрелое общество: проблема, реальность, перспектива. М., 2010; *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М., 2003; *он же:* Потерянный разум. М., 2005; *Цаплин.* Современная цивилизация. М., 2006; *он же:* Разумное, но не мыслящее. М., 2009.
- 335 См. об этом: *Ойзерман Т.И.* Оправдание ревизионизма. М., 2005. С. 652.
- 336 См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геополитические императивы. М., 2002.
- 337 Биота способна восстанавливать себя в прежнем объеме, если в течение года из нее изымается не более 1 % ее совокупной массы. Этот объем антропогенного использования биоты был превышен с началом промышленной революции в XIX в. Сейчас человечество изымает из природы около 10 % массы биоты суши.

- ³³⁸ См.: *Олейников Ю.В., Борзова Т.В.* Экологическое взаимодействие общества с природой. Филос. анализ. С. 208–267.
- ³³⁹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II. С. 214.
- ³⁴⁰ *Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. I. М., 1965. С. 270.
- ³⁴¹ См. об этом: *Олейников Ю.В.* Экологические альтернативы НТР. С. 125–127.
- ³⁴² См.: *Олейников Ю.В., Оносов А.А.* Ноосферный проект социальной эволюции. М., 1999.
- ³⁴³ См.: *Олейников Ю.В.* Социальный аспект современной технико-технологической модернизации // Филос. науки. 2010. № 9. С. 37–49.
- ³⁴⁴ См.: *Чернышевский Н.Г.* Избр. филос. соч. Т. 3. М., 1951. С. 28.
- ³⁴⁵ См.: *Олейников Ю.В.* Зрелое общество: проблема, реальность, перспектива. М., 2010.
- ³⁴⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 441.
- ³⁴⁷ См.: *Зальцберг М.* Исторические параллели // Зиновьев. 2008. № 2(3). С. 9.
- ³⁴⁸ *Лавров П.Я.* Народники-пропагандисты. М., 1925. С. 51.

Содержание

Введение. Меняющаяся, исчезающая, возникающая и конструируемая социальность.....	3
---	---

РАЗДЕЛ I

КОНЕЦ «ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ ОДЕРЖИМОСТИ» ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Глава I. Когнитивный сдвиг – от эпистемологии к социальной онтологии и конструированию социальной реальности	12
1. Социальное знание и социальная практика	12
2. От программы «научного миропонимания» к идее «контроля над будущим»	13
3. Социальные технологии как инструмент управления будущим	16
4. Социальные технологии или меняющаяся социальность	22
5. Об одной тенденции в понимании соотношения естественных и социально-гуманитарных наук.....	26
Глава II. Изменение социально-гуманитарных наук и понимание онтологии	29
1. Проблема постулирования в социально-гуманитарных науках	30
2. Социокультурная реальность как идея разума.....	32
3. Проблема конструктивизма в социально-гуманитарных науках	34
4. Возникновение и функционирование онтологических оснований науки	36
5. Социологи и экономисты в поисках онтологии.....	38
6. Онтология экономики.....	43
Глава III. Многовекторность фундаментальных исторических процессов и будущее России	49
1. Модернизация/демодернизация	49
2. Псевдоморфоза как тип развития.....	52
3. Глобализация: социокультурное измерение.....	59
4. Некоторые выводы.....	64

РАЗДЕЛ II

МОДЕРНИЗАЦИЯ. БУДУЩЕЕ СОЦИАЛИЗМА И КАПИТАЛИЗМА

Глава IV. Социализм: философская истина и аксиологическое правдоподобие.....	67
1. Ценностный и теоретический подходы к анализу социализма.....	68
2. Социализм как социализация	71

Глава V. Будущее капитализма	76
1. Откуда пришли ожидания, что капитализм должен измениться?.....	76
2. Факторы становления и изменения капитализма: общество или человек?	80
3. Капитализм не оставался неизменным на протяжении своей истории в разных странах	84
4. Сценарии будущих изменений капитализма.....	87

РАЗДЕЛ III ЛЮДИ И МАССЫ

Глава VI. Современные смыслы охлократии: «масса царит, но не правит»	92
1. Понятие охлократии в научном аппарате социального знания	92
2. Современные смыслы охлократии	101
Глава VII. Национальный характер и перспективы российского развития	111
1. Неoliberalная социальная теория и российские реформы	111
2. Богатство и бедность в современной России	116
3. Конформность и нравственность	119
4. Социальные условия восстановления морали	123
Глава VIII. Реальность и перспективы образования как проблема развития отечественной культуры	127
1. Образование как творчество культуры	128
2. Проблемы образования как результат быстрых перемен.....	133
Глава IX. Тренды возможного развития человека	143
1. Социальное и индивидуальное будущее человека в парадигме рефлексивной модернизации: общая характеристика.....	143
2. Тренд трансформирующейся индивидуализации: позитивная и негативная индивидуализация	147
3. Тренд целенаправленной биополитики и развития человеческого потенциала.....	151
4. Тренд коррекции парадигмы «Номо economicus»	153
5. Тренд институционального обеспечения возможностей человеческого развития. Необходимость социологии знания.....	154
Глава X. Биополитика, труд и социальное исключение	156
Глава XI. Человек в разных моделях модернизации	164
Глава XII. Проблемы общества потребления в будущем: локальный консьюмеризм незападных обществ	173
1. Разграничение понятий «потребление», «потребительство» и «потребительность»	173

2. Общество потребления	175
3. Становление общества потребления, или распространение идеологии потребления в западных странах	178
4. Локальный консьюмеризм и антиконсьюмеризм	182
5. Выводы	186

РАЗДЕЛ IV РИСКИ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Глава XIII. Безопасность как феномен социальной реальности	188
1. Безопасность на первом месте	189
2. Безопасность в аспекте глобализации и научно-технического прогресса	193
3. Проблемы национальной безопасности России	201
4. Перспективы построения безопасного миропорядка	205
Глава XIV. Какое будущее ожидает человечество в связи с нарастанием угрозы климатической и экологической катастрофы?	208
Глава XV. Человечество на распутье: тенденции эволюции	225
Примечания	247

Научное издание

Меняющаяся социальность: контуры будущего

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *Е.Н. Дудко*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 18.10.12.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 17,00. Уч.-изд. л. 14,18. Тираж 500 экз. Заказ № 034.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор авторов

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/archive.htm>

Издания, готовящиеся к печати

1. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 6 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2012. – 239 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0219-5.**

Шестой ежегодный выпуск сборника посвящен анализу актуальных аспектов истории и методологии гуманитарной экспертизы, также большое внимание уделяется проблемам биоэтики и виртуалистики. Этические вопросы, возникающие в пространстве применения био- и психотехнологий – традиционно в центре внимания авторов сборника. Особое внимание авторы уделяют проблемам соотношения рационального и иррационального в различных аспектах человеческой жизни: телесности, социуме, властных структурах, обучении, творчестве. Комплексный подход к изучению проблем человека находит свое воплощение также в материалах, посвященных модификации человеческой природы.

2. **Гаджикурбанова П.А. Этика Ранней Стои: учение о должном [Текст] / П.А. Гаджикурбанова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2012. – 219 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 211–218. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0222-5.**

Книга посвящена реконструкции и анализу этической доктрины Ранней Стои сквозь призму понятий *kathēkon* (надлежащее действие) и *katorthōma* (нравственно-правильное действие), характеризующих два аспекта моральных поступков и соответствующих им принципов долженствования. Особое внимание уделяется проблеме соотношения данных понятий, порождающей многочисленные споры и различные интерпретации стоической этики, начиная с античности и вплоть до наших дней.

В исследовании находят свое отражение как позиции наиболее авторитетных представителей академической историко-философской традиции, так и оригинальные, но в то же время и достаточно спорные прочтения стоической доктрины, представленные в современной философской литературе.

3. **Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.И. Блауберг. – М. : ИФРАН, 2012. – 211 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0231-7.**

В сборнике рассматривается ряд проблем, ставших предметом осмысления и обсуждения в западной философии последних десятилетий, в том числе дилемма универсализма и культурно-исторической обусловленности философского знания, проблема признания, квантовый подход к сознанию и др. Авторы предприняли попытку выявить новые тенденции в философской мысли Франции, Германии, США. Исследуются концепции позднего Ж.Деррида, А.Бадью, П.Рикёра, А.Конт-Спонвиля, А.Хоннета и др. Один из ведущих представителей американского неопрагматизма Ричард Бернштейн рассказывает о современных дискуссиях по поводу прагматизма. В сборнике также публикуются статьи о концепции видного теоретика психоанализа У.Бюна, о латиноамериканской теологии освобождения.

4. **Карпов, К.В. Учение Григория из Римини о предопределении и свободе воли [Текст] / К.В. Карпов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2012. – 128 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 113–122. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0226-3.**

Монография посвящена анализу учения Григория из Римини (ок. 1300–1358) о предопределении – одной из важнейших проблем в средневековой теологии. В монографии представлен систематический обзор взглядов на указанную проблему некоторых философов, в контексте которых Григорий из Римини и сформировал свое собственное, в высокой степени оригинальное учение. Впервые отечественный читатель имеет возможность ознакомиться с некоторыми представителями поздне схоластической мысли: Ландульфом Караччиоло, Франциском из Марке, Фомой Страсбургским. В ходе анализа позиции Григория из Римини автор пытается ответить на вопрос, является ли учение итальянского философа и теолога детерминистским.

5. **Культура и революция: фрагменты советского опыта 1920–1930-х гг. [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Е.В. Петровская. – М. : ИФРАН, 2012. – 127 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0224-9.**

На основе применения новейших теоретических инструментов вскрыты неясные аспекты советского культурного опыта 1920–1930-х гг. Авангардная фотография рассмотрена с точки зрения антропологии восприятия. Изучены различные режимы использования национального архива. Послереволюционное преобразование труда и быта представлено как проявление биополитики. Обнаружена коммуникативная логика проектов Александра Богданова. Проанализировано внутреннее время произведений авангардного искусства. Коллективная монография предназначена для специалистов в области философской антропологии и истории культуры, а также для широкого круга читателей, интересующихся свежим прочтением советского социокультурного эксперимента.

6. **Проблемы философии культуры [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А. Никольский. – М. : ИФРАН, 2012. – 191 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0228-7.**

В сборнике ставится цель прояснить понимание философии культуры в системе современного гуманитарного знания, для чего: исследуется генезис текстового основания культуры; проанализированы функции культуры в информационной цивилизации и в связи с проблемой становления в современной России национального государства; критически рассмотрены проблемы философии культуры в постмодернизме; показаны возможности интеграции философских и гендерных подходов к анализу культуры; раскрыто взаимодействие в культуре традиций и новаций, в том числе – в рамках мультикультурных пространств.

7. **Рациональность и её границы: Материалы междунар. научн. конф. «Рациональность и её границы» в рамках заседания Междунар. ин-та философии в Москве (15–18 сент. 2011 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2012. – 233 с.; 20 см. –500 экз. – ISBN 978-5-9540-0221-8.**

Данная книга представляет собой сборник докладов международной научной конференции «Рациональность и её границы», которая состоялась во время заседания Международного института философии в сентябре 2011 г. в Москве. Основные темы, обсуждавшиеся на конференции: различные типы и аспекты рациональности, связь рациональности и морали, возможность вненаучной рациональности, рациональность как культурная ценность, а также границы понятия рациональности. Данные тексты ориентированы на читателей, интересующихся современными тенденциями эпистемологии и философии науки и особенно судьбами европейской научной рациональности.

8. **Томова Н.Е. Естественные трехзначные логики: функциональные свойства и отношения [Текст] / Н.Е. Томова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2012. – 89 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 86–89. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0229-4.**

Монография посвящена функциональным свойствам трехзначных логик. Предложен оригинальный подход к рассмотрению вопроса о взаимоотношении между различными трехзначными логиками, различные классы трехзначных логик представлены в виде решеток относительно свойства функциональной вложимости. Построены решетки импликативных расширений регулярных логик Клини, а также решетки р-логик.

9. **Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 6 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. М.С. Киселева. – М. : ИФРАН, 2012. – 181 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0223-2.**

Проблема выбора – классическая для антропологии. Каждый новый вызов ставит снова и снова перед человеком задачу соответствующих адекватных реакций и нахождения верных поведенческих практик. Но не только человек делает выбор; от его имени выбор совершают страны, народы, политические партии, научные сообщества, общественные организации и т. п. Телеология и выбор; современная политическая ситуация и самоидентификация человека; пространство и время выбора в культуре; психологическая составляющая выбора; выбор веры и вера в правильность выбора, современные интернет-технологии, дающие новые возможности выбора, – вот далеко не полный перечень проблем, которые обсуждаются в этом выпуске сборника.

10. **Эволюционная эпистемология: современные дискуссии и тенденции [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. Е.Н. Князева. – М.: ИФ РАН, 2012. – 236 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0227-0.**

В сборнике обсуждаются перспективы развития эволюционной эпистемологии в свете современных дискуссий о возможностях натуралистических подходов к пониманию функционирования и развития сознания, восприятия, мышления, телесности и духовности человека. Натуралистический подход стимулируется современными предпочтениями к проведению трансдисциплинарных исследований. Показывается, что один из наметившихся трендов – это соединение эволюционной эпистемологии с когнитивной биологией, которое олицетворяет сближение когнитивных наук и наук о жизни. Исследуется взаимосвязь между эволюцией и развитием, между филогенезом и онтогенезом, что обозначается сегодня как *evo-devo-perspective*. Познание рассматривается не столько как построение репрезентаций внешнего мира, сколько как возникновение эмерджентных свойств мозга-тела-сознания в его физическом и биосоциальном встраивании в окружающую среду.

11. **Эпистемология в XXI в.: Новые книги, справочные материалы, рецензии и обзоры (2000–2011) [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. А.Ю. Антоновский. – М.: ИФ РАН, 2012. – 207 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0230-0. – Цена 00 руб. 00 коп.**

В издании представлены эпистемологические новинки, вышедшие в зарубежных издательствах за 2000–2011 гг. Особое внимание уделено работам в области философии языка и сознания, философии науки и социальной эпистемологии. Книга предлагает уникальный справочный материал, практически полный и аннотированный список англоязычной, немецкоязычной и франкоязычной литературы последних лет, а также рецензии на современные труды по эпистемологии в России и за рубежом. Авторский коллектив по преимуществу составляют сотрудники сектора социальной эпистемологии Института философии РАН.

12. **Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. – Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: В.В. Бычков, Н.Б. Маньковская. – М.: ИФ РАН, 2012. – 184 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0225-6.**

Очередной выпуск сборника включает в себя научные статьи по трем традиционным разделам «История эстетики», «Актуальные проблемы» и «Живая эстетика». В первом разделе анализируются мало исследованные в историко-эстетической литературе проблемы красоты и ее модификаций – света и благоухания – у автора «Ареопагитик», понятия красоты и безобразного у Вячеслава Иванова, концепция символизации в эстетике французского символизма. В сфере эстетической теории намечены концептуальные подходы к феномену симулякра на примере современной музыки и поставлена новая дискуссионная проблема эстетики разума, интеллигибельной деятельности. Раздел «Живая эстетика» посвящен актуальной дискуссии по вопросам художественного символа и символизации в философии искусства, в классическом и современном искусстве.